

Не во саде сидишь,
Не во зелёном сидишь,
Здесь не соловьи поют,
А поют красные девушки...

Народная песня

РУССКАЯ ОБРЯДОВАЯ ПОЭЗИЯ

ЖИЛИ-БЫЛИ...

Составители, авторы статей и комментариев
Г.Г. Шаповалова и Л.С. Лаврентьева

Русско-Балтийский информационный центр

Б Л И Ц

Санкт-Петербург · 1998

*Издание выпущено при финансовой поддержке
Администрации Санкт-Петербурга*

*Авторы и издательство
выражают сердечную признательность
княжне Екатерине Голицыной (Париж)
за финансовую поддержку этого издания*

ISBN 5-86789-052-X

© Г.Г. Шаповалова, Л.С. Лаврентьева:
составление, статьи, комментарии, 1998
© Издательство «Русско-Балтийский
информационный центр БЛИЦ», 1998

Галина Григорьевна Шаповалова, к сожалению, не дожидаясь выхода в свет этой книги, которую она рассматривала как итог своей большой творческой жизни. Вся ее деятельность была пронизана желанием нести людям знания о народной культуре, об обычаях и обрядах, которые во все времена были и остаются в центре нашей жизни. Популяризация народной культуры осуществлялась Галиной Григорьевной на всевозможных уровнях. По ее инициативе в разных

районах возникали фольклорные коллективы, многие из которых существуют и по сей день. Незабываемы ее фольклорные экспедиционные отчеты в Ленинграде и Петербурге, которые собирали не только широкий круг специалистов, но и просто рядовых жителей города — любителей фольклора.

Созданные Галиной Григорьевной этнографические фильмы «Календарные обряды русских» разошлись буквально по всему миру. Желание восстановить утраченные традиции проявилось и в замечательных передачах Петербургского радио в программе «Заячий остров».

Все, кто хоть раз слышал эти ее выступления, не остались равнодушными и запомнили их надолго.

Вам приходилось бывать в деревне? Если

будете, спросите у любого старого человека: хорошо ли, весело ли им жилось в деревне до 1917 или даже до 1930 года? В первый момент, может, будет и недоверие, но через несколько минут, скорее всего, произойдет чудо. Глаза у собеседника заблестят, он оживится и польется поток воспоминаний о том, как свадьбы справляли, как на Святках и Масленице веселились, и многое другое.

Нам, составителям и авторам этой книги, посчастливилось разговаривать во время экспедиций с людьми, родившимися еще в конце прошлого века и через их рассказы войти в удивительный мир гармонии и красоты, связанный с природой, пронизанный мелодиями песен, яркостью обрядов. И это нам хотелось бы донести до читателя.

Как-то во время экспедиции в Тверскую область, чтобы начать разговор с женщиной, которая подгробала сено и явно не хотела с нами знакомиться, мы не без подвоха спросили ее:

— Ну, хоть какую-нибудь песню-то вы знаете?

Она посмотрела на нас с явным недоумением.

— Песни? Да как же их не знать? Песни — это мысли!

Вот уж лучше не скажешь!

Именно потому через всю жизнь русского человека, крестьянина, проходила песня. Она была с ним и в радости, и в горе, и в труде. Везде была нужна, везде помогала. «Без песен — рот тесен», — говорилось в народе. Но песни — это не только мысли. Это душа народа. А значило это, что люди проводили всю свою жизнь в окружении не только прекрасной русской природы, но и поэзии, которая была органична и естественна, как дыхание. То были и песни как таковые, с установившейся мелодией и напевом, и причитания, и приговоры, и звонкие маленькие частушки.

Все это составляло неотъемлемую часть крестьянского быта. А сама жизнь? Ее четкий трудовой ритм определялся круговоротом в природе, сменой времен года, создавая незыблемость уклада жизни и труда земледельца.

В далекие времена люди одухотворяли природу. Всё окружающее человека было непонятным, таинственным, но живым. Подобно себе, они наделяли предметы и явления душой и характером. Одухотворенным, казалось, было всё — и дерево, и камень, и вода, и воздух. Их населяли духи, как добрые, так и злые. И к людям они могли относиться по-разному — делать им добро или зло. Помогать или вредить человеку. Поэтому считалось, что их следовало расположить к себе, делая жертвоприношения, исполняя ритуальные песни и танцы.

Так возникли первые обряды, которые сопровождали всю жизнь человека от рождения до смерти и в семье, и в труде. И самое удивительное, что некоторые из этих обрядов, потеряв свою первоначальную магическую значимость, превратившись в игры, веселое времяпрепровождение, дошли и до наших дней.

Как утверждает известный ученый В.Я.Пропп, «всякий народ всегда проходит несколько стадий своего развития, и все они находят свое отражение в фольклоре, оседают в нём. Фольклор всегда полистадиален, и это одно из характерных для него явлений». Другой современный ученый, В.И.Еремина, поясняет: «Мифологическое сознание теряет со временем основные элементы своего содержания, но форма выражения эстетически ценных представлений сохраняется почти нетронутой, она лишь слабо видоизменяется, а поэтому и живет веками».

Основные формы, сохраняющие мифологическое сознание, — обычаи, обряды. Но, что же такое обычай и обряд? Обычай — это издавна укоренившийся в быту традиционный всеми признаваемый порядок совершения каких-либо общественных действий, традиционные правила поведения.

Обряд — явление более узкое, чем обычай. Это традиционный порядок, по которому совершаются какие-либо действия, связанные с определенными предписаниями того или иного народа. Например, во всех странах встречают Новый год, однако везде встречают его по-своему. Или свадьбы. Это понятие для всех одно — чествование, венчание новобрачных. Но не только у каждого народа с этим связаны свои обряды, — даже в разных деревнях в свадебных обрядах бывают свои особенности.

Обрядность была строго обязательна, и это сплачивало людей, создавало единый и нерушимый уклад жизни. В ней воплотилось и народное мировоззрение, и этика, и эстетика. Передаваясь из рода в род, из поколения в поколение, она создала, в конечном счете, ту народную русскую культуру, которой мы вправе гордиться.

Жизнь крестьянина* полностью зависела от урожая. А урожай, в свою очередь, зависел не только от того, как будет подготовлена земля к севу: т.е. вспахана, заборонена, удобрена и т.п., сколько труда и труда тяжелого будет в это вложено, но и от того, когда начнет оттаивать земля, какие будут росы — теплые или холодные, пойдут ли вовремя дожди, не спалит ли всходы озимых солнце. Кто мог в этом помочь? — Только сама природа и, прежде всего, всемогущее солнце. Поэтому первые обряды, возникшие в далекие языческие времена, и были обращены как к всемогущему солнцу, так и другим многочисленным божествам и духам, которыми наши предки наделяли природу и помощь которых они хотели получить. Но первым в этом ряду было, разумеется, солнце.

В фольклористике принято делить обряды на календарные, т.е. связанные со сменой времен года: зима, весна, лето, осень, и семейно-бытовые — крестины, свадьба, похороны. В какой-то мере к последним могут быть отнесены и проводы новобран-

* Слово «Крестьянин» происходит от слова «христиане» и обозначало некогда «русские люди», «русский народ». «Крестьянин», «христианин», «крещеный» образованные от греческого слова *christianos* — были на Руси понятиями однозначащими.

Резные наличники.
Борисоглебский район Ярославской области

цев для службы в армии или мужчин на войну. Была и еще одна группа обрядов, специальных, связанных, например, с падежом скота, эпидемиями чумы, холеры, при сильных пожарах, но этих обрядов мы здесь касаться не будем.

Календарные и семейные обряды некогда были, вероятно, едины. Следы этой связи проявляются в приуроченности некоторых семейных обрядов к определенным календарным датам, в общности поэтических символов обрядовых действий, атрибутов и т.п. Торжественное проведение и особая значимость обрядов или целых их циклов создали праздники, которые фиксировали начало изменений в природе: начало движения солнца к зениту, первые признаки весны, возвращение первых перелетных птиц, первая трава, первая зелень на деревьях и т.п., с которыми были тесно связаны начала тех или иных сельскохозяйственных работ и вся семейная жизнь человека-труженика, крестьянина.

В древности существовал календарь, который в основе своей был солнечным и имел тесную связь с хозяйственной деятельностью крестьянина-земледельца (поэтому его и называли иначе аграрным). Опорными точками отсчета этого календаря были зимний (22 декабря) и летний (22 июня) солнцевороты, весеннее (21 марта) и

осеннее (23 сентября) равноденствия. Наряду с этим действовал и гражданский календарь, по которому в разные исторические периоды новый год начинался то с марта, то с сентября, то, наконец, с января. По аграрному календарю год земледельца делился на две половины: одна — от зимнего солнцестояния и солнцеворота до летнего, другая — от летнего солнцестояния и солнцеворота до зимнего. В первую половину года, когда крестьянин вспахивал поля под яровые, бороновал, сеял, закладывались все предпосылки будущего урожая. Качество боронования, зерна, своевременный посев каждого злака, уход за скотом и забота о его приплоде — вот то, от чего зависело благополучие всей крестьянской семьи. Ожидания крестьянина пронизывали всю обрядовую поэзию, потому что весь вложенный в землю труд мог пропасть даром, если не будет помощи Свыше. Отсюда и обязательность обрядов, которые в первую половину года заключали в себе просьбы о своевременном тепле, дожде, хороших всходах озимых, большом приплоде скота.

Вторая половина года (сенокос, жатва, обмолот, обработка льна и прочее) — уже реальные результаты труда крестьянина, за которые он благодарил Высшие силы природы. Одновременно у крестьянина возникали и новые заботы о будущем урожае.

Этот трудовой ритм жизни, строго соблюдавшийся и передававшийся из рода в род, создавал не только нравственную твердость, но регламентировал, укреплял весь семейный уклад, показывал молодежи, как надо работать в поле, огороде, как строить дом, когда и какие нужны обряды. Всё это знали старшие. И молодые учились у них с самого детства, наблюдая и подражая.

Авторитет старшего был непререкаем. Например, перекрестясь на иконы, семья садится за стол обедать. Первым из общей миски черпал щи или кашу отец, потом — по старшинству. Но вот парнишке очень захотелось ухватить лакомый кусочек и он опередил старшего брата... «щелк!» — и получил ложкой от отца по лбу. Дело в том, что в семье тогда была строгая дисциплина, как сейчас говорят, а тогда — это был просто прядок, на котором держалась работа и в поле, и в домашнем хозяйстве.

Христианство пришло на языческую Русь со своим календарем, определив на каждый день память о каком-либо святом или празднике, связанном с библейской историей (Ветхим или Новым заветом). Названия этих праздников получили бытовое осмысление и использовались как вехи наряду с числами и месяцами. Более того, по ним вели отсчет начала тех или иных сельскохозяйственных работ. Некоторые святые получили различные постоянные эпитеты и стали в представлении народа покровителями определенных видов работ.

Приведем несколько примеров.

23 апреля (6 мая) — день святого великомученика Георгия Победоносца, известного в народе под именами: Егорий Храбрый, Юрий, Георгий. Считали, что Георгий покровительствует полям и плодам, охраняет землю, а также оказывает влияние на людей, скот и все живое.

5 (18) мая — день святой мученицы Ирины. Народ называет ее Ириной-рассадницей, так как в это время начинают высаживать рассаду огородных культур.

4 (17) июня — день святого Митрофана: «С Митрофания сей лен и гречиху».

24 июня (7 июля) по церковному календарю — Рождество святого Иоанна Крестителя. Этот праздник в народе известен под именем Ивана Купала или просто Ивана дня. В этот день было принято собирать целебные травы.

23 августа (5 сентября) — день святого Лупа, когда хозяйки начинали отделять льняные семена. «На Лупа льна лупят».

14 (27) сентября, на Воздвижение, говорили: «Хлеб с поля сдвинулся», — т.е. передвинулся с поля на гумно, заканчивалась уборка хлеба с полей.

15 (28) сентября — день святого Никиты (Никита репорез) — в этот день крестьяне срезали и убирали репу. Эти и многие другие календарные праздники составляли неподвижную часть церковно-народного месящеслова и праздновались из года в год в одни и те же дни.

Наряду с этим были и другие праздники, так называемые передвижные, которые исчислялись по древнему лунному календарю. В центре их была Пасха, в основе также связанная с аграрными обрядами и праздновавшаяся в первое воскресенье после первого весеннего полнолуния в период с середины марта по конец апреля. От нее отсчитывались сорок девять дней (семь недель) назад, то есть к зимним Святкам, и праздновалась Масленица (Масленичная неделя восьмая) и сорок девять дней вперед — когда праздновались Троица и Духов день (Зеленые святки).

Как результат исчисления по лунному календарю, многие праздники длились неделями (неделя, семь дней, — это прохождение Луной одной фазы, то есть четверти диска Луны). Так, например, с 25 декабря (7 января) по 1 (14) января шла Рождественская неделя, за ней с 1 (14) января (день святого Василия Великого, или Кесарийского) по 7 (19) января (Крещение) — Васильевская или Крещенская неделя, далее идут Масленичная неделя, с 23 апреля (6 мая) — дня чествования преподобного Егория по 1 (14) мая — Егорьевская, затем Троицкая, Семиковая недели и т.д. Так христианство приспособилось к народному быту и благополучно сосуществует с язычеством по сей день.

Все календарные праздники имеют более или менее общую структуру и состоят из следующего: обходы дворов (благополучие должно войти в каждый дом); персонафикация праздника (Коляда, Масленица, Купала и пр.); приобщение к празднику через пищу (кутья, блины, крашенные яйца), печенье — «козули», «Жаворонки»; ритуальное веселье, смех; обязательное почитание умерших предков.

Традиционная обрядовая поэзия — неотъемлемая часть нашей народной культуры, национального поэтического мышления. Принадлежит определенному исторически сложившемуся жизненному укладу русской деревни, ушедшему в прошлое, она оставила глубокий след в материальной и духовной культуре русских, бытуя в своеобразной форме и по сей день.

Обряды и обрядовая поэзия явились источником вдохновения многих известных писателей, поэтов, композиторов и художников, органически вошли в ткань их произведений.

Достаточно назвать имена Жуковского, Пушкина, Некрасова, Римского-Корсакова, Чайковского, Репина, Перова, чтобы читатель сам вспомнил соответствующие страницы и сюжеты таких произведений.

На протяжении многих веков основные события семейной жизни крестьянина-земледельца и этапы годового хозяйственного цикла отмечались яркими праздниками, которые были насыщены самобытной обрядовой поэзией — песнями, приговорами, причитаниями и т.п. Красота, гармония, поэтичность этих произведений народного творчества обеспечили им долгую жизнь как в фольклоре, так и в профессиональном искусстве.

Изменение исторических и экономических условий жизни народа, в особенности резкие социальные сдвиги в 1917 году, почти совершенно вытеснили обрядовую поэзию из народного быта. Тем не менее лучшие образцы ее дошли до наших дней и представляют не только историческую, но и актуальную художественную ценность.

Календарные праздники и обряды

Святки. Рождество. Новый год

Святки! Сколько надежд, ожиданий, предвкушения радостей и веселья связано с этими праздниками.

В России Святки (с 25 декабря (7 января) по 6 (19) января) ожидалась с нетерпением, особенно молодежью. Они сменяли тяжелый сорокадневный рождественский пост, когда гулянья и разные потехи были запрещены, а до поста развлекаться не позволяли многочисленные хозяйственные работы. Со Святками приходили колядованье, скоромная еда, гаданья — возможность приподнять завесу над будущим, над предстоящим годом.

Новый год, перенесенный указом Петра I в 1699 году с 1 сентября на 1 января (день, когда церковь чествовала святого Василия), разделил Святки на «Святые вечера» — с 25 декабря (7 января) по 1 (14) января — и «Страшные вечера» — с 1(14) января по 6 (19) января. Святые вечера в народном сознании были связаны с Рождеством Христовым. Вторая неделя (Страшные вечера) шла под знаком разбушевавшейся нечистой силы, активность которой прекращалась в Крещение, когда освящалась в церквях и прорубях вода, на дверях и окнах в домах ставили мелом или углем кресты и окропляли их принесенной из церкви «святой водой».

Обход дворов с песнями-колядками совершался за Святки трижды: в Рождественский сочельник — это была «рождественская коляда», под Новый год (в день Василия Великого, или Кесарийского) — «васильевская коляда» и в Крещенский сочельник — «крещенская коляда». В первый день Рождества, вслед за духовенством, обходившим дворы с молебном, ходили ребяташки с восьмиконечной звездой и «славили Христа» — пели рождественские тропари (молитвенные стихи и песнопения православной церкви), за что им выносили пироги или печенье.

В числе колядовщиков обязательно был «мехоноша», собиравший в особый большой мешок «дары подаяния». Сбор колядовщиками продуктов когда-то был элементом поминальной обрядности: в поминальные дни нужно было накормить «дзядов» (умерших предков), не то — жди беды. Со временем дары утратили поминальный характер и стали «заработанной» добычей колядовщиков, которые делили ее между собой после обхода всех дворов. Зачастую с колядовщиками или отдельно ходили ряженые. Рядились козой, медведем, конем, быком, могли тянуть за собой плуг, имитируя пахоту, принимали образы стариков с длинными бородами из пакли, наряжались горбатыми старухами, цыганами, солдатами, коновалами, при этом балагу-

рили и разыгрывали целые сценки. Ряженье тоже стало просто веселой игрой, но сохраняет в себе все тот же общий смысл обряда, символику плодородия. Помня об этом, легче понять и тексты песен колядовщиков и ряженных.

*Где коза ногою,
Там жито копною,
Где коза рогом,
Там жито стогом.*

Для каждой семьи Святки начинались после Всенощной, с вечернего застолья, совмещавшего обед и ужин, так как в сочельник по церковному уставу было запрещено есть до первой звезды. На столе обязательно была кутья — каша из крупного зерна — ячменя или пшеницы — с медом и ягодами черемухи или коринки (в городе употребляли рис и изюм). Готовили также блины, поминальное пиво (канун), компот из сухих фруктов — узвар (озвар). Ритуальная еда, которая была на рождественском столе в сочельник — тоже напоминание об обычае поминания предков. В каждом доме в деревне, а зачастую и в городе непременно пекли «козули», «коровки» — фигурки домашних животных из особого теста на меду, украшенные подвешенным белком с сахаром (это печенье шло и в дар колядовщикам). Помимо еды ритуальной, на столе в обилии была и скромная праздничная пища: студень, жаркое, колбасы и прочее.

Кончался праздничный ужин, и молодежь высыпала на улицу. Если село было большое, делились на две группы. Одна с одного конца шла, другая — с другого. Каждая выбирала «старшого», «мехоношу», который нес мешок, куда складывали все, чем хозяйки одаривали за добрые пожелания (пирог, «козули», деньги и др.). Впереди группы шел парень с шести- или восьмиконечной звездой из фольги или цветной бумаги, прикрепленной к длинному шесту. Иногда звезду делали полый и внутри зажигали свечку. Светящаяся в темноте звезда словно плыла по улице.

И в морозном воздухе звенели, искрились песни-припевки:

1. <i>К нам пришло-прикатилося Святое Рождество! Вот Свят вечер! Вот Свят вечер!*</i> <i>Мы ходили-походили, колядовщики! Мы искали-поискали Иванова двора! Стоит Иванов двор на пяти столбах, На пяти столбах На семи верстах! Как во первом терему Сам хозяин во дому! Во втором-то терему Сама хозяйка во дому!</i>	<i>А во третьем терему Часты звездочки! Часты звездочки, Милы детушки! Коляда-коляда, Подавай пирога! Или хлеба ломтину, Или денег полтину! А не дашь пирога, Так корову за рога! Вот Свят вечер! Вот Свят вечер!</i>

* Припев повторяется после каждых двух строк.

Старшей стучит в окошко первого с краю дома: «Хозяева, поколядовать?» Ну, кто же откажется от доброго пожелания? — «Колядуйте, пожалуйста!»

И колядовщики пели:

2. <i>Пришла коляда Накануне Рождества. Дайте коровку, Масляну головку! А дай Бог тому, Кто в этом доме,</i>	<i>Ему рожь густа, Рожь ужиниста: Ему с колоса осьмина, Из зерна ему коврига, Из полузерна — пирог. Наделил бы вас Господь</i>	<i>И житьем, и бытьем, И богатством, И создай вам, Господи, Еще лучше того!</i>

За хорошее подавание колядовщики пели хозяевам благопожелания:

3. <i>Дай те Господи На поле — прирост, На гумне — примолот, На столе — гущина, В закромах — спорынья*,</i>	<i>Коровы-те дойны, Сметаны-те толсты. Сметану-то снимают, Ложки ломают, За окошко бросают,</i>	<i>Наши ребята все подбирают. С праздничком!</i>

* Спорынья:
см. Словарь

Если хозяева скупались и ничего не подавали, им могли спеть и не очень приятное пожелание:

4. <i>Коляда-моляда, Не хошь ли пирога? Не ломай, не ломай, Весь подавай!</i>	<i>Коляда, коляда, Подай нам пирога! Не дашь нам пирога, Мы быка за рога,</i>	<i>Мы телицу-годовицу, Мы корову-яловицу, Овцу-ягоницу, Кошку-лакомицу!</i>

Ну тут уж ребятам нужно было удирать со всех ног: обиженные хозяева могли и наkostenylatb.

В самой колядке были четко определены праздники, входящие в понятие «Святки».

5. *А рано, рано петушок попел,
Святой вечер добрым людям!**
*А раней того Петро встал, звонком позвонил,
Звонком позвонил, ковалев побудил,
Ковалев побудил: «Вставайте, ковали,
Вставайте, ковали, куйте топоры,
Куйте топоры, тешите бусы,
Тешите бусы, стелите мосты,
Да будет идти три праздничка:
Первый праздник — Святое Рождество,
Второй праздничек — Святого Василия,
Третий праздничек — Святое Крещение.
Святое Крещение, с колядами прощение,
Святой вечер добрым людям!*

* Припев
повторяется
после каждой
строки.

Рождественские козули.
Архангельская область,
Онежский район

10. <i>Новый год пришел, Старый угнал, Себя показал!</i>	<i>Ходи, народ, Солнышко встречать, Мороз прогонять!</i>

В некоторых местностях в новогоднюю ночь принято было выставлять на воротах, или на скамейках, или у крыльца миску с кутьей, киселем, клали кусок пирога и «закликали мороз», просить его, как это велось еще в языческие времена, чтобы он, «Мороз», не уничтожил молодые всходы хлебов, не помешал хорошему урожаю в наступающем году, не лишил людей благополучной сытой жизни.

11. <i>Мороз, Мороз Васильч! Ходи кутьи есть! Мороз, Мороз Васильч! Ходи кутьи есть! А летом не бывай: Цепом голову проломлю, Метлой очи высеку!</i>	12. <i>Мороз, мороз, Не бей мой овес! Иди мой кисель съесть, Не бей мой овес!</i>

В течение всех Святков на Севере России принято было еще петь «Виноградья», называвшиеся так по припеву «Виноградье красно-зеленое». Это было тоже колядованье. Слово «виноградье», употреблявшееся в русском средневековье, сохранилось в народной поэзии как поэтический образ, символизирующий плодородие, обилие и довольство, а также — любовь, брачную жизнь. Этот образ проник в разные типы песенной поэзии. В песнях о свидании влюбленных, о сватовстве, о счастливой любви девицы и молодичи образ винограда — один из самых распространенных. В святочных песнях Виноградье прослеживаются и элементы христианства, упоминаются имена Иисуса Христа, Девы Марии, святого Николая, святого Егория. В народном сознании они низводились с неба на землю и воспринимались как реальные активные помощники крестьянина-землепашца в его тяжелом труде.

Песни-пожелания были обращены к каждому из членов семьи и исполнялись особо: холостым, женатым с детьми, женатым бездетным. Если в песне величали одного человека, то такое виноградье называли «малое», если всю семью — «большое». Желаемое выдавалось за реальность: дом назывался «теремом», вокруг дома «тын серебряный стоит», «на всякой тычине по жемчужинке». Песни для обходов дворов состояли из трех частей: просьбы разрешить спеть песню; прославления хозяев; просьбы о вознаграждении за благопожелание. За исполнение этих песен полагались дары в виде козуль, пирогов, пряников, конфет, иногда давали и деньги. Если хозяин не скупился — ему пели еще и «благодарность»:

*Сто бы тебе коров,
Полтора ста быков,
По ведру бы-то дошли,
Все сметаною...*

Эта часть колядок особенно важна, так как в ней владельцу одной коровенки и лошаденки сулились тучные стада, обильный урожай и т.п. Если хозяин скупился, ему пели «корильную»:

*Кто не даст коляды,
Тому двор чертей,
Огород червей!*

* Припев повторяется
после каждой строки.

13. *Виноградье красно-зеленое**,
Уж мы ходили да гуляли, да по новым городам,
Уж мы ходили, мы искали господинова двора.
Господинов двор далеко в стороны,
Далеко в стороны да на высокой горы.
На семи стоит верстах, на восьмидесяти столбах.
Как у этого двора хрустального стекла ворота.
Все закладочки были литой стали.
Да что у этого двора стоит зелен сад,
Да что в этом во саду да мурава-трава,
Да мурава-трава, цветы лазуревые.
Что во этом во саду стоят три терема;
Да в первом да терему все весел-ясен месяц,
Да весел-ясен месяц — то ведь самый господин,
То ведь самый господин — Иван Петрович.
Да во втором да терему да все светла заря,
Да все светла заря — то сама госпожа,
Да то сама госпожа — да то Татьяна Петровна.
А во третьем терему да часты звездочки,
Да часты звездочки — да то малы деточки.
Да выходили малы дети на красно ново крыльцо,
Да выносили малы дети да бел крупитчатый калач,
Да подавали малы детки да виноградчицам калач.
Виноградье красно-зеленое.

Первые 6 строк исполняются, когда колядовщики
подходят и останавливаются перед домом.
Если хозяйка пускают их в дом, они поют,
начиная с 7-й строки.

* Припев повторяется
после каждой строки.

14. *Прикажи, сударь хозяин,
Виноградье спеть!
Виноградье красно-зеленое!
Если прикажешь — мы споем,
Не прикажешь — отойдем.
Виноградье красно-зеленое!**

*Как по морю, морю синему
Ходил-гулял Сокол-корабль*

15. *Ходят девицы о Святых вечерах,
Виноградие красно-зеленое!**
Еще идут девицы господинова двора.
Господинов двор далеким-далеко,
[На пятьдесят] верстах,
да на семидесят столбах.
Еще около двора да все трава-мурава,
Трава-мурава, трава шелкова.
На каждой на травинке
по цветочку цветет,
На каждом на цветочке
по жемчужинке висит.
У двора ворота были решетчатые,
Подворотенка была стекольчатая,
У ворот веревя была — рыбий зуб.
Ступил во двор —
все три терема стоят,
Крутоверховаты, златоверховаты.
Во первом-то терему
как светел месяц,
Светел месяц — сударь батюшка,
Во втором-то терему
как светлая заря,

* Припев
повторяется
после каждой
строки.

16. *Уж ходят ребята-колядовичики,
Виноградье красно-зеленое!**
Ищут-поищут восударев двор,
Нашли ребята восударев двор,
Восударев двор на семидесяти
верстах,
Круг-то двора железный тын,
На каждой тычинке по маковице,
По маковице да по жемчужной,
Припевают-то они хозяина,
На небе-то две радуги,
Удоброго хозяина в дому две радости:
Перва-то радость — ему сына
женить,
Втора радость — дочь андать.

* Припев
повторяется
после каждой
строки.

Светлая заря — родна мамушка,
Во третьем-то терему
да часты звездочки,
Часты звездочки —
да родны сестрицы.
Выходил Алексей на красное крыльцо,
Выносил господин
как серебряный алтын.
Выходила и Анна на красное крыльцо,
Выносила госпожа золотую гривну.
Выходили малы деточки
на красное крыльцо
Выносили малы деточки
крупитчатый калач.
Садилась мы тут да во единый круг,
Во единый круг да думу думали.
Мы серебряный алтын
за молебен отдадим,
Золотую гривну на вине пропьем,
А крупитчатый калач
на закуску съедим.
Виноградие красно-зеленое!

Как у доброго хозяина сорок кобыл,
Сорок кобыл да серо-пегий жеребец,
У доброй хозяйюшки двадцать коров,
Двадцать коров да пестрый бык,
У малых-то детушек —
двадцать овец,
Двадцать овец да лысанный баран.
Хозяин-от идет — полведра вина
несет,
Хозяюшка идет — пива шаюшку
несёт,
Малые детушки идут — пирогов
блюдо несут,
Ты не дашь пирога — мы корову
за рога,

*Корову за рога — коня за узду,
 Коня за узду — серебряную,
 Виноградье красно-зеленое!
 Благослови, хозяин, во высок терем зайти,
 Христа поставили,
 Хозяина с хозяйюшкой поздравили!*

На Святках молодежь веселилась не только на улице. Проводила она вечера и в избе, которую с осени откупали вскладчину у какой-либо одинокой старушки для «посиделок», «бесед», «вечёрок» — где как называлось. Собираться девушки на посиделки начинали с праздника Покрова Пресвятой Богородицы 1 (14) октября. К этому времени заканчивались все полевые работы. Девушки сидели кто с вышиваньем, кто с пряднем, кто с вязаньем, беседовали, пели песни, — так незаметнее проходили длинные зимние вечера. Потом приходили парни и начинались танцы. После морозного воздуха на улице так приятно было зайти в теплую избу, снять полшубки, пальтушки и завести игры с песнями, которых было очень много.

17. *Как пошел да Дунай
 Он на игрища гулять,
 Он на игрища гулять,
 На Святые вечера.
 Как садился Дунай
 Он на лавочке,
 Он на лавочке,
 На примосточке,
 Уронил шапку чернобархатную,
 Чернобархатную, черноплисовую.
 Перед им ходит Девка красная,
 Девка красная, Слуга верная.
 «Уж ты девушка-душа,*

*Черноброва й хороша!
 Черноброва й хороша,
 Ты послушай-ка меня,
 Ты послушай-ка меня,
 Ты подай шапку мою!»
 — «Не слуга, сударь, твоя,
 Я не слушаю тебя,
 Я не слушаю тебя,
 Не подай шапки тебе!»
 Как пошел же Дунай
 Нерадостен, невесел,
 Нерадостен, невесел —
 Сударушки не нашел.*

18. *Со вьюном хожу,
 Со золотым хожу.
 Я не знаю, куда вьюн положить,
 Я не знаю, золотой куда девать.
 Положу я вьюн,
 Положу я вьюн,
 Положу я вьюн на правое плечо,
 Положу я вьюн на правое плечо.*

*Я со правого,
 Я со правого,
 Я со правого налево перложу,
 Я со правого налево перложу.
 Поцелую ее,
 Поцелую ее,
 Поцелую, да и прочь пойду,
 Поцелую, да и прочь пойду!*

На пороге нового года человеку свойственно стремление узнать, что его ожидает в будущем году. Поэтому Святки — это время, когда молодежь гадала о своей судьбе.

Гаданья были самые разнообразные.

Ходили за «тихой водой». В 12 часов ночи шли на реку, к проруби. Набирали воду где в ведра, где просто в рот, и шли обратно; сложность задачи была в том, чтобы из ведер ни капли не расплескать, а если набрал в рот — не упустить. Оглядываться было нельзя. А тут ребята выскакивали и всячески пытались рассмешить, помешать гадалщицам. Кому удавалось донести до дома воду, — исполнялись ее самые заветные желания; клали под голову пояс и говорили: «Пояс, пояс укажи женихов поезд, жениха в лицо и женихово кольцо (крыльцо)»;

приносили петуха, девушки вставали в кружок, у каждой на полу своя горсточка зерна. Пускали петуха, к чьей кучке подойдет петух, та девушка и выйдет первая замуж; ложки «мутили». — В кадку с водой бросали ложки, а потом мутовкой (палочка с сучками на конце для взбивания теста) их раскручивали, мутили воду. Куда ложка черенком пристанет — в ту сторону замуж идти; на перекрестке кричали: «Черт, — леший, ау! Покажи мне судьбу»; солону подбрасывали под потолок, если пристанет — выйдешь замуж; писали на бумажках имена и клали за икону, а утром вытягивали с закрытыми глазами. Какое имя у жениха; забор считали, чет — нечет. Чет — к свадьбе; любили гадать в полночь с зеркалом. Поставят две свечи рядом с зеркалом и смотрят, что покажется.

Каких проделок только ни подсказывала неумная фантазия молодежи!

Мели под столом на Новый год, и, если попадется зерно — к замужеству. Подвешивали в сарае на ночь гребень: жених придет ночью расчесывать волосы, и его узнают по волоскам на гребне; завязывали лошади глаза, девушка садилась на нее и, если лошадь шла к воротам, — к замужеству. Первый кусок праздничного ужина девушка клала себе под подушку. Суженый, считалось, обязательно явится к праздничному столу во сне.

Ходили «снег полоть» (ну, как бы). Прихватывая пальцами снег, приговаривали: «Полю, полю белый снег, полю приговариваю: взлай, взлай собачка на чужой стороне, у свекра на дворе, у свекрови на печном столбе, у ладушки на кроватишке». В какой стороне собака залает — в ту и замуж идти.

Шли в 12 часов ночи на реку, разбивали лед у берега, делали лунки. Потом ложились на спину и рукой через голову старались вытащить из лунки камень — какой попадется: черный — муж будет черный, пестрый — муж рябой и т.д.

В стакан с водой выливали белок, выдувая его из яйца через дырочку и смотрели, какая фигура получится.

А взрослые в это время гадали о будущем урожае. В Нижегородской губернии, например, под Новый год выставляли у амбара пучки соломы ржи, проса, пшеницы и др. На каком пучке утром будет иней, на ту культуру будет урожай. В Костромской губернии на Новый год ходят с кашей, сваренной из зерен пшеницы или другого

злака, и спрашивают первого встречного человека: «Из чего сварена каша?» Если угадает, то будет урожай, если не угадает, то урожая не будет. Пол в избе устлали соломой, да погуше; под салфетку, которой покрывали стол для праздничного ужина, — тоже соломку расстлали (разных злаков), а потом еще старались из-под салфетки вытащить соломинку (не выбирая, конечно). Если длинная — высокие хлеба, коротенькая — плохие. Во многих местностях после праздничного ужина хозяин начинал имитировать засевание зерен. Надевал сеетево (решето с зерном на ляжке, надевавшейся так, что сеетево держалось на уровне пояса) и делал вид, что идет по полю и сеет, потом брал косу и делал вид, что косит, женщины таким же образом «жали хлеб», теребили (тягали) лен и т.п. Очень интересным был обряд «Варение каши», бытовавший во многих местах, совершавшийся в ночь под Новый год. Старшая женщина в доме шла в амбар за крупой ровно в 2 часа ночи. Старший из мужчин приносил воду из реки или колодца. Крупа и вода стояли на столе до тех пор, пока не истопится печь. Никто не должен был к ним прикасаться. Когда нужно было растереть и замешивать кашу, все садились к столу, а старшая читала заговор:

*Сеяли, растили гречу во все лето;
уродилась наша греча и крупка;
звали — позывали нашу гречу во Царьград побывать,
на княжной пир пировать;
поехала греча во Царьград побывать
со князьями со боярами,
со честным овсом, золотым ячменем;
ждали, гречу, дожидали из каменных врат;
встречали гречу князья и бояре,
сажали гречу за дубовый стол пир пировать;
приехала греча к нам гостевать.*

После этого все встают из-за стола, а хозяйка с поклоном ставит горшок с кашей в печь. Потом все опять садятся за стол и ждут, когда каша будет готова. Но вот каша поспела. Вынимая ее из печи, хозяйка говорит: «Милости просим к нам во двор со своим добром!» Затем осматривается горшок: не треснул ли, не вылезла ли каша через край (считалось к большому несчастью). Верхнюю запекшуюся часть снимали ножом. Каша красная предвещала счастье всему дому, хороший урожай. Каша бледная угрожала бедами. Ее выбрасывали в реку.

Среди многочисленных гаданий, которыми особенно увлекались девушки, были гадания с подблюдными песнями. Собирались они в доме у одной из подруг. Хозяйка брала блюдо (или миску), каждая клала в него что-либо свое — колечко, сережку, пуговку, а блюдо покрывали полотенцем. Девушки пели короткие песенки-гадания с припевом:

Девушки гадают.
Воспроизведе-
ние обряда

*«Кому вынется — тому сбудется,
тому сбудется, не минется»;
«Кому поем — тому добро!»;
«Слава!», «Илею!», «Лилелю».
«Лады, лады!» и т.п.*

В конце каждой песенки хозяйка вставала и потряхивала блюдо, так что какой-либо предмет обязательно выскакивал из-под полотенца. Девушки с волнением вглядывались, чей же он. Что предвещала песенка, и должно было стать судьбой обладательницы сережки или колечка. Это означало, что пропетое в песне предвешание относится к той девушке, которой принадлежал предмет. В Новгородской области вместо блюда использовали ведро с водой, принесенное девушкой в полночь с реки. Первая песня, как правило, пелась хлебу: «Хлебу да соли долог век, Слава!» или: «Мы не песню поем, Хлебу честь воздаем! Илею! Илею!» Хлеб был основой жизни крестьянина — его здоровье, сила, богатство, поэтому отношение к хлебу было как к святыне. Отсюда в обрядовой поэзии многие поэтические образы связаны с хлебом, зерном, тестом, квашней (кадушкой, в которой замешивали тесто) и означали благополучие, богатство, удачу в хозяйственных делах, счастье. Хлеб и золото выступали на равных правах.

Были и другие символические образы: полотенце — дорога, целующиеся голуби — любовь, курочка, вырывающая из кучки зерна перстень, — замужество и др.

Гаданий было многое множество, но не все веселые и забавные, а некоторые даже далеко не безобидные. Однако любопытство брало верх над чувством страха. — Так хотелось приподнять завесу будущего!

19. <i>Еще нынче у нас Страшные вечера Да Васильевские. Илею, илею! Мы не песню поем,</i>	<i>Хлебу честь отдаем. Илею, илею! Кому эта песенка достанется, Тому сбудется,</i>	<i>Не минуется. Илею, илею! Тому жить бы богато, Ходить хорошо! Илею, илею!</i>
20. <i>Хлебу да соли долог век. Слава! Государю нашему доле того, Слава! Государь наш не стареется, Слава! Его добрые кони не ездятся, Слава! Его цветное платье не носится, Слава! Его верные слуги не стареются, Слава!</i>	21. <i>Ой да что со вечера Васильевского. Со полуночи Рождественской А сидели красны девицы, Они пололи злачен перстни. А кому выпадет злачен перстень — А то и ты, девка, за тем женихом, А свет Галина Ивановна — За Геннадием Лаврентьевичем. (К свадьбе)</i>	
22. <i>Растворю я квашоночку на донышке, Лады! Кисни, квашоночка, с краям ровне, Лады! Кому споем — тому с добром, Лады! Кому сбудется — не минуется. Лады!</i>	23. <i>Сей, матка, муку, растворяй пироги, К тебе будут гости, ко мне — женихи. Кому поем — тому с добром, Кому сбудется — не минуется! (Будут сваты)</i>	
24. <i>Сидит воробей на перегороде, Глядит воробей на чужу сторону. Кому поем — тому с добром, Кому сбудется — не минуется! (К замужеству)</i>	25. <i>Висит полотенце в горенке, — Придется ль нам с милым утираться им? Кому поем — тому с добром, Кому сбудется — не минуется! (К свадьбе)</i>	

26. *Живут мужики богатые,
Гребут жемчуг лопатами.
Кому поем — тому с добром,
Кому сбудется — не минуется!*
(Будет богатый жених)
27. *Вышло пузище на репище,
Вынесло пузище кошель вошей.
Кому поем — тому с добром,
Кому сбудется — не минуется!*
(Будет горе)
28. *Стоит куча немолочена,
Вершиночка — позолочена.
Кому поем — тому с добром,
Кому сбудется — не минуется!*
(Будет богатый жених)
29. *Сидит петух на нашестве,
Всяят косы до сырой земли.
Кому поем — тому с добром,
Кому сбудется — не минуется!*
(К покойнику)
30. *Бежит река волнистая,
Сидит девка гористая.
Кому поем — тому с добром,
Кому сбудется — не минуется!*
(Невесте горевать)
31. *Бегат телушка по задворью,
Ищет телушка быка-третьяка.
Кому поем — тому с добром,
Кому сбудется — не минуется!*
(К замужеству)
32. *Стоит полоса нежатая,
А рожь густа, не ужиниста.
Кому поем — тому с добром,
Кому сбудется — не минуется!*
(К богатству)
33. *Бежит мышка по жердочке,
Несет добра на веревочке.
Кому поем — тому с добром,
Кому сбудется — не минуется!*
(К богатству)
34. *Сидит воробей на переклете,
Глядит воробей на чужу сторону.
Кому поем — тому с добром,
Кому сбудется — не минуется!*
(К замужеству)
35. *Ласточка касатая,
Не вей гнезда у терема.
Кому поем — тому с добром,
Кому сбудется — не минуется!*
(Жить в людях)
36. *Я поставлю квашонку на донушке,
Я покрою квашонку алым бархатом,
Подвяжу я квашонку черным соболем,
Я поставлю квашонку на печном столбе.
Ты взойди, моя квашонка, полным-полна,
Ты полным-полна, со краями ровна.
Кому же мы спели — тому добро.
Кому вынется — тому скоро сбудется,
не минуется.*
(К богатству)
37. *Сидит кузнец, кует венец,
«Кузнец-кузнец, скуй мне венец».
Кому поем — тому с добром,
Кому сбудется — не минуется!*
(К свадьбе)
38. *Сидит кот в печурке,
Манит кошечку.
Кому поем — тому с добром,
Кому сбудется — не минуется!*
(Ухажер будет)

39. *Идет кузнец из кузницы,
Слава!
Кузнец, кузнец, мне скуй венец!
Слава!
Из обрезочков золот перстень,
Слава!
Из остаточков булавочку,
Слава!*
- Как тем венцом мне венчатися,
Слава!
Как и перстнем тем обручатися
Слава!
Той булавочкой убиратися,
Слава!
(К свадьбе)*
40. *Рылась курочка
На завалинке,
Вырыла курочка
Золот перстень.
Мне тем перстнем
Обручатися.
Кому вынется —
Тому сбудетя,
Не минуетя.
Слава!
(К свадьбе)*
41. *Бегла кобыла
Из Новагорода.
Свят вечер!
Грива золотая,
Хвост серебряный.
Свят вечер!
Кому поем —
Да тому добро!
Свят вечер!
Кому выйдется —
Тому сбудетя!
Свят вечер!
(К богатству и радости)*
42. *Я на корыте сижу,
Корысти жду,
Я еще посижу,
Я еще подожду.
Уж как погода маленько
Корысть на двор,
Корысть на двор
И со радостью.
Кому же мы спели —
Тому добро,
Кому вынетя —
Тому скоро сбудетя,
Не минуетя.
(К богатству)*
43. *Идет смерть
по улице,
Несет блин
на блюде.
Кому кольцо вынетя,
Тому сбудетя,
Скоро сбудетя,
Не минуетя.
(К смерти)*
44. *Едут бояре
Из города.
Торчат ноги
Из короба.
Кому вынетя —
Тому сбудетя,
Не минуетя.
(К смерти)*
45. *Рассыплю я монисто
По закрому.
С кем монисто
Собирать будем?
Собирать монисто
С милым дружкой.
Кому вынетя —
Тому сбудетя,
Не минуетя, Слава!
(К знакомству)*
46. *Во саду хожу,
Полотенцы стелю.
А еще похожу,
И еще постелю.
(К дороге)*
47. *Как на дубчике
Два голубчика,
Они целуются
И милуются.
Кому вынетя —
Скоро сбудетя!
(К знакомству)*
48. *Кот кошурку
Звал спать у печурку:
«У печурке спать
Тепло, хорошо».
(К знакомству)*

49. *А я золото хороню,
Чисто серебро хороню.
Я у батюшки в терему,
Я у матушки в високом.
Пал, пал перстень
В калину-малину,
В черную смородину.
Гадай, гадай, девица,
Отгадывай, красавица,
В коей руке былица.
И я рада б отгадала,
Кабы знала, каб я ведала,
Через поле идучи,
Русу косу плетучи,
Шелком первиваючи,
Златом приплетаючи.
Ах вы кумушки,
Вы голубушки,
Вы скажите, не утайте,
Мое золото отдайте.
Меня мати хочет бити
По три утра, по четыре,
По три прута золотые,
Четвертый жемчужный.
Еще девицы гадали,
Еще красные гадали,
Да не отгадали.
Пал, пал перстень
В калину-малину.
В черную смородину.
Очутился перстень
Да у боярина,
Да у молодого,
Да на правой руке
На малом мизинце.
Еще девицы гадали,
Да не отгадали.
Наше золото пропало —
ПризаиндеVELO, призаплеснеVELO.
Молодайка, отгадай-ка!*

Позвольте, — скажет читатель, прочитав эту главу. — Вот вы рассказали нам о том, как праздновались на Руси святки, а где же всеми любимая, неотъемлемая от Рождества и Нового года елочка? А дело-то в том, что елочки на Руси у наших предков не было. Вносить в дом и украшать вечнозеленое дерево на Рождество — это обычай северных народов. К нам же он пришел из Германии. Об этом обычае упоминается в немецких книгах XVI века. Вначале это были маленькие елочки или ветки ели, прибитые к потолку, или венком из еловых веток, обвитых лентами. Иногда это были ветки бука, омелы, можжевельника. Но со временем размер елочки стал увеличиваться, ее стали украшать свечами, игрушками. Это был символ вечной жизни и света, как и родившийся Христос. Говорили: «Нет праздника больше Рождества, как нет гнезда выше орлиного».

Только в XVIII веке вместе с немецкими колонистами, в большом количестве поселившимися в Петербурге и Москве, пришла на Русь и елочка вместе с Санта-Клаусом, нашим Дедом Морозом, и заняла свое должное почетное место в городских домах с Рождественского сочельника до Крещения. Да и празднования Нового года с особой пышностью начались с указа Петра I «О праздновании Нового года». Указ был объявлен 20 декабря 1699 года. В нем говорилось, что Новый год объявляется и отныне будет начинаться 1-го января.

1670 год приказано было встречать шумно, весело, украсить дома ветками ели, сосны, можжевельника, обязательно поздравлять друг друга с Новым годом. В 12 часов на Красной площади были назначены «огненные потехи» (фейерверки), приказано стрелять из пушек и мушкетов.

Весна. Масленица

Кончились Святки, но продолжается Мясоед. Так называлось время от Святков до Масленицы. В это время разрешались все увеселения, — игры, песни, вкусная скоромная еда. Но главное — Мясоед — это было время свадеб. Не было деревни, в которой в это время не справлялась хотя бы одна свадьба. А бывало и две, и три.

Незаметно летит время, вот и Масленица подошла. — Это восьмая неделя, если отсчитывать от Пасхи назад, к Новому году. Практически Масленица приходится на вторую половину февраля — первую половину марта. Масленичная неделя называлась «сырной», так как в преддверии поста уже запрещалось есть мясо, но разрешалось — сыр (творог), молоко, сметану, масло, яйца.

Масленица праздновалась повсюду — и в деревне, и в городе.

На масленичной неделе каждый день имел свое название:

Понедельник — «встреча», вторник — «заигрыш», среда — «лакомка», четверг — «широкая Масленица» или «разгульная», пятница — «посиделки», суббота — «золовкины посиделки», воскресенье — «проводы».

В народе Масленицей называлось и некое человекоподобное существо, которое, в отличие от Коляды, имело реальное воплощение. Из соломы изготавливали куклу или две (Масленица и Масленик) и наряжали в женское и мужское платье. Масленицу усаживали на сани и возили по всей деревне, а затем устанавливали на самом высоком месте. Это происходило в понедельник, в первый день Масленичной недели.

А в четверг, как только рассветет, чучело одевали в вывороченный шерстью наверх тулуп, на голову треух, и ставили в сани, в которые запрягали лошадь, а иногда и две или три с украшенными гривами и хвостами. Вокруг усаживались ряженые — и мужчины, и женщины — и с песнями объезжали и свою деревню, и соседние. Гармонь была обязательной участницей этих поездок, равно как и балалайка, и рожки, и свистульки. Ряженых с радостью встречали как предвестников весны, угощали хорошо: блинами, пирогами, вином.

Важным моментом праздника были встречи и проводы Масленицы. Ко встрече Масленицы готовились, ее, как поется в песнях, встречали — «уливая горки маслом», «посыпая сыром», но тут же и ругали ее за то, что она пришла только на одну неделю, называя ее «гологузкой» и «кривошейкой» и награждали неприличными эпитетами, что в прошлом имело ритуальный характер. Смех не переставал звенеть над гуляющими: «Сила смеха должна была обеспечить земле плодотворяющую силу», — писал В. Я. Пропп.

В это время как бы встречаются зима и весна. Зиму провожали, а весну встречали, весну, которая неуклонно приближалась, вместе с восходящим к зениту солнцем.

К Масленице ребяташки готовили ледяные горы, поливая водой выбранный спуск к реке или специально сделанную из снега горку. Предвкушение веселого катанья помогало без усталости скатывать большие снежные шары и укладывать их «горкой», при этом ребята говорили:

*Приезжай к нам в гости, масленица,
на широкий двор —
на горах покататься,
в блинах поваляться,
сердцам потешаться!*

А на самой масленичной неделе с понедельника, катаясь с горки на санках или просто на «пятой точке», перекрикивая друг друга: «Масленица приехала!» Масленица приехала!»

«Здравствуй, широкая масленица!» — выкрикивали они в четверг, когда начиналась широкая масленица.

В Калужской губернии особенно своеобразно проводилась эта встреча Масленицы. Хозяйка-мать с утра пекла блины, один блин давала сыну и посылала его встречать Масленицу. Мальчонка садился верхом на ухват или кочергу, скакал на нем по огороду и кричал:

*Прощай, зима сопливая!
Приходи лето красное!
Соху, борону —
я пахать пойду!*

На Масленице пели особые песни: о том, как Масленицу люди дожидались, как ее встречали, как провожали.

50. *А мы Масленицу дожидали,
А мы Масленицу дожидали,
Ай люли! *
Мы на горку выходили,
Мы на горку выходили.
Сыр и масло выносили,
Сыр и масло выносили.
Сыром горку насыпали,
Сыром горку насыпали.*

*Маслом горку уливали,
Маслом горку уливали.
Налетели канарейки,
Налетели канарейки.
Нашу горку раскопали,
Нашу горку раскопали.
Сыр и масло поклевали,
Сыр и масло поклевали
Ай люли!*

* Припев повторяется после каждых двух строк.

Катание молодоженов на лошадях.
Воспроизведение обряда

51. *Мы Масленицу состречали,
Мы Масленицу состречали.
Люли, люли, состречали,
Гоголек, гоголечек!**
*На горушке мы бывали,
На горушке мы бывали.
Сыром гору набивали,
Сыром гору набивали.
Наши горушки катливы,
Наши девушки игривы.
Молодушки веселые,
Молодушки веселые.
Стары бабушки воркотливы,*

* Припев
повторяется
после каждых
двух строк.

*Стары бабушки воркотливы.
Ены на печке сидят,
На нас воркотят.
Вы, бабушки, не ворчите,
Дайте Масленицу нам прогулять.
Дайте Масленицу нам прогулять,
С ребятами поиграть.
С ребятами поиграть,
С ребятами со холостыми.
Со холостыми, не женатыми,
Со холостыми, не женатыми.
Люли, люли, не женатыми,
Гоголек, гоголечек!*

52. У нас седня Масленица,
Масленица, Масленица.
Прилетела к нам ластовица,
Ластовица, ластовица.
Села ж она на колу,
На колу, на колу.
Кидает масло по кому,
По кому, по кому.
У кого нету — скулья тому,
Скулья тому, скулья тому.
54. А дорогая-то на...
ой да наша Масленка,
Да что хорошая на...
ой наша пригожая!
А покатайтесь-ко, кра...
ой да красны девушки,
А покуль воля-то, во...
ой да воля батюшкина.
Ой, а другая-то во...
ой да воля матушкина.
Ой, неровен-то да сва..
ой да сват навяжется,
Ой, неровен-то дурак,
дурак навяжется.
И ен не пустит меня
гулять на улышку.
Ой, я украдуся, ой да нагуляюся,
А наворуюся, ой да нацелуюся!
53. Ой ты, Масленица на двор въезжает,
Широкая на двор въезжает.
А мы, девушки, ее встречаем,
А мы, красные, ее встречаем.
Ой ты, Масленица, погостюй недельку,
Широкая, погостюй другую.
Масленица, я поста боюся,
Широкая, я поста боюся.
Ой ты Маслена, пост еще далече,
Широкая, пост еще далече.
55. Ох ты уточка полевая,
Полевая, лели, полевая,
Где ты ноченьку ночевала,
Ночевала, лели, ночевала?
«Ночевала я у лесочку,
У лесочку, лели, у лесочку,
Под ракитовым под кусточком,
Под кусточком, лели,
под кусточком.
Приносила я вам сыра с маслицем,
Сыра с маслицем, лели,
сыра с маслицем.
Да я у ямочку закопала,
Закопала, лели, закопала.
Лежи, маслице, да на летье,
Да на летье, лели, да на летье.
Пока будет круглолетье,
Круглолетье, лели, круглолетье».
56. Мы давно блинов не ели,
Мы блинчков захотели.
Ой, блины, блины, блины,
Вы блинчики мои!*
- На поднос блины кладите
Да к порогу подносите!
Эх, Масленица,
Непогасница!
До чего ты довела?
До Великого поста.

* Припев повторяется два раза
через каждые две строки.

57. *Как на Масленой неделе
Со стола блины летели.*

*Ай, блины, блины, блины,
Блины масляные.**

* Припев
повторяется
после каждых
двух строк.

*Как на масляных днях
Был у тещи в гостях.
А у тещи две сестрицы
Печь блиночки мастерицы.
Вот мы сели все за стол —
Дали душеньке простор.
Поглядите на Егора:
Он рыдает у забора.
Кот Васенька подошел,
Зацарапал — дым пошел.
Собака тоже подошла,
Понюхала да прочь пошла.
А у нас дядюшка Тарас
Захворал с блинов горазд.
А у нас тетушка Татьяна
Лазит на спину, как пьяна.
И свинья тут ворвалась,
До блинов тут дорвалась.
За рекой огонь горит,
У семьи живот болит.
За рекой огонь потух,
У семьи живот распух.
Ай, блины, блины, блины,
Блины масляные.*

59. *Ах ты Масленка дорогая,
Дорогая, лели, дорогая.
К нам у гости приезжала,
Приезжала, лели, приезжала.
Да сыр с маслицем привозила,
Привозила, лели, привозила.
А мы Масленку прокатали,
Прокатали, лели, прокатали.
На вороненьком коне катались,
Мы катались, лели, мы катались.*

58. *Гори-гори ясно,
Чтобы не погасло.
Тут и сусленики,
Тут и масленики!**

* Припев
повторяется
после каждых
двух строк.

*Выходила молода
За новые ворота,
Выпускала молода
Из правого рукава,
Из правого рукава
Сизого голубя.
Ты лети, лети, мой голубь,
Высоко и далеко,
Высоко и далеко,
Прямо к другу на крыльцо.
Ты скажи моему другу,
Чтобы шел он на блины,
Чтобы шел он на блины
До вечерней до зари.
Тут и сусленики,
Тут и масленики!*

60. *Масленица-кривошейка,
Покатай нас хорошенько,
Ай люли, хорошенько.
Масленица-кургузка,
После тебя будет грустно.
Ай люли, грустно.
Выйду я на горку,
Гляну я под зорьку.
Ай люли, под зорьку.
Кликну я соловейку:
«Соловейко, родной братец,
Чего ты ко мне не летаешь,
Меня молодую не втешаешь?» —
«Сестрица моя канареечка,
Я прилечу — а ты плачешь,
Я улечу — ты горюешь,
Я у лузи — а ты у тузи,
Я у лозы — а ты у слезы,
Я у горы — а ты у горе...»*

61. Князь Белогорский поехал в Москву,
Засватал у Кострюка-Мастрюка
да родную сестру,
Родную сестру Милитрису
Кирбитьевну.
Кто бы в большой колокол бил,
Чтоб слышно было по всей Москве,
По всей Москве, по всей ярмарке.
Собралися бы к царю на двор
Бела хлеба рушители,
Белой лебеди кушати,
- Зелена вина чарами пить,
Побороться-побарахтаться.
Выходили два-де молодца,
Два Андрея Андреевича,
Они брали князя за большие
отворотички,
Они выздили его повыше себя,
Опустили понижше себя.
Златы пуговки пукнули,
Шелковы петли треснули,
И его брюшина сквозь прошла.
62. Как ишли-прошли скоморошки,
Люли, люли, скоморошки.
Они срезали по пруточку,
Люли, люли, по пруточку,
И сделали по гудочку,
Люли, люли, по гудочку.
Они сеяли жар по полям,
Люли, люли, по полям.
Да пускали дым по дубравам,
Люли, люли, по дубравам.
Соловьево гнездо спопалёно,
Люли, люли, спопалёно.
Как и сам соловей под небёс полетел,
- Люли, люли, под небёс полетел.
Гугалечи, гугалечи,
Люли, люли, гугалечи.
Ах ты братец мой,
Люли, люли, братец мой.
Мой соловейка,
Люли, люли, соловейка.
Ты не вей гнезда на дорожке,
Люли, люли, на дорожке.
А ты вей гнездо под кусточком,
Люли, люли, под кусточком.
Под малиновым листочком,
Люли, люли, под листочком.

На Масленицу величали молодоженов прошедшего года. Им пели величальные песни на горке, катали с горки, а в Псковской и Новгородской областях парни к дому молодоженов подкатывали берестяной шар или лукошко, который назывался «шалыга», украшенный цветными тряпочками (символ счастья), за что молодые должны были хорошо угостить «шалыговщиков». За хорошие угощения молодоженов катали на лошадях по деревне, если же хозяева скупались, — молодого хозяина сажали на перевернутую борону и спускали с горки.

Какое раздолье было в масленичные гулянья детям! Они прыгали вокруг чучела Масленицы, сновали среди взрослых, катались с горки, при этом речитативом, нараспев произносили заклички, обращаясь к Масленице, как существу живому или, во всяком случае, слышашему:

*Масленица обманула, обвела,
нагуляться не дала!*

63. *Поддержалась,
Подпоясалась —
На весь мясоед,
На всю Масленицу
Не отторну хвоста
До Великого поста.
Прощай, Масленица-ерзовка!
Оставила нас —
На кислой квас,
На постные щи,
На холодные харчи!*
64. *Прощай, Маслена-вертушка,
Настает Великий пост,
Дома ужинать садятся,
Подают от редьки хвост!
Как на Масленой неделе
В потолок блины летели!
Уж ты Маслена,
Ты обманщица,
Ты сказала, семь недель,
А остался один день.*
65. *Наша Масленица дорогая
Немножко постояла.
Мы думали семь неделек,
А Масленица семь денечков.
А нас Масленица подманила,
На Великий пост посадила,
Горьку реденьку подложила,
А та редька горче хрену.*
66. *Масленица, Масленица,
Семенова племянница,
Обманула-провела,
Нагуляться не дала.
Через семь недель
Будет светлый день,
Будем пасху святить,
Будем яйца красить, Ура!*
67. *А Масленица, когда б ты была,
Эх, когда б тебя семи-то недель, а поста одна.
А Масленица-гологузка,
А проводим тебя, а нам грустно.
А Масленица-кривошейка,
А проводим тебя хорошенько.
А Масленица-голохвостка,
А проводим тебя — нам грустно.*

Веселье было всеобщим. Звенели колокольчики-бубенцы («шергунцы»): катались на тройках и просто в упряжке на санях. Гривы, хвосты лошадей, дуги, сбруя — все было украшено бумажными цветами и лентами. Катались с гор на санях, качались на качелях.

Катание с гор занимало одно из центральных мест масленичных гуляний. Катались молодежь, молодожены, дети. Женщины постарше стояли на горе и пели масленичные песни. «На горку» приходили и девушки-невесты в своих лучших нарядах, так как именно здесь происходил «смотр» — выбор невест. Поэтому в масленичных песнях, в особенности тех, что пелись «на горке» проходит тема любви, свадьбы, величания молодоженов.

68. *И ты пташка полевая,
Полевая, где ты, полевая!
И где ты ночушку ночевала,
Ночевала, душа, ночевала?
И во сыром бору под дубочком,
Под дубочком, душа, под дубочком!
И под осиновым листочком,
Под листочком, душа, под листочком!
И там шли-прошли скоморочки,
Скоморочки, душа, скоморочки!
И они вырезали по дубечку,
По дубечку, душа, по дубечку!*
- И они сделали по гудечку,
По гудечку, душа, по гудечку!
И уж вы, годошки, не гудите,
Не гудите, душа, не гудите!
И моего батюшку не будите,
Не будите, душа, не будите!
И мой матушка за нивою,
За нивою, душа, за нивою!
А моя матушка за рекою,
За рекою, душа, за рекою!
И они пьют-то вино зеленое,
Зеленое, душа, зеленое!*

Любимым развлечением парней на масленичной неделе были кулачные бои, а в некоторых районах «Взятие снежного городка», как отзвук представлений о борьбе зимы с наступающей весной. Есть предположение, что обычай встречать Масленицу с весельем и настоящим обжорством сохранился с тех пор, когда Новый год для земледельца приходился на март.

К этой неделе приурочивались ярмарки. В городах на площадях разворачивались балаганы с различными представлениями. Гнусавым голосом приглашал Горбатый Петрушка посмотреть кукольный спектакль, вертелась карусель, били в барабаны зывывалы — народ веселился.

Блины продавались и на ярмарке, и на базарах, и просто на улицах. И в деревне и в городе — в обед стол ломился от блинов — с маслом, сыром, яйцами и т. п., а в городе — так еще с разной икрой, дорогой рыбой, вареньем, медом. Люди ходили в гости друг к другу «на блины».

Блины — обязательная ритуальная еда на Масленице — известны как поминальная еда. Первый масленичный блин предназначался умершим предкам, его оставляли на окне или уносили на могилу. Поминальные мотивы в масленичной обрядности нашли свое отражение и в минорной мелодике масленичных песен, и в близости их напевов к похоронным причитаниям.

С четверга начиналась так называемая Широкая Масленица. Общее веселье принимало особый размах.

Готовясь к воскресенью, ребята, молодежь постепенно стаскивали на открытое место (чаще на середину покрытой льдом реки) из каждого дома старые грабли, бороны без зубьев — всякий деревянный лом, ветошь для костра. Сюда и привозили в воскресенье чучело Масленицы, и гулянье перемещалось на реку или в поле. Но песни пелись уже не приветственные, а прощальные: прощались с Масленицей.

69. *Ай, Масленая, ай, кривошейка,
Проводили тебя, и хорошенько.
Эх, а мы Масленую прокатили й,
По рубашечке не напряли
И последнее попорвали.*
70. *А мы Масленицу провожали,
Ой ли лёли, провожали.
Во земельку мы закопали,
Ой ли лёли, закопали.
Поносивши воду, ножками притоптали,
Ой ли лёли, притоптали.*
71. *Мы Масленицу прокатили,
Прокатили, душа, прокатили.
И мы сыр с маслом починали,
Починали, душа, починали.
И наша Масленица была тороплива,
Вот тороплива, душа, вот тороплива.
И мы Масленицу прокатили,
Прокатили, душа, прокатили.
И мы думали, Масленица семь неделек,
(Семь неделек,)
Душа, семь неделек.
А наша Масленица семь денечков,
Семь денечков, душа, семь денечков.
А мы пойдём к попу споведаться,
Споведаться, душа, споведаться!
А мы про вси грешки ему расскажем,
Мы расскажем, душа, мы расскажем.
А вот один же грешок мы не скажем,
Мы не скажем, душа, мы не скажем!*
72. *Все мы Масленку дожидали,
Дожидали, душа, дожидали.
Сыром горочку посыпали,
(Посыпали, душа, посыпали).
Маслом горочку поливали,
Поливали, душа, поливали.
Было б Масленке семь неделек,
Семь неделек, душа, семь неделек.
Только Масленке семь денечков,
Семь денечков, душа, семь денечков.
Красно солнышко закатилось,
(Закатилось, душа, закатилось).
Наша Масленка укатилась,
(Укатилась, душа, укатилась).
Ох ты, Масленка, воротися,
Воротися, душа, воротися.
На девятый день протянися,
Протянися, душа, протянися.*
73. *Масленица постов,
Поезжай в Ростов,
Покупай хвостов —
На шубки, на юбки,
На пуговки!*
74. *Масленица, прощай,
В Ростов уезжай,
А на тот год опять приезжай!*

В представлениях наших предков ярко пылающий костер должен был установить контакт с восходящим солнцем и придать ему силу. Этой же цели должны были служить и старые колеса, без железных ободов, которые покрывались дегтем, смолой, надевались на палку, поджигались и скатывались с горки, разметая во все стороны искры. Зрелище было очень ярким. Смех, песни, шутки длились в воскресенье, кото-

Проводы Масленицы. Поджигают чучело.
Воспроизведение обряда

рое называлось «Прощеное», до 12 часов ночи. В этот день было принято всем просить прощения: детям у родителей, родителям друг у друга, даже крестьянам у помещика. Это не мешало общему веселью.

Особое магическое значение имел смех при растерзании или сожжении куклы-Масленицы, остатки которой или пепел разбрасывались по полям. В.Я.Пропп видел значение этого ритуального смеха в том, что наши предки верили во влияние его на природу — не непосредственно, а через воскресение антропоморфных олицетворений праздника, воскресение в травах и злаках, которые своей смертью и своим воскресением будто бы обеспечивали урожай.

Заклички весны

К

ончилась Масленица. Идут одна за другой семь недель Великого поста, во время которого строжайше были запрещены всякие увеселения — не только в деревне, но и в городе. Даже песен петь было нельзя. И на посиделки девушки собирались, чтобы не сидеть дома в одиночестве, а вместе пряхать, рукодельничать и тихо переговариваться о деревенских новостях, о знакомых парнях, рассказывать друг другу сны.

Но что это? Только стала потухать вечерняя заря, как в прозрачном воздухе, в котором уже едва-едва ощущается свежий запах весны, высоко взметнулись в небо сильные, протяжные призывные звуки: «Гу-у-у!», «Ау-у...!» Это не песни. Это то, что разрешалось издревле. И даже было обязательным. — Девушки закликали, зазывали весну. Наши предки считали: чтобы Весна пришла, ее нужно было позвать, попросить прийти, выкликнуть. Отсюда и слово «Заклички».

Это был своеобразный речитатив, наполненный определенным внутренним ритмом. Девушки закликали приход весны. Они под вечер забирались на крыши сараев, риг, выходили на высокие места и оттуда кликали весну. Заклички кончались высокими, сильными и призывными «гуканьем» и «аканьем», далеко разносившимися в вечернем весеннем небе.

Весну, с ее теплом и светом, закликали прийти, и прийти пораньше. Закликали весну в разных регионах России в разные дни марта: 3(17) марта, на Герасима-грачевника; 9 (22) марта, «на сорок мучеников», «Сороки»; 25 марта (7 апреля), на Благовещение. В это время начиналось возвращение из теплых краев перелетных птиц, которые, по народному представлению, и должны были принести на своих крыльях весну. В стремлении приблизить, ускорить это хозяйки пекли из теста фигурки птиц с распахнутыми крыльями, вставляли глазки из коринки, черемухи, изюма. И называлась эта выпечка «грачами», «жаворонками», «птюшками», «чувильками». Такое печенье получал каждый член семьи и, выйдя на улицу, подбрасывал его в воздух с такими приговорками:

Жаворонки, жавороночки!

Прилетите к нам, принесите нам лето теплое.

75. *Весна, весна красная!*

Приди, весна, с радостью,

С радостью, с огромною милостью:

Со льном большим,

С корнем глубоким,

С хлебом великим.

Весна, весна, на чем подошла?

На чем подошла-подъехала?

На чем подошла-подъехала?

— На сошечке, на бороночке, на веничке.

Девушка, сидя на крыше, закликает весну.
Воспроизведение обряда

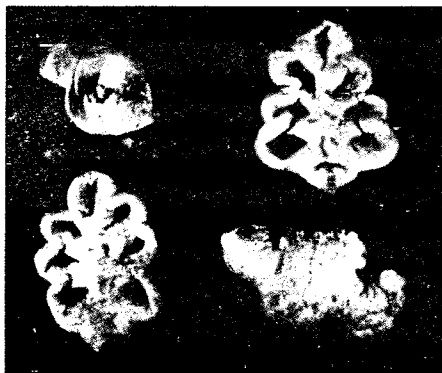
Закличек было много. Накричавшись (говорить заличку нужно было громко, чтобы весна услышала), наигравшись с «жавороночками», ребята засовывали их под застрехи в сараях, под крыши домов, прикрепляли к веткам деревьев. Оставшиеся печенье съедали и скармливали его скоту.

И все для того, чтобы живительные силы природы коснулись всех — и людей, и животных.

76 *Ой, Болса, Боже,
Да весну красну кликати
На тепдые лета,
На густые жита,
Да на яру пшеницу,
Да на зелены конопли!*

*Ой, со густого жита
Будем пиво варить,
С зеленых конопли
Будем масло бить,
С яррой пшеницы
Пирогы будем печь!*

77. Приди к нам, весна,
 Со радостью!
 Со великою к нам
 Со милостью!
 Со рожью зернистою,
 Со пшеничкой золотистою,
 С овсом кучерявым,
 С ячменем уатым,
 Со просом, со гречею,
 С калиной-малиною,
 С грушами, с яблочками,
 Со всякой садовинкой,
 С цветами лазоревыми,
 С травушкой-муравушкой!

Весеннее обрядовое
 печенье «жаворонки».
 Архангельская область,
 Онежский район

78. Жавороночек на приталинке
 Распевает, распевает,
 Он зовет себе, он зовет себе
 Вёсну красную, вёсну красную.
 Не лежать снежкам
 во чистом поле —
 Растопиться, растопиться,
 Во синё море, во синё море
 Укатиться, укатиться.

79. Жавороночки-полетовочки,
 Прилетите к нам,
 Принесите нам
 Весну красную,
 Лету теплую!
 Нам зима надоела,
 Весь хлеб у нас поела,
 Всю скотинку поморила.

80. Жаворонок,
 Жаворонок!
 На тебе зиму,
 А нам лето!
 На тебе сани,
 А нам телегу!

81. Жаворонушки,
 Мои матушки,
 Прилетите ко мне,
 Принесите ко мне
 Весну красную,
 Лето теплое,
 С сохой, с бороной
 И с кобылой вороной,
 С жеребеночком —
 Вороненочком!

82. Жаворонушки
 На соломушке,
 Прилетите к нам,
 Принесите нам
 Лето теплое,
 Соху, борону.
 Унесите от нас
 Зиму холодную,
 Зиму холодную —
 Донце с гребнем.
 Нам зима надоела,
 Весь хлеб поела.

83. Ты пчелынька,
 Пчелка ярая!
 Ты вылети за море,
 Ты вынеси ключики,
 Ключики золотые.
 Ты замкни зимыньку,
 Зимыньку студеную!
 Отомкни летечко,
 Летечко теплое,
 Летечко теплое,
 Лето хлебородное!

84. *Ой, весна, ой, красна!
Ты когда, весна, пришла!
Когда старые старухи
На завалины сидели,
На завалины сидели,
Кулаками землю били,
Кулаками землю били,
Про невесток говорили:
«У меня была сноха неурядливая:
Посновала она красна —
Им девятая весна.
На прошестке у ней
Трава выросла пырей,
Под подножками у ней
Клушка вывела детей».*
85. — *Весна красна.
На чем пришла?
— На жердочке,
На бороздочке,
На овсяном колосочке,
На пшеничном пирожочке.
— А мы весну ждали
Клочки допрядали.
Летел кулик из-за моря,
Принес кулик девять замков.
— Кулик, кулик,
Замыкай зиму,
Замыкай зиму,
Отпирай весну,
Теплое лето.*
86. *Жаворонки, жавороночки!
Прилетите к нам,
Принесите нам
Лето теплое,
Унесите от нас
Зиму холодную.
Нам холодная зима
Надоскучила,
Руки, ноги отморозила.*
87. *Дождь, дождь!
На бабину розжь,
На дедову пшеницу,
На девкин лен, —
Поливай ведром!*
88. *Лето, лето красное, поди сюда,
А ты, зима, ступай на море,
Ты и так нам, зима, надоскучила,
Ручки с ноженьками обморозила,
Метель глазки повыхлестала,
Хлеба с солью много покушали.
Уж вы лапушки, вы касатушки,
Прилетите-ка вы к нам,
Принесите-ка вы нам
Лето теплое, весну красную
Под крылышком, под бутылышком.
Соха с бороной, езжай на поле,
Напаша, наборонуй
Хлеба родного, умолотного,
Зернистого, колосистого.*

Прошли три недели Великого поста, и в среду на четвертой неделе наступало «Преполовение», «Средокрестие». Это был «перелом» поста на его вторую половину, и народ радовался, что теперь с каждым днем все меньше оставалось поститься до Пасхи, с которой приходили разговоры (разрешение есть скоромную пищу, устраивать гулянья, веселиться). В Средокрестие-Преполовение выпекали небольшие,

Егорьев день

Апрель. Весна все больше входит в свои права. Вот и первые подснежники появились, казалось бы, только радоваться. Ан нет! Крестьянин полон беспокойства, дум и забот: весь ли инвентарь готов для посева, какие будут росы — теплые или холодные (от этого зависит всхожесть озимых), вовремя ли будут дожди или засушит солнце поля, а с ними и злаки... какая будет трава. И тогда наши деды и прадеды и обращались к святому Егорию.

Егорьев день был очень значимым праздником для крестьянина.

Святой Егорий (Юрий) весенний по христианскому календарю чествовался 23 апреля (6 мая). С Егорьева дня начиналась реальная весна: «Не бывать весне на святой Руси без Гория», «Юрий на порог — весну приволок». С этого дня открывалась сельскохозяйственная страда, начинались полевые работы, которые заканчивались Егорием осенним — 26 ноября (9 декабря).

У всех славянских народов «Юрья» считался покровителем животины, а также травы, злаков, цветов. Но для хорошего урожая нужна влага, и в народе жило твердое убеждение, что не кто иной, а именно Егорий, «Взял ключи золотые, Пошел в поле, Росу выпустил, Росу теплую».

По первой егорьевской росе крестьяне катались на межах, чтобы быть сильными, как егорьевская роса. «На Егорья роса — будут добры проса» (то есть хорошо уродится просо). С 24 апреля (7 мая) начинался сев яровых. «Егорий придет — роса в поле падет». Отсюда и ряд обрядов, совершавшихся в это время на заклинание, вызов дождя, как при встрече весны: «Дождь-дождь! На бабину рожь, На дедову пшеницу. На девкин лен — Поливай ведром!» О том, как святой Егорий ходит по полям и помогает землепашцам, рассказывается и в волочечных песнях, исполнявшихся при обходе дворов на Пасху.

Егорий был и покровителем скота. В средней полосе России к 23 апреля уже появлялась первая трава, и в Егорьев день проводился первый выгон скота на пастбище, что требовало особых обрядов-оберегов на благополучный выпас в течение всего лета. Егорьев день считался мужским праздником, прежде всего — праздником пастухов. На иконах св. Егория изображали всадником в светлых одеждах на белом коне, поражающим дракона. Он был олицетворением светлых сил добра, побеждающих тьму и зло. В ночь на 23 апреля группа парней во главе с пастухом обходила все дома деревни и «окликали Егория». Обход совершался под аккомпанемент барабанки — небольшой доски, которую пастух вешал себе на грудь, и палочками, как на барабане, выбивал определенный ритм (такой барабанкой пастух каждое утро созывал коров в стадо). Как и у колядовщиков, у окликальщиков был

мехоноша, который складывал в мешок все, что подавали хозяйки за «окликание». В окликании заключалась просьба к святому Егорию спасти скотинку-животинку от «волка, медведя, лютого зверя...»

94. *Мы ранешенько
вставали,
Белы лица умывали,
Полотенцем утирали.
В поле ходили,
Кресты становили.*

*Кресты становили,
Егорья вопили:
«Батюшка Егорий,
Макарий, батька
храбрый,
Спаси нашу скотинку,*

*Всю животинку,
В поле и за полем,
В лесе и за лесом.
Волку, медведю,
Всякому зверю —
Пень да колода,
На раменье дорога.
Тетушка Анфисья,
Скорее пробудися,
В кичку нарядися,
Пониже округися,
Подай нам по яичку,
Подай по другому.
Перво яичко —
Егорию на свечку,
Другое яичко —
Нам за труды
За егорьевские».*

Барabanка
(колл. МАЭ РАН; 236-1.
Костромская обл.)

Карельский пастух
в русской деревне.
Олонецкая губерния,
Пудожский уезд
(колл. МАЭ РАН: 7363-10)

<i>Мы ходили, хлопотали,</i>	<i>В бочаг покидали,</i>
<i>Трое лапти изодрали,</i>	<i>Чтобы наши не узнали,</i>
<i>В кучку поклади,</i>	<i>Чтобы нас не заругали!</i>

Дальше следовало подавание. Если подавали хорошо, то ребята благодарили:

<i>Спасибо тебе, тетка,</i>	<i>Денег мешок</i>
<i>На хорошем подаенье!</i>	<i>Да белья коробок,</i>
<i>Дай тебе Бог</i>	<i>Двадцать телушек,</i>
<i>Подольше пожить,</i>	<i>Все годовушек,</i>
<i>Подольше пожить</i>	<i>Десять быков,</i>
<i>Да побольше нажить:</i>	<i>Все годовиков, все полтороиков!</i>

Но бывали случаи, когда ребятам ничего не подавали. Тогда пели неприятное пожелание:

<i>Не спасибо тебе, тетка,</i>	<i>Да побольше нажить:</i>
<i>На плохом подаенье!</i>	<i>Вшей да мышей,</i>
<i>Дай тебе Бог</i>	<i>Тараканов из ушей!</i>
<i>Подольше пожить</i>	

95. <i>Уж мы к дому подходили,</i> <i>Хозяйина будили:</i> <i>«Встань, обудися,</i> <i>Умойся, утрися,</i> <i>Егорю помолися!»</i> <i>Егорий, батька храбрый,</i> <i>Макарий преподобный!</i> <i>Спаси нашу скотинку,</i> <i>Всю животинку,</i> <i>В поле и за полем,</i> <i>В лесе и за лесом,</i> <i>За лесом-лесами,</i> <i>За крутыми горами!</i> <i>Волку с медведем —</i> <i>Пень да колода.</i> <i>По-за море дорога!</i> <i>Зайцу с лисицей —</i> <i>Горькая осина</i> <i>По самую вершину!</i> <i>Ворону с вороной —</i>	<i>Камешек дресвяный!</i> <i>Матушке скотинке,</i> <i>Всей животинке, —</i> <i>Травка-муравка,</i> <i>Зелененький лужок!</i> <i>Петушок, топчися,</i> <i>Курочка, несися,</i> <i>Хозяюшка, добрися!</i> <i>Дай нам яичко —</i> <i>Егорю на свечку.</i> <i>Дай нам другое —</i> <i>За наши труды</i> <i>За егорьевские!</i> <i>Мы Егорья окликали,</i> <i>Мы Егорья окликали,</i> <i>Трои лапти изодрали,</i> <i>По бороздкам раскидали!</i> Если подадут: <i>Дай вам Бог,</i> <i>Надели, Христос,</i>	<i>Двести коров,</i> <i>Полтора быков,</i> <i>Семьдесят телушек</i> <i>Лысенских,</i> <i>Кривоусеньких!</i> <i>Они в поле-то идут —</i> <i>Все помыкивают,</i> <i>Они из поля идут —</i> <i>Все поигрывают.</i> Если не подадут: <i>Ни кола, ни двора,</i> <i>Нет ни куричья пера!</i> <i>Одна была корова —</i> <i>И та нездорова!</i> <i>Одна была овца —</i> <i>И та яловица!</i> <i>Хозяйка дьяволица!</i> <i>Дай вам Бог</i> <i>Тараканов да клопов!</i>

Утром в Егорьев день хозяйка выгоняет скотину ветками вербы.
Воспроизведение обряда

от лютого зверя, от ползучего змея, от волшебных стихов, чтобы лютый зверь не видел их своим зорким глазом, не слышал своим чутким ушам реву коровьего, блею овечьего и боялся бы голосу человеческого! Аминь». (Это подлинный заговор, записанный нами в 1971 г. в деревне Ворошилово Торжокского района от 86-летнего деда Василия, бессменного обходчика этой деревни). Как только обходчик произносил: «Аминь!» — пастух и подпасок, несшие топоры, ударяли обухом об обух, а мужики, у которых были ружья, стреляли, угрожая зверю.

На Севере России, при найме пастуха, требовали от него знания особого заговора, «отпуска», иначе не брали.

Во многих местах России в этот день еще и окуривали скот. Это происходило в хлеву или во дворе и обязательно с иконой святого Георгия и вербочкой. Особой курильницей окуривали корове вымя, чтобы она давала много молока.

Молодежь в это время принимала участие в обряде «водить Юрья». Для этого выбирали парня — «Зеленого Юрья», обвешивали его первой зеленью и клали ему

на голову большой круглый пирог. Все садились вокруг и делили пирог. В это время смотрели, какой девушке достанется кусок с большим количеством начинки, считалось, что она обязательно выйдет замуж в этом году. По дороге домой пели:

*Мы вокруг поля ходили,
Мы Егорья свет водили.
Мы Егорья окликали,
Юрья величали:
«Егорий, спаси нашу скотинку...»*

С.М. Алтуфьева с курильницей для окуривания скота в Егорьев день. Ярославская область, пос. Борисоглебский

97 *Погоним Юрья,
погоним Юрья
В чисто поле,
Ой, рано, ой,
На мое чисто поле!
В чистом поле,
в чистом поле
На кургане,
Ой, рано, ой,*

*На моем на кургане!
Засею я, засею я
Васильками,
Ой, рано, ой,
На моем на кургане!
Засею я, засею я
На моем васильками!
Хлопчики идут,
хлопчики идут,*

*Васильки рвут,
Ой, рано, ой,
На моем васильки!
Девочки идут,
девочки идут,
Песни поют,
Ой, рано, ой,
На моем песни поют!*

98 *Что-то в саде,
Что-то в саде,
Зазвенело!
Зазвенела,
Зазвенела,
Юрья води!
Юрья вода,
Марья млада
В саде была!
В саде была,
В саде была,*

*Воду брала!
Воду брала,
Воду брала,
Цветы рвала!
Цветы рвала,
Цветы рвала,
Венок вила!
Венок вила,
Венок вила,
В танок пошла!*

99 *— Юрий, добрый вечер,
Юрий, подай ключи,
Юрий, отомкни землю,
Юрий, пусти траву.
Юрий, на что трава?
— Трава для коников.
— Юрий, на что роса?
— Роса для воликов*
(т.е. волов).

Девушки и женщины старались как можно лучше нарядиться в этот день, надеясь на Егорья как на помощника в личной жизни, от которого зависело счастье девушки или женщины. Недаром в народе ходила поговорка: «Наряжается, как баба на Юрья».

В окликаниях вслед за Егорием упоминается имя Макария. Дело в том, что 1 (14) мая — чествование святого Макария, чем и заканчивалась Егорьевская неделя.

Вербное воскресенье

Вербная неделя — последняя неделя перед Пасхой. «Без вербы — не весна», говорили в народе и внимательно следили за тем, как цветет верба. «Если хорошо цветет верба, — пашня будет хорошая», «Верба распутицу ведет. Гонит с реки последний лед».

В канун Вербного воскресенья, в «Лазаревскую субботу» (она называется по имени воскресенного Христом Лазаря) люди шли в церковь с пучками ветвей вербы, покрытых пушистыми почками. В церкви эти вербочки освящались. Распустившиеся почки и «сережки» считались наделенными особой силой. В воскресенье хозяйки запекали их в маленькие хлебцы, которые скармливали скотине, но их ели и сами хозяева, и рабятишки.

В Воронежской губернии в один из хлебцев запекали грош и гадали: хлебцев пекли по числу членов семьи — кому достанется с грошиком, для того год будет благополучным и счастливым, а девушка — выйдет замуж.

В народе было такое поверье, что если съесть девять вербных сережек — это предохранит от лихорадки и других болезней.

Принесенными из церкви ветками вербы хлестали друг друга, приговаривая:

Не я бью — верба бьет!

Прихлестывали при этом и животинку и даже предметы домашнего обихода (например, квашню, маслобойку, печь, кринку и т.п.).

А уж ребятишкам было полное раздолье бегать по деревне и хлестаться вербочкой.

100. *Верба свята,
Верба свята!
Не я освящаю
Бог освящает
Печки — перепечки:
На божью милость
На житье — бытье
На корысть, на радость,
На божью милость.
Хлеб спор,
Животам приплод.
На тебе веревочку
А мне парочку яичек!*

101. *Верба, верба
Верба хлест
Верба хлест
Бьет до слез,
Верба синя
Бьет не сильно
Верба красна
Бьет напрасно.
Верба бела
Бьет за дело.
Верба хлест,
Бьет до слез.*

102. *Пришла верба
Из-за моря,
Принесла верба
Здоровья.
Верба хлест,
Бей до слез!
Еще на здоровье —
До красенького яичка!*

Наконец наступила и седьмая неделя Великого поста, так называемая Страстная. В понедельник, вторник, среду шла тщательная уборка в доме, пристройках, во дворе — стирали, мыли пол, стены и лавки с золой (делая из нее щелок), скребли голиком (прутья метлы или веника без листьев). Вымывали и выметали весь сор, скопившийся за зиму. К четвергу все работы должны были быть окончены. Четверг на Страстной неделе так и назывался — «Чистый четверг». В этот день, в сверкающей чистотой избе, начинали готовиться к Пасхе. Нужно было испечь куличи. Их замешивали из отборной, лучшей пшеничной муки и выпекали в высоких формах, не жалея для теста различной сдобы. (А в городах обязательно добавляли пряности: кардамон, шафран, ваниль, цедру.) Кулич сверху поливали глазурью или обсыпали сахарной пудрой, а сверху прикрепляли вылитого из сахара барашка. Кроме того, нужно было створожить молоко, чтобы получить свежий творог (сыр, как называли в деревне). В конце XIX века уже и в деревне стали делать пасху, сдобрив творог маслом, сметаной, ванилью, яйцами, и придавали этой массе при помощи специальной «пасочницы» форму пирамиды. И в кулич, и в пасху втыкали бумажный цветок.

В субботу, после утренней литургии, священник шел между рядами столов, уставленных куличами, яйцами и пасхами и освящал их, читая пасхальные молитвы и окропляя «святой водой».

Великий четверг

В четверг, вечером стар и мал пойдут в церковь слушать чтение 12 Евангелий (12 отрывков из Нового завета о страданиях и мученической смерти Иисуса Христа). Но это не мешало с утренней зари и весь день исполнять древнейшие языческие обряды. Дело в том, что четверг — день, когда-то посвященный грозному богу Перуну, которого боялись и которому поклонялись, так как он считался повелителем грома и молнии, грозы. Вообще, языческих суеверий хватало, и многие из них отмечались обрядами именно в Великий четверг. Так, девушки, еще до восхода солнца, «пока ворон крыла не омочил», бежали к реке, чтобы умыться, а кто похрабрее — и искупаться в студеной еще воде, чтобы весь год быть красивой. А можно было, принеся домой воды из ключа (до рассвета), бросить в ведро монетку или колечко серебряное и умыться. Тоже «помогало».

Воспроизведение обряда

Днем старшая хозяйка отправляла девушек в лес за вересом (можжевельником). Принеся можжевельниковые ветки в дом, нужно было сделать 9 помельев. Восемь — чтобы золу из печки выметать, а на девятое младшая в доме, в одной нижней рубашке, без пояса, распустив волосы, садилась «верхом» и трижды обскакивала дом. Подскочив к окну, в котором видна была мать или бабушка, спрашивала: «Тетка Анна, скотина дома?» — «Дома, дома милая!», — отвечала ей хозяйка. Так делалось в Костромской и Ярославской губерниях — по убеждению крестьян, — чтобы уберечь скот, чтобы всегда домой приходил.

Иногда сам хозяин на помеле «обскакивал» огород, говоря при этом: «Крот-крот, не рой мой огород». Чтобы лучше хлеб родился, хозяин считал необходимым до восхода солнца потрясти соху.

В этот день в некоторых районах России готовили «четверговую соль», которая считалась очень целебной и людям и домашним животным. Для этого соль заворачивали в чистую тряпочку, а когда топи-

лась печь, клали в чугунок и пережигали. Потом в чистой тряпочке хранили весь год на случай болезни.

Так в народных обычаях и обрядах причудливо переплелись язычество и христианство, совсем не мешая друг другу.

Пасха

П

асха — великий христианский праздник, о котором в одном из пасхальных песнопений так и поется: «праздников праздник и торжество есть торжество». Он вмещает в себя и радость духовную: «Христос воскрес!», и то, что пришла, наконец, весна (Пасха бывает с 22 марта по 25 апреля по старому стилю), и пробуждение живительных сил природы, и окончание Велико-го семинедельного поста, а это значит, что после службы церковной будут вкусные скоромные розговины, и начало весенних гуляний, хороводов, забав.

Незабываемо торжественно проходила ночь с субботы на воскресенье.

К 12 часам ночи ко всем церквам начинает подходить народ и чем ближе к полуночи, тем сходилась его все больше и больше.

Внутри церкви, по направлению к входной двери начинает выстраиваться «крестный ход», — псаломщики, служки, кое-кто из мужчин-прихожан держат в руках хоругви, большой застекленный фонарь со свечой, запрестольный крест — ждут выхода духовенства. В церкви полутемно. И вот раскрываются «царские врата». Духовенство в красных ризах (в течение поста облачение было темное, на последней Страстной неделе — черное), в руках зажженные свечи. И весь крестный ход вместе с прихожанами выходит из храма. Как только они вышли — дверь плотно закрывается (в память о том, как плотно закрыли вход в пещеру, где был похоронен Христос).

Участники крестного хода во главе с духовенством обходят вокруг церкви с пением «Христос воскрес из мертвых, смертью смерть поправ и сущим во гробах живот даровав! ...» В церкви водворяется настороженная тишина — все ждут, прислушиваются... «Христос воскрес!» — говорит священник и весь храм на одном дыхании отвечает «Воистину воскрес!» — А в весеннем небе не умолкает колокольный, пасхальный «малиновый» звон, радостный и светлый, построенный на перезвоне самых маленьких колоколов на фоне, создававшемся средними и большим колоколами. (Старые петроградцы до конца своих дней не забудут эту удивительную пасхальную симфонию над городом, в которой ведущим был большой колокол Исаакиевского собора).

Служба оканчивалась уже под утро. Выходя из храма, люди христосовались, обменивались крашеными яйцами.

А дома ждали уже накрытые столы со всякой скоромной снедью, а главное — кулич, пасха, крашеные яйца.

В деревнях с утра Светлого воскресенья, как называется этот день, начинался обход дворов молодежью (в возрасте от 5 до 25 лет), которая исполняла особые,

волошебные песни. (Название «волошебные» толкуется различно, но скорее всего оно идет от «волочиться», волочить ноги, т.е. брести).

Исполнители назывались волошебниками и лалынщиками (от слова «лалыкать», говорить, болтать), колядовщиками, ватагой. Руководил и управлял группой «починальщик», с ними ходил «мехоноша», а часто были и музыканты, игравшие на скрипке или дуде, гудке. Это было своеобразное весеннее колядование, при котором хозяину дома желали и хорошего урожая, и обильного приплода скота, и семейного благополучия. В тексте часто перечислялись приметы, по которым определялось наступление весны. Исполнение волошебных песен являлось кульминацией весеннего обрядового цикла и характеризовалось особой мажорной тональностью.

Волошебники с ветками вербы обходили все дома не только своей, но и всех соседних деревень, и этим как бы вносили в каждый дом весну с пожеланием этому дому расцвета и счастья. В обряде основную роль играло действие. Слово, вероятно, возникло позднее, как бы объясняя его.

103. *Христос, сыне Боже, воскрес!**

* Припев повторяется после каждой строки.

*На твоём дворе церковь строится,
Стоит церковь.
Во той церкви стоит престол,
На престоле лежит книга,
У той книге и все праздники.
Первый праздник — Свята Пасха, —*

Яйца красят.

*Другой праздник — Свят Ягорий, —
И бери вербу, и гони в поле.
И еще праздник — это Никола, —
Путай коней.
И еще праздник — зажинайте!
Христос, сыне Боже, воскрес!*

104. *Не гуси летят, не лебеди, —*

* Припев повторяется после каждой строки.

Христос воскрес на весь свет!*
*Идут-бредут волошебнички,
Волошебнички, полуночнички.
«Челом здоров, хозяинушка!
Чи спишь-лежишь, аль спочиваешь?
Коли ж ты спишь — так Бог с тобой!
Коли ж не спишь — ходи ты с нам,
Не хошь говорить — ходи ты с нам,
Ходи ты с нам, с волошебничкам.
По темной ноці грязі толочі,
Собак дразнить, людей смешить!
Не хошь ходить — дари ж ты нас:
Наши подарки малы-великі,
Малы-великі — в двери не лезут,
В двери не лезут, в окна как шият:
Починальничку — сорок яичек,*

*Сорок яичек, золотой червон.
Золотой червон, кварту горелки,
Кварту горелки, сыр на тарелке;
Помощничкам — хоть по десятку,
Хоть по десятку, хоть ползолотого,
Кварту горелки, сыр на тарелке;
Мехоноше — пирог с ношу,
Дудариню — хоть солонины;
Дуду помазать, струны погладить,
Чтоб играла, не залежала.
За этим же, хозяинушка,
Живи здорово, живи богато!
Дай тебе Боже пиво варить,
Пиво варить, сынов женить,
Горелку гнать — дочек отдавать!
Христос воскрес на весь свет!*

108. *Нуте, братцы-товарищи!
Собирайтесь до кучечки!
Пройдемте в тое село,
Поздравим их с праздником,
Их с праздником, с Христовым днем,
С Христовым днем красный яйцом!
В том селе лежит брусье,
Лежит брусье тесовое,
Тесовое, дубовое.
На том брусье сидят мужи,
Сидят мужи, мужи честные,
Рядят раду, раду добрую:
«Ну-те, братцы-товарищи!
Дожидаемся мы двух праздников*

109. *Ишли-брели волочebníки.
Христос воскрес, сын Божий!**
*Шталалися-ныталися,
К своему двору припыталися.
«Якой же то богатый двор,
Богатый двор, железный тын,
Воротики тесовые,
Верейки точеные,
Подворотница — рыбное ребро,
Защепочка — сам рыбный зуб!
Да ти дома, пан Семен Семеныч?»
Хоть и дома, да не кажется.
Не кажется, прибирается:
Надевает кунюю шубу,
Надевает кунюю шубу,
Сафьянные сапоги, лисию шапку.
«Жена моя да й милая,
И милая, любимая!
Да что ж это за шум шумит,
За шум шумит, за як ячит?»
— «Семен Семеныч, ярые пчелы,
Ярые пчелы на полет идут».
Середь двора стоит сосна,
На той сосне сизой голубь.*

*Двух праздников веселеньких:
Первый праздник — свет Егорий,
Другой праздник — свет Никола,
Свет Егорий с шелковой травой,
Свет Никола с засевочком,
С засевочком с овсяненьким».
«Ну-те, братцы-товарищи!
Собирайтесь до кучечки!
Будем радить раду добрую:
Кому у нас, братцы, запахивать,
Запахивать и засевать?»
— «Запахивать пану Ивану,
Засевать его брату!»*

*Семенушка натягивает
Калену стрелу,
Он хочет убить сизого голубя,
Сизой голубь прогласил ему:
«Семен Семеныч, не бей меня,
Не бей сизого голубя!
А я сижу — не сизой голубь,
А я сижу — святой Егорья!»
Святой Егорья животину
У поле гонит с тихим ветром,
С дробным дождем, с красным солнцем.
Святой Илья по полю ходит,
Рожь зажинает, копы считает.
Подарите-ка вы нас, певцов:
Починальничку — по десяточку,
А нашим певцам — по пяти да по шести,
А нашему дударю — кусок солонины:
Пальцы помазать, дуду наладить,
А нашим мехоношам — пирог да калоши!**
*Не хочешь дарить — пойдём с нами:
Ночи коротать, грязи топтать!
Христос воскрес, сын Божий!*

* Калоша —
открытый пирог

* Припев
повторяется
после каждой
строки.

110. — *Не спишь, не лежишь, хозяйнушка?*
 — *Не сплю, не лежу, за столом сижу.*
За столом сижу с молодой женой,
Ай-я, ай-я-я-я!*
С молодой женой, с добрыми детям.
С добрыми детям годы гадаю.
Годы гадаю, детей считаю.
 — *Не слышал ли ты, хозяйнушка,*
Что у твоём дворе случилось?
Три радости появилось.
Три радости, все радостные:
Первая радость явилась —
- Сорок кобыл жеребилося.*
А все они — по конику,
По конику, по воронику.
Другая радость явилась —
Сорок коров телилося.
А все ж они — по телочке,
По телочке по рыженькой.
По рыженькой, по лысенкой,
Третья радость явилась —
Сорок роев рошлось!
Ай-я, ай-я-я-я.

* Припев повторяется через каждые три строки.

На Николу 9(22) мая в северных районах начинали посев яровых.

Со Светлой пасхальной недели начинались гулянья, водились хороводы, не умолкали песни. Основной темой песен была любовь, встреча с милым сердцу человеком, а также радость от того, что пришла весна, ушли холода и зимние темные дни, что вырастет хороший урожай, и все будет хорошо.

Следует обратить внимание на устоявшийся неперемный образ замыкания и размыкания чего-то. «Сама Мати пречистая [то есть Богородица] на улицу выходила, ключи выносила, да зиму запирала» — Этот образ встречается неоднократно в обрядовом фольклоре, в частности, в заличках весны, Егорьевских окличаниях. Как и в заговорах, он имел магическое значение.

111. *Сама мати Пречистая*
На улицу выходила,
Лелемье-лелем,
На улицу выходила.
Ключи выносила
Да зиму замыкала,
Лелемье-лелем,
Да зиму замыкала.
Да зиму замыкала,
А лето отмыкала,
Лелемье-лелем,
А лето отмыкала.
- Ой, дай, Боже, лето,*
Зароди, Боже, жито!
Лелемье-лелем,
Зароди, Боже, жито!
Кустисто, рясисто
Да еще колосисто.
Лелемье-лелем,
Да еще колосисто!
Прасковьюшка мала,
Стоя жито жала,
Лелемье-лелем,
Стоя жито жала.
- Снопов не вязала,*
Батюшку ожидала,
Лелемье-лелем,
Батюшку ожидала.
Батюшка приедет,
Снопочки повяжет,
Лелемье-лелем,
Снопочки повяжет.
В кучечку поносит,
В клеточки положит,
Лелемье-лелем,
В клеточки положит!

На Красную горку (в первое воскресенье после Пасхи или всю следующую неделю — Фомину неделю) молодежь по особым каткам катала яйца, что носило не только развлекательный, но и соревновательный характер. Некоторые участники, стараясь выиграть как можно больше яиц, прибегали ко всевозможным уловкам: долго варили

яйца в воде с солью, высасывали из сырого яйца через дырочку содержимое и заливали туда воск и т.п. Но если обман обнаружился, «чемпиону» доставалось изрядно. Выигрывал тот, кто набирал большее число яиц честно.

Общему радостному настроению способствовал и многоголосье колокольный звон, который всю Светлую неделю разносился по Руси. Залезать на колокольню и звонить разрешалось каждому желающему.

112. *Галушка-ключница!*
Вылети с заморья,
Вынеси два ключа,
Два ключа золотые!
Замкни зиму холодную,
Отомкни лето,
Лето теплое!
Выпускай траву шелковую,
Расстилай росу жемчужную!
По той по травушке
Ходили три павушки,
Три павы-купавы.
Первая павушка,
Первая купавая
У ясном золоте.

Другая павушка,
Другая купавая
У чистом серебре.
Третья павушка,
Третья купавая
В атласе у бархате.
У ясном золоте —
То жена Иванова
Татьяна Самойловна!
А в чистом серебре —
То жена Тихонова
Агафья Федоровна!
В атласе у бархате —
То жена Михайлова
Графена Семеновна!

113. *Летела павя распавистая,*
Зеленый сад, вишневый!*
Роняла перье подлапистое,
Роняла перье в зелену траву.
Тут как раз шло князево дите.
Оно не так шло — перья собирало,
Перья собирала, в рукавок клала,
Малое перо — у подолочек,
Более перо — в рукавочек,
За столом стала, перья складала,
С подола брала — в подушку клала,
С рукава брала — вяночек плела.
Совила венок — пошла у танок,
Пошла у танок — похилилася,

Похилилася, перловым венком
похвалилася:
«А что мой венок ветры не свиют,
Ветры не свиют, дожди не смочут».
Как поднялися шуры да буры,
Шуры да буры — мелкие дожди!
А как схватили перловый венок,
А как схватили и покатили.
Перловый венок — золотой шилок.
Туды ж бо шло князево дите,
Все шукаючи, все пытаючи.
Зеленый сад, вишневый!

* Припев повторяется после каждой строки.

114. *Рано-рано солнце играло,
Ля-лей, ля-лей, ли-ля-ле!**
Раньше того пава летала,
Пава летала, перья роняла.
Красная девка Марусенька
Сзади ходила, перья сбирала,
Перья сбирала, в рукав клала,
З рукава брала, венки плела,
Один веночек к заутренке,
Другой веночек к обеденке.
Надела веночек, пошла к обедне.
Откуда увязались буйные ветры,
Буйные ветры, дробные дожди.
Схватили веночек с буйной головы,
Понесли веночек в чистое поле,

* Припев повторяется после каждой строки.

*В чистое поле, в синее море.
Пошла Маруся, заплакавши.
Навстречу к ей три рыболова,
Три рыболова, все молодые,
Все молодые, все холостые.
«Здорово, здравствуй, Марусенька!
Куда идешь, Марусенька?»
— «А я иду, веночек ищу»
— «А что нам будет, Марусенька?»
— «Николаю я златой перстень,
Володе я поклонюсь-тка,
А за Ваню я сама пойду!»
Николай скочил — ступень помочил,
Володька скочил — по колено вода,
А Ванька скочил — веночек схватил!*

Ритуальным обрядом пасхальной недели являлось и величание молодоженов данного года. Проводилось оно в Фомино воскресенье (первое воскресенье после Пасхи) и называлось в народе «вьюношным» или «кликуншным»*.

К дому молодоженов подходили ребяташки (когда-то, вероятно, этим занимались и более старшие), и начинали петь свои песенки. Молодуха должна была одаривать поздравителей яйцами, которых к этому времени собиралось много.

* «Вьюношное» — от «вьюнок», «венец»; «кликуншное» — от «кликать», «закликать», «окликать», «славить».

115. *Позволь нам, хозяин,
Позволь, господин,
Нам вдоль улицы пройти,
Дом хозяина найти,
Позволь на ступенечку ступить,
На другую переступить,
За колечко побренчать,
Молодых повеличать!
Уж вы дайте знать,
Молодых-то как назвать.
Выходи-ка, молодая,
На парадное крыльцо,
Выноси-ка, молодая,
Нам по пряничку,
По стаканчику пивца,
На закуску пирога.*

116. *Ты вставай-ка, молодец,
Ты вставай-ка, наш вьюнец!
Ты расчесывай кудри
Костяным гребешком.
Уж ты взгляни, молодец,
В окошко косящатое!
Тебе песню поем,
Тебе честь воздаем!
Награди-ка нас подарком —
Сладким пряником,
Белым сахарным!*

117. *Научить ли тебя, вьюница,
Как в чужих-то людях жить?
Ой ли, вьюница, ой молодая!**
*Во чужих-то людях жить —
Да надо каждому служить.
Уж как свекру услужить —
Корму коням замесить,
А свекрови услужить —
В избу дровец наносить,
А деверьям услужить —
Пару коней заложить,
Как золовке услужить —*

* Припев
повторяется
после каждых
двух строк.

118. *Молодая молодица,
Подавай наши яйца!
Не отдашь яйца —
Курочку зарежем,
Петушка уведем,
В хлев посажу,
Помелом припру!
Молодой молодец,
Выходи на крылец,
Выноси нам пряников корбец!*

120. *Как вился хмель по болоту,
Душа, по болоту!
И прививался хмель ко воротам,
Душа, ко воротам!
И как просился хмель ко ночлегу,
Душа, ко ночлегу!
И в кого у нас двор просторный,
Душа, двор просторный?
У Егорушки двор просторный,
Душа, двор просторный!
Его хозяйюшка молодая,
Душа, молодая!
Как клюквинка моховая,
Душа, моховая!
И брусничка боровая,
Душа, боровая!*

- На базар скорей сходить,
На базар скорей сходить
Да белил-мазил купить,
А как мужу услужить —
Чаще банюшку топить,
Чаще банюшку топить
Да с ним париться ходить,
С мужем париться ходить,
Черпачок с собой носить,
Черпачок-то новенький,
Веничек зеленъкий.
Ой ли, вьюница, ой ли молодая!*

119. *Вьюница молода,
Выходи сюда,
Выноси красно яйцо!
Как не вынесешь яйцо —
Изломаем все крыльцо,
А как вынесешь яйцо —
Сделаем новое крыльцо.*

121. *Не ходи, бел-кудреватый,
Мимо молодицы;
Не топчи, бел-кудреватый,
Сада моего мяту,
Я не для тебя садила!
Для того мяту садила,
Кого я любила,
Для того я поливала,
Кого целовала!*

Зеленые святки

В народе говорили: «Весна пришла — игра пошла». От Пасхи и до Троицы водила молодежь хороводы, но это не было просто развлечение, когда-то это была очень значимая часть аграрно-магических обрядов. Но 7-я и 8-я неделя были особенные. Они назывались «зеленые Святки».

Зеленые Святки — второй цикл весенних обрядов — своеобразное приветствие первой зелени деревьев. Цикл состоял из ряда обрядов: внесения в село березки, завивания венков, кумления, похорон «Кукушки», «Костромы», «Русалки». Зеленые Святки были особенно богаты песенным репертуаром, многочисленными хороводами и играми. Как и Зимние, они длились две недели: Семикскую и Троицкую (Семикской называли седьмую после Пасхи неделю, непосредственно перед Троицей, связанную с Семиком, который приходил в четверг; Троицкой — восьмую неделю после Пасхи). В центре семикско-троицких обрядов было первое покрывавшееся зеленой листвою дерево — березка, символ русской природы. К березке девушки относились как к существу, обладавшему неисчерпаемой жизненной силой. Береза считалась деревом священным, преклонение перед которым передавалось из поколения в поколение. Поклонение березе было естественным. Целебный березовый сок придавал силы человеку, березовые дрова горели жарче других, из коры березы делали обувь (лапти), домашнюю утварь, музыкальные инструменты (рожки).

Весь праздник в его важнейших частях очень походил на уже описанные праздники, связанные с аграрным календарем. И главным действующим лицом тоже были ряженые, куклы и чучела. В Семик (четверг перед Троицей) девушки делали куклу-кукушку (сучок от березы, пучок колосьев или травы наряжали в сарафан, кофту, платочек) и чучело Семика и Семичихи (березовые ветки, связанные и наряженные в мужское и женское платье). На второй неделе главными действующими лицами были русалки (в одних местах их изображали ряженые, в других — делали чучело-куклу) или Кострома (также чучело). Заканчивались эти праздники похоронами (уничтожением) «русалки» или «Костромы» — это был обряд прощания с весной. В некоторых районах обычай хоронить «Кострому» затягивался до Петрова дня — 29 июня (12 июля), после которого начиналась страда. В целом, похороны «Кукушки», «Русалки», «Костромы» — явление одного плана, они имели одно назначение: проводить весну и обеспечить урожаем на поле и в огородах.

В песнях Зеленых Святков широко развивалась любовная тематика, но среди весенних игровых песен распространены были и песни, несущие в себе подражательную, имитативную магию. Подражание труду должно было способствовать его продуктивности. К таким песням относятся песни о льне. В хороводной

Девушки и парни несут березку из леса в деревню.
Воспроизведение обряда

игре движениями показывалось, как лен сеяли, пололи, дергали, стелили, мочили, трепали, чесали, пряли. Припев песни «Ты удайся, удайся, мой лен» — остаток древнего заклинания. Сюда же можно отнести и игровую песню «А мы просо сеяли...», хотя в этой очень старинной песне прослеживается и древний, бытовавший когда-то обряд умыкания невесты парнем из другого рода.

122. — *Мы чащобу чистили, чистили,
Ой дид-ладо, чистили, чистили!*
— *А мы хворост таскали, таскали,
Ой дид-ладо, таскали, таскали!*
— *Мы чащобу пахали, пахали,
Ой дид-ладо, пахали, пахали!*
— *Мы чащобу борновали, борновали!*
Ой дид-ладо, борновали, борновали!
— *А мы просо сеяли, сеяли,
Ой дид-ладо, сеяли, сеяли!*

— *А мы просо ломали, ломали,
Ой дид-ладо, ломали, ломали!*
— *А мы просо пололи, пололи,
Ой дид-ладо, пололи, пололи!*
— *А мы просо валили, валили,
Ой дид-ладо, валили, валили!*
— *А мы просо вязали, вязали,
Ой дид-ладо, вязали, вязали!*
— *А мы просо копнили, копнили,
Ой дид-ладо, копнили, копнили!*

— А мы копны считали, считали,
 Ой дид-ладо, считали, считали!
 — А мы копны возили, возили,
 Ой дид-ладо, возили, возили!
 — А мы просо молотили, молотили,
 Ой дид-ладо, молотили, молотили!
 — А мы просо веяли, веяли,
 Ой дид-ладо, веяли, веяли!
 — А мы просо меряли, меряли,
 Ой дид-ладо, меряли, меряли!
 — А мы меры считали, считали,
 Ой дид-ладо, считали, считали!
 — А мы в амбар ссыпали, ссыпали,
 Ой дид-ладо, ссыпали, ссыпали!
 — А мы амбар запирали, запирали,
 Ой дид-ладо, запирали, запирали!
 — А мы ключи принимали, принимали,
 Ой дид-ладо, принимали, принимали!
 — А мы коней запустим, запустим,
 Ой дид-ладо, запустим, запустим!
 — А мы коней изловим, изловим,
 Ой дид-ладо, изловим, изловим!
 — Чем же вы их словите, словите,
 Ой дид-ладо, словите, словите!
 — Шелковыми поводами, поводами,
 Ой дид-ладо, поводами, поводами!

— А мы коней выкупим, выкупим,
 Ой дид-ладо, выкупим, выкупим!
 — Чем же вы их выкупите, выкупите,
 Ой дид-ладо, выкупите, выкупите?
 — Мы дадим сто рублей, сто рублей,
 Ой дид-ладо, сто рублей, сто рублей!
 — Нам не надо сто рублей, сто рублей,
 Ой дид-ладо, сто рублей, сто рублей!
 — А мы дадим тысячу, тысячу,
 Ой дид-ладо, тысячу, тысячу!
 — Нам не надо тысячи, тысячи,
 Ой дид-ладо, тысячи, тысячи!
 — А мы дадим сметы нет, сметы нет,
 Ой дид-ладо, сметы нет, сметы нет!
 — Нам не надо сметы нет, сметы нет,
 Ой дид-ладо, сметы нет, сметы нет!
 — Чего же вам надобно, надобно,
 Ой дид-ладо, надобно, надобно?
 — Нам надобно девушку, девушку,
 Ой дид-ладо, девушку, девушку!
 — За девушку денежку, денежку,
 Ой дид-ладо, денежку, денежку!
 — За молодца сто рублей, сто рублей,
 Ой дид-ладо, сто рублей, сто рублей!
 — За молодца надо девушку, девушку,
 Ой дид-ладо, девушку, девушку!

123. Под дубравую лен, лен,
 Под зеленою лен, лен.
 Уж я сеяла, сеяла ленок,
 Уж я, сея, приговаривала,
 Чеботами приколачивала,
 На все бока поворачивала:
 «Ты удайся, удайся, мой лен,
 Ты удайся, мой беленький,
 Полюбися, дружок миленький!»
 «Научи меня, мати,
 Как белый лен полоть».
 — «Еще так, да вот так, чи дочи,

Вот так, да чи дочки мои,
 Вот так, да голубушки,
 Вот так, да голубушки.
 Я полола, полола ленок,
 Я полола, приговаривала,
 Чеботами приколачивала,
 На все бока поворачивала:
 «Ты удайся, удайся, мой лен,
 Ты удайся, мой беленький,
 Полюбися, дружок миленький!»
 «Научи меня, мати,
 Как белый лен дергать».

— «Еще так, да вот так, чи дочи,
Вот так, да чи дочки мои,
Вот так, да голубушки,
Вот так, да голубушки»
Уж я дергала, дергала ленок,
Уж я дергала, приговаривала,
Чеботами приколачивала,
На все бока поворачивала:
«Ты удайся, удайся, мой лен,
Ты удайся, мой беленький,
Полюбися, дружок миленький!»
«Научи меня, мати,
Как белый лен стлати»
— «Еще так, да вот так, чи дочи,
Вот так, да чи дочки мои,
Вот так, да голубушки,
Вот так, да голубушки»
Уж я стлала, я стлала ленок,
Уж я стлала, приговаривала,
Чеботами приколачивала,
На все бока поворачивала:
«Ты удайся, удайся, мой лен,
Ты удайся, мой беленький,
Полюбися, дружок миленький!»
«Научи меня, мати,
Как белый лен сушить»
— «Еще так, да вот так, чи дочи,
Вот так, да чи дочки мои,
Вот так, да голубушки,
Вот так, да голубушки»
Я сушила, сушила ленок,
Я сушила, приговаривала,
Чеботами приколачивала,
На все бока поворачивала:
«Ты удайся, удайся, мой лен,
Ты удайся, мой беленький,
Полюбися, дружок миленький!»
«Научи меня, мати,
Как белый лен мяти»
— «Еще так, да вот так, чи дочи,

Вот так, да чи дочки мои,
Вот так, да голубушки,
Вот так, да голубушки»
Уж я мяла, я мяла ленок,
Уж я мяла, приговаривала,
Чеботами приколачивала,
На все бока поворачивала:
«Ты удайся, удайся, мой лен,
Ты удайся, мой беленький,
Полюбися, дружок миленький!»
«Научи меня, мати,
Как белый лен трепати»
— «Еще так, да вот так, чи дочи,
Вот так, да чи дочки мои,
Вот так, да голубушки,
Вот так, да голубушки»
Я трепала, трепала ленок,
Я трепала, приговаривала,
Чеботами приколачивала,
На все бока поворачивала:
«Ты удайся, удайся, мой лен,
Ты удайся, мой беленький,
Полюбися, дружок миленький!»
«Научи меня, мати,
Как белый лен чесати»
— «Еще так, да вот так, чи дочи,
Вот так, да чи дочки мои,
Вот так, да голубушки,
Вот так, да голубушки»
Я чесала, чесала ленок,
Я чесала, приговаривала,
Чеботами приколачивала,
На все бока поворачивала:
«Ты удайся, удайся, мой лен,
Ты удайся, мой беленький,
Полюбися, дружок миленький!»
«Научи меня, мати,
Как белый лен прясти»
— «Еще так, да вот так, чи дочи,
Вот так, да чи дочки мои,

*Вот так, да голубушки,
Вот так, да голубушки».
Уж я пряла, пряла ленок,
Уж я пряла, приговаривала,
Чеботами приколачивала,*

124. — *Кто с нами, кто с нами,
Пашенку пахати,
Кто с нами?
— Мы с вами, мы с вами,
Пашенку пахати,
Мы с вами!
— Кто с нами, кто с нами,
Жито рассевати,
Кто с нами?
— Мы с вами, мы с вами,
Жито рассевати,
Мы с вами!
— Кто с нами, кто с нами,
Жито косити,
Кто с нами?
— Мы с вами, мы с вами,
Жито косити,
Мы с вами!
— Кто с нами, кто с нами,
Жито вязати,
Кто с нами?
— Мы с вами, мы с вами,
Жито вязати,
Мы с вами!
— Кто с нами, кто с нами,
Жито визити,
Кто с нами?
— Мы с вами, мы с вами,
Жито визити,
Мы с вами!*

*На все бока поворачивала:
«Ты удайся, удайся, мой лен,
Ты удайся, мой беленький,
Полюбися, дружок миленький!»*

- *Кто с нами, кто с нами,
Жито молотити,
Кто с нами?
— Мы с вами, мы с вами,
Жито молотити,
Мы с вами!
— Кто с нами, кто с нами,
Жито перьвивати,
Кто с нами?
— Мы с вами, мы с вами,
Жито перьвивати,
Мы с вами!
— Кто с нами, кто с нами,
Солод солодити,
Кто с нами?
— Мы с вами, мы с вами,
Солод солодити,
— Кто с нами, кто с нами,
Кто пиво варити,
Кто с нами?
— Мы с вами, мы с вами,
Мы пиво варити,
Мы с вами!
— Кто с нами, кто с нами,
Кто сына женити,
Кто с нами?
— Мы с вами, мы с вами,
Мы сына женити,
Мы с вами!*

125. *Не дождик березу обмывает,
Здесь в роще девок прибывает.
Скачите, пляшите, красные девки,
А вы, холостые, поглядите,
С гулянья вам девушек не взять!
А взять ли не взять ли с доброй воли,
По батюшкину повеленью,
По матушкину благословленью,
По невестину рукоделью.*

126. *Александровска да береза
Да среди поля стояла,
Да зеленым венцом венчала,
Да золотым кольцом обручала!
Да не велел старой муж наряжаться
Ни по праздничкам, ни по будням,
Ни по светлым дням, воскресеньям!*

Березку, под которой
устроивали трапезу,
украшали «козулями»
и лентами.

Воспроизведение обряда

127. *Александровска береза*[†], береза!
Среди Кремля да стояла, стояла!
Она листьями шумела, шумела!
Изумрудными светила, светила!
Гуляй, гуляй, голубок,
Гуляй, серенькой,
Гуляй, сизенькой.*
- Ты куда, гуля, пошел,
Куда, серый, побежал?
— Я ко девушке, ко красавушке,
Коя лучше всех,
Коя краше всех.
Красна девица-душа,
Выбирай молодца!*

* «Александровска береза». Вероятно, береза получила этот эпитет от того, что 4 (17) мая чествовался день святых Александры и Константина, а Семик и Троица часто приходились на эти дни.

С далеких языческих времен живет с нами и эта песня, знакомая каждому русскому человеку чуть ли не с ясельного возраста:

128. *Во поле березонька стояла,
Во поле кудрявая стояла,
Люли, люли, стояла.
Некому березу заломати,
Некому кудряву заломати,
Люли, люли, заломати.
Как пойду я в лес погуляю,
Белую березу заломаю.
Люли, люли, заломаю.
Срежу с березы три пруточка,
Сделаю себе я три гудочка,
Люли, люли, три гудочка.
Четвертую — балалайку,
Пойду на новые сени,
Люли, люли, на сени.*
- Стану в балалаечку играти,
Стану я милого будити.
Люли, люли, будити:
«Встань, ты мой миленький, проснися,
Ты душа моя, пробудися.
Люли, люли, пробудися.
Вот тебе водица — умойся.
Вот тебе гребень — расчешися.
Люли, люли, расчешися.
Вот тебе башмачки — обуйся,
Вот тебе кафтанчик — одевайся,
Люли, люли, одевайся.
Войдем в терем, веселися,
Войди в терем, веселися,
Люли, люли, веселися».*

В Семик (четверг перед Троицей), девушки, собрав в складчину яйца, крупу, муку, делали яичницу, пироги, кашу, квас и тайно от парней шли с этой снедью в лес. Там выбирали березку, под ней складывали принесенные продукты, украшали ее лентами и «козулями», выпеченными из теста в виде венков, и расходились завивать венки из березовых веток, прямо на дереве, не отламывая ветвей. Завивание каждого венка сопровождалось приговором, в силу которого девушки верили. Через три дня, на Троицу, девушки приходили посмотреть, не завял ли венок: если завял — желание не исполнится.

Вокруг выбранной березки девушки трапезничали, съедали принесенные яичницу, кашу и прочее, но первая ложка яичницы, каши, кусок пирога предназначались

Идут с березкой в Троицу.
Вятская губерния, 1929 год

березке. Яичница на Семик была едой обязательной, ритуальной. Яйцо как символ плодородия проходит через все весенние обряды. В конце XIX века на эту трапезу допускались уже и парни. После трапезы молодежь начинала вокруг березки водить хороводы, петь песни, играть.

129. Туча с громом сговаривалась:

Доли-лэли-лэли-лэ!

«Пойдем, туча, туча, гулять на поле,

Доли-лэли-лэли-лэ!

На то поле на Заводское!

Доли-лэли-лэли-лэ!

Ты с дождем, я с милостью,

Доли-лэли-лэли-лэ!

Ты польешь, а я выращу!»

Доли-лэли-лэли-лэ!

Туча с громом сговаривалась:

Доли-лэли-лэли-лэ!

«Пойдем, туча, гулять на поле,

Доли-лэли-лэли-лэ!

На то поле на Лопьяльское!

Доли-лэли-лэли-лэ!

Ты с грозой, а я с молнией,

Доли-лэли-лэли-лэ!

Ты стукнешь, а я выпалю!»

Доли-лэли-лэли-лэ!

130. *Березынька кудрявая,
Кудрявая, моложавая,
Под тобой, березынька,
Все не мак цветет,
Под тобою, березынька,
Не огонь горит,*
- Не мак цветет —
Красные девушки
В хороводе стоят,
Про тебя, березынька,
Все песни поют.*

Эти песни, как правило, сопровождалась гаданием на жениха.

131. *Йо, йо, березынька,
Йо, йо, кудрявая!
Семик честной
да Троица —
Только, только
У нас, у девушек,
И праздникчик!
Йо, йо, березынька,
Йо, йо, кудрявая!
Семик честной
да Троица —
Только, только
У нас, у девушек,
И праздникчик!*
132. *Уж ты радуйся,
Дубник-кленник,
Не радуйся,
Белая береза!
Мы идем тебя
Развивати, —
Со куличиками
Со сдобными,
Со яиченкой
Со жареной.*
133. *Не радуйтесь, дубы,
Не радуйтесь, зеленые!
Не к вам девушки идут,
Не к вам красные,
Не вам пироги несут,
Лепешки, яичницы.
Йо, йо, Семик да Троица!
Радуйтесь, березы,
Радуйтесь, зеленые!
К вам девушки идут,
К вам красные,
К вам пироги несут,
Лепешки, и яичницы.
Йо, йо, Семик да Троица!*
134. *У лугах трава
Потолочена
И с коренья вон
Поворочена.
Как пошла трава
К Богу жалиться,
К Богу жалиться,
К самому Христу:
«Иисус Христос,
Рассуди ты нас,
Рассуди ты нас
С красными девками,
С красными девками,
С молодухами,
С молодухами
Молоденькими!»
Ах, Бог траву*
- Не пожаловал,
Пожаловал
Красных девушек:
«Тебе, трава,
Завсегда пора,
Красным девушкам
Только одна пора,
Одна пора,
Одно времечко:
А что Дух с Троицей —
Да й сбор девкам,
А святой Илья —
То разгон девкам».
Разогнал девок
По чистом полю,
По чистом полю,
По густом житю.*
135. *Еще во саде-садочке
Тут девицы гуляли,
Калина моя,
малина моя!
Во саду цветочки рвали;
Они вили веночки,
Калина моя,
малина моя!
Они бросали веночки
Во Дунай, во речку
быстру;
Калина моя,
малина моя!
Еще кто веноч подымет,
За того замуж выйду,
Калина моя,
малина моя!*

136. *Что же ты, березонька,
Не зелена стоишь?
Люшечки-люли,
Не зелена стоишь.
Аль тебя, березонька,
Морозом побило?
Люшечки-люли,
Морозом побило.
Морозом побило,
Инеем прихватило?
Люшечки-люли,
Инеем прихватило.
Инеем прихватило,
Солнцем присушило?
Люшечки-люли,
Солнцем присушило.
— Нет, меня, березоньку,
Морозцем не било,
Люшечки-люли,*
- Морозцем не било.
Морозцем не било,
Солнцем не сушило,
Люшечки-люли,
Солнцем не сушило.
Красны девицы
Веночки завили,
Люшечки-люли,
Веночки завили.
Веночки завили,
Веночки завили,
Веточки ломали,
Люшечки-люли,
Веточки ломали.
Веточки ломали,
В речку бросали,
Люшечки-люли,
В речку бросали.
В речку бросали,
Судьбу загадали,*
- Люшечки-люли,
Судьбу загадали.
Быстра речка
Судьбу отгадала,
Люшечки-люли,
Судьбу отгадала.
Коим девушкам
Замуж идти,
Люшечки-люли,
Замуж идти.
Коим девушкам
Век вековать,
Люшечки-люли,
Век вековать,
А коим несчастным
Во сырой земле лежать,
Люшечки-люли,
Во земле лежать.*

В Семик проводился и еще один сопровождавшийся поэтическими приговорами обряд — кумление. Через большой венок, сплетенный из березовых веток (в центре которого был подвешен крестик, а на нижней части — чучело птицы, сучочек в женском наряде, кукла из тряпок или соломы), девушки, подойдя с двух сторон, целовали крестик, друг друга и произносили определенную словесную формулу «на кумление». После этого, дав клятву «не браниться, не ругаться», девушки считали себя кумами, сестрами, да и саму березку часто называли «кумой». Кумовство на Семик восходит к обрядам родового общества, — оно скрепляло женский союз.

Завершался обряд «похоронами кукушки» «до новых берез», «до новой травы». В огороде или в лесу выбиралось укромное местечко, вырывалась ямка, устилалась самыми лучшими непременно новыми лоскутами: туда укладывалась «кукушка» и зарывалась с песней.

137. *Пойду, млада, тишком лужком,
Тишком лужком,
Тишком лужком, бережочком.
Нарву, млада, синь цветочек,
Синь цветочек василечек,
Совью, млада, я веночек.
Пойду, млада, я на речку,*
- Брошу веночек вдоль по речке,
Задумаю про милого.
Мой веночек тонет-тонет,
Мое сердце ноет-ноет,
Мой веночек потопает,
Меня милый покидает.*

138. *Кумушка-кума,
Давай покумимся с тобой!
Не ругаться и не драться,
До Троицына дни дожждаться.*

Свои венки девушки клали на воду, умывались, черпая воду из центра венка (чтобы быть красивыми), а потом гадали на венках — бросали их в воду: куда поплывет, в ту сторону и замуж идти. Венки плели не только девушки, но в ряде мест и пастухи, украшая рога коровам. Когда они пригоняли стадо в деревню, хозяйки доили коров через этот веночек, а потом хранили весь год, прибавляя к корму, если корова заболела. Пастухов хозяйки одаривали яйцами и пирогами.

В Троицу после посещения церкви все шли на кладбище помянуть родителей и родных. Шли с ветками березы, пирогами, квасом, поминали на могилах. Затем поминание усопших продолжалось уже за столом. А девушки и парни шли в лес, срубали березку. К вершине березки каждая девушка старалась прикрепить свою ленту одним концом, чтобы за другой конец держаться, как бы получая от березки живительную силу. На головах девушек были венки из березовых веток и первых цветов. Девушки несли березку из леса в деревню. Когда плавный ритм начала песни переходил в плясовую: «Гуляй, гуляй, голубок...» и т.д., — девушки, продолжая держаться за ленты, начинали кружиться вокруг березки. В конце песни каждая девушка снимала с головы веночек и надевала его на голову парня, который ей нравился.

С песнями девушки приносили березку в деревню, ставили в центре и вокруг нее водили хороводы. Березками украшали все дома, как снаружи, так и внутри, — это была побудительная и предохранительная магия, связанная с почитанием растительности.

Вторую половину Зеленых Святков, то есть восьмую неделю после Пасхи, начиная со вторника, называли в народе троицкой, русальной или гряной (вероятно, от слова «грянуть», «гремять», так как обычно это время первых гроз). Русальной эта неделя называлась потому, что, по народному поверью, в эту неделю из воды выходят русалки (души утонувших детей, девушек, женщин), и если их заманить или прогнать в поля, то они, водяные существа, обеспечат их влагой на все лето. Русалка изображалась в виде куклы, страшного чучела. С ней водили хороводы, а потом разрывали чучело на части и разбрасывали по полям. Так проходили проводы русалки. В некоторых местах русалок изображали ряженые (мужчины — женщиной и наоборот). На лица надевали холщовые маски -«рожи». Эти «русалки» выбегали неожиданно на гулянья, пугая окружающих, производя шум и переполох. Гуляющие их окружали и гнали в уже колосющееся поле.

Проводы русалок нередко соединялись с похоронами или проводами Костромы. Кто такая Кострома, давно забылось. Возможно это было какое-то языческое божество, имевшее влияние на урожай. Если учесть, что слово «кострица», «костра» — жесткая кора растений, годных для пряжи льна, конопли (как объясняет В.И. Даль

в «Толковом словаре живого великорусского языка»), то становится ясно, почему играют в эту игру женщины и девушки. Лен — это их забота. Кострома мыслилась как какое-то человекоподобное существо.

Большой сноп ржаной соломы одевали в юбку, кофту, платок, клали это чучело в корыто, украшали, как покойницу, цветами, водили вокруг хороводы, а в конце либо разрывали, как русалку, и бросали в поле, либо пускали по воде. Иногда Костромку изображал кто-либо из женщин. Она делала вид, что заболела, потом совсем как бы умерла, но когда ее собирались хоронить, вскакивала и бросалась ловить участников хоровода.

139. *Вью, вью колечко
На барашка,
Другое колечко
На матушку,
Третье колечко
Сама на себя,
Четвертое колечко
На своего старика.*

141. *Ой да ты березынька,
ой да ты веселынька.
Ой да ты кудрявынька,
Ой да ты зеленынька!
Завивайся, березынька,
Завивайся, белая.
Чтобы я во всем году
Была молодешенька,
Да целый год веселешенька.*

142. *Уж ты венчик, мой веночек!
Ай да веночек!
Венок — синенький цветочек,
Ай да цветочек!
Кому венчик подарити?
Ай да подарити!
На кого ж мне положить?
Ай да положить!
Положу ли я на головку,
Ай да на головку!*

140. *Девушки-голубушки,
Кумушки-подруженьки,
Свейте вы веночки
Из плакучей травки,
Из белой березки!
Мы веночки сложим
Вот так, вот так!
Мы веночки сложим
Вот так, вот так!
Прощай, прощай, кукушечка,
Прощай, прощай, рябушечка,
До новых до берез,
До красной до зари,
До новой до травы!*

*Что на красную на девицу,
Ай да на девицу!
Что не кум-то с кумою кумился,
Ай да кумился!
Молодец с девицей подружился,
Ай да подружился!
Где ни сойдемся — приобойдемся,
Ай да приобойдемся!
Поцелуемся, поцелуемся,
Разойдемся — распростимся.*

143. *Ну-ка, кумушка, мы покумимся.
Ай люли, люли, мы покумимся.
Мы покумимся, поцелуемся,
Ай люли, люли, поцелуемся.
Приходи, кума, киселя хлебать,
Ай люли, люли, киселя хлебать.*
144. *Сорву со травушки цветок,
И совью на головушку венок,
И брошу этот венок на воду:
Тонет не тонет мой венок,
И любит не любит милый дружок.*
145. *Во лесу, во лесочке
Росла травка-муравка.
Да пояса доросла,
Березку обвила.
Мы веночки плели,
Березоньку завивали,
Кукушечку выкликали:
«Кукушечка ряба,
Проведи нас до двора!»*
146. *Кумушка, голубушка,
Серая кукушечка!
Давай с тобой, девица,
Давай покумимся!
Ты мне кумушка,
Я тебе голубушка!
— Кумушка, голубушка,
Горюшко размыкаем!
Будешь мне помощница,
Рукам моим пособница!*
147. *Ты береза, ты моя береза,
Раскудрявая моя береза!
Не лес шумит —
Смородина вьется.
С кем я зимушку гуляла —
Летом не придется!
На тебе ли, белая береза,
Вырастали одни листья!
Не лес шумит —
Смородина вьется.
С кем я зимушку гуляла —
Летом не придется!*
- Растается лед с водою.
А мой миленький со мною!
Не лес шумит —
Смородина вьется,
С кем я зимушку гуляла —
Летом не придется!
Лед с водой опять сойдется,
Нам с тобою не придется!
Не лес шумит —
Смородина вьется,
С кем я зимушку гуляла —
Летом не придется!*
148. *Посеяли девки лен,
Посеяли девки лен.
Девки лен, девки лен.
То ли, се ли нынче что ли,
Говорим, что девки лен
Посеяли во долу,
Посеяли во долу,
Во долу, во долу.*
- То ли, се ли нынче что ли,
Говорим, что во долу.
На самую на гору,
На самую на гору,
На гору, на гору.
То ли, се ли нынче что ли,
Говорим, что на гору.
На этот на ленок,*

На этот на ленок,
 На ленок, на ленок,
 То ли, се ли нынче что ли,
 Говорим, что на ленок
 Повадилса паренек,
 Повадилса паренек,
 Паренек, паренек.
 То ли, се ли нынче что ли,
 Говорим, что паренек
 Со льну цветы сорывал,
 Со льну цветы сорывал,
 Сорывал, сорывал.
 То ли, се ли нынче что ли,
 Говорим, что сорывал.
 В Дунай-речку побросал,
 В Дунай-речку побросал,
 Побросал, побросал.
 То ли, се ли нынче что ли,
 Говорим, что побросал.
 Дунай-речка не примат,

Дунай-речка не примат,
 Не примат, не примат.
 То ли, се ли нынче что ли,
 Говорим, что не примат.
 Ко березке прибиват,
 Ко березке прибиват,
 Прибиват, прибиват.
 То ли, се ли нынче что ли,
 Говорим, что прибиват.
 Ко березке, ко ярку,
 Ко березке, ко ярку.
 Ко ярку, ко ярку.
 То ли, се ли нынче что ли,
 Говорим, что ко ярку.
 К желту мелкому песку,
 К желту мелкому песку,
 Вот песку, вот песку.
 То ли, се ли нынче что ли,
 Говорим, что вот песку.

149. Ты кукуй-кукуй,
 Ты кукушечка,
 Ой ляле-ляле,
 Ты кукушечка!
 Немножко тебе
 Куковать будет,
 Ой ляле-ляле,
 Куковать будет!
 С Христового дня
 До Петрового,
 Ой ляле-ляле,
 До Петрового!
 Ты гуляй-гуляй,
 Ты Ариночка,

Ой ляле-ляле,
 Ты Ариночка!
 Немного тебе
 Погулять будет,
 Ой ляле-ляле,
 Погулять будет!
 Только летечко
 Перелетовать,
 Ой ляле-ляле,
 Перелетовать!
 С весны красны
 Да до осени,
 Ой ляле-ляле,
 Да до осени!

В других случаях Кострому изображала женщина или девушка и тут уже разыгрывался целый спектакль. Выносили из избы скамейку, на нее ложилась женщина и, закрыв глаза и скрестив руки, изображала умершую Кострому. Остальные вели вокруг нее хоровод и задавали ей вопросы, на которые она отвечала, при этом разыгры-

вались все действия, упомянутые в песне. Кончив песню, играющие разбежались, а Кострома вскакивала и пыталась кого-либо поймать. Пойманная делалась Костромой. Часто Кострому к речке (если таковая была поблизости) несли как покойника, с «плачем», сквозь «смех и шутки» и бросали в воду. При имитации похорон в роли священника выступал парень, накинув на себя рогожу и размахивая лаптем вместо кадила.

И вот наступало время прощания с березкой, «раздевания» ее. На вершинке березки оставляли одну красную ленточку, потом шли толпой к реке, бросали березку в реку и жалобно причитали ей вслед: «Да отправляем мы тебя, березынька...»

150. *Да уж вы милые девушки мои,
Да вы подруженьки мои!
Да вы зачем меня да раздеваете?
Да чем же, чем же вам да разглянулася?
Да я кудрявая, да я нарядная была,
А теперь, березынька, да оголенная стою.
Все наряды мои да подаренные,
Все листочки мои, да вы свернулися!
Вы подруженьки мои, да отнесите вы меня,
Киньте-бросьте вы меня да в речку быструю,
И поплачьте надо мной, да над березынькой!*

151. *Во поле, во поле стояла береза,
Чувиль, мой чувиль, стояла береза!
Белая-лесная, листом широкая,
Чувиль, мой чувиль, листом широкая!
А на той березе галки гнездо вили,
Чувиль, мой чувиль, галки гнездо вили!
Галки гнездо вили, яиц наносили,
Чувиль, мой чувиль, яиц наносили,
Яиц наносили, деток выводили,
Чувиль, мой чувиль, деток выводили!
Улетели детки на синее море,
Чувиль, мой чувиль, на синее море!
На синем-то море девка платье мыла,
Чувиль, мой чувиль, девка платье мыла!
Девка платье мыла, звонко колотила,
Чувиль, мой чувиль, звонко колотила!*

*Звонко колотила, сухо выжимала,
Чувиль, мой чувиль, сухо выжимала!
Сухо выжимала, на берег кидала,
Чувиль, мой чувиль, на берег кидала!
На берег кидала, дружку поджидала,
Чувиль, мой чувиль, дружку поджидала!
Едет-едет дружка на вороном коне,
Чувиль, мой чувиль, на вороном коне!
На вороном коне в белом балахоне,
Чувиль, мой чувиль, в белом балахоне!
«Девница, девница, бела, круглолица,
Чувиль, мой чувиль, бела, круглолица!
Ты напой-ка коня средь синя моря,
Чувиль, мой чувиль, среди синя моря!
Чтобы конь напился и не обмочился,
Чувиль, мой чувиль, и не обмочился!»*

— *«Миленький дружок,
шей-ка мне башмачки,
Чувиль, мой чувиль,
шей-ка мне башмачки!
Сшей-ка мне башмачки
из желта песочка,*

*Чувиль, мой чувиль, из желта песочка!»
— «Деввица, деввица, бела, круглолица,
Чувиль, мой чувиль, бела, круглолица!
Напряди мне оратвы из дождевой капли,
Чувиль, мой чувиль, из дождевой капли!»*

Исследователь фольклора И.И. Земцовский обращает внимание еще на две группы своеобразных обрядов и связанных с ними песен, исполнявшихся в период Зеленых Святков. Это майские песни, стоящие на грани лирических и обрядовых, которые исполнялись женскими небольшими группами во время обхода полей, когда колосилась рожь.

Песни эти имеют припев: «Маю, маю, маю зелено!», где слово «маю» означает зелень, листву, и воспевают жито густое, колосистую рожь и пшеницу. Таковы же песни со словами «Зароди, Боже, жито густое, Жито густое колосистое, Колосистое-ядринистое!», при исполнении которых проходил «осмотр» жита в поле.

От Зимних до Зеленых Святков через все обрядовые песни проходил единый лейтмотив — заклинание на хороший урожай, благополучие в хозяйстве и семье.

152. *Выходила девушка
В сырой бор,
Выносила девушка
Жар в рукаве,
Зажигала девушка
Борть-сосну,
А на той сосенушке
Три угожья:*

*Первое угодие —
Яры пчелы,
Второе угодие —
Белый горноста́й.
А третье угодие —
Сизой орел.
Журят-бранят девушку
Яры пчелы,*

*Журит-бранит девушку
Сизой орел:
«Чтоб тебя, девушка,
Сваты не сватали,
Чтоб тебя, девушка,
Поп не венчал,
Чтоб тебя, девушка,
Муж не любил!»*

153. *В поле пашеница
Перестой стояла.
Маю, маю,
Маю зелено!**
*Перестой стояла,
Колосом махала.
Колосом махала,
Голосом гукала:*

*«Девки молодухи,
Выходите, жните!
Не могу стояти,
Колосом махати.
Буйное колосье
Суколёны ломит».
Манечка младая
Просилася замуж:*

*«Батюшка мой родный,
Отдай меня замуж!
Не могу ходити,
Русых кос носити.
Русые косоньки
Плечушки сломили».
Маю, маю,
Маю зелено!*

* Припев повторяется после каждых двух строк.

154. *Во поле было во поле,
Стояла береза.
Она ростом высока.
Листом широка.
Как под этой березой
Лежала Кострома.
Она убита не убита,
Тафтою покрыта.
Деввица-красавица
К ней подходила,
Тафту открывала,
В лице признавала:
«Спишь ли, милая Костромка,
Или чего чуешь?*
- Твои кони воронье
Во поле кочуют,
Дороженьку чувят»
Деввица-красавица
Водицу носила,
Дождика просила:
«Создай, Боже, дождя,
Дождичка частого,
Чтобы травоньку смочило,
Костроме косу остру притупило»
Как за речкой, за рекой
Кострома сено косит, —
Бросила косу
Среди покосу.*
155. *Костромушка, Кострома,
Лебедь белая моя,
Как у нашей Костромы
За спиною-то блины,
Блины масляные,
Все обпачканные!*
156. *Кострома-Костромушка!
На Костромушке блинки,
Блинки с творожком,
Кисель с молочком,
Ложки крашенные,
Ложки гнутая,
Нос трясется,
Сердце радуется!*
157. *Кострома моя Костромушка,
Моя белая лебедушка.
У моей ли Костромы
Много золота-казны.
У костромского купца
Была дочка хороша,
То Костромушка была!
Костромушка-Кострома,
Лебедушка-лебеда!
У Костромы-то родства —
Кострома полна была,
У Костромина отца
Было всемеро.
Кострома-то разгулялась,
Кострома-то расхвалилась.*
- Сам Костромин-то отец
Стал гостей собирать,
Гостей собирать,
Большой пир затевать;
Кострома пошла плясать,
А чужие-то пританцовывать.
Кострома-Кострома,
То Костромушка была!
Я к тебе, кума, незванная пришла;
Я ли тебя, Костромушка,
За рученьку возьму,
Вином с маком напою,
В хоровод тебя введу
Стала Кострома поворачиваться,
С вина-маку покачиваться;*

Вдоль по улице пошла,
 На подворьице зашла,
 На подворье костромское,
 На купецкое.
 Кострома ли Кострома,
 То Костромушка была!
 Костромушка расплясалась,
 Костромушка разыгралась,
 Вина с маком нализалась.
 Вдруг Костромка повалилась:
 Костромушка умерла.

158. Костромушка-Кострома,
 Чужедальня сторона!
 У Костромушки в дому
 Ели кашу на полу.
 Каша масляная,
 Ложка крашенная.
 Кашу брошу, ложку брошу,
 Душа по миру пойдет.
 Сам Костромин-то отец
 Стал гостей собирать,
 Гостию собирать,
 Большой пир затевать;
 Кострома пошла плясать,
 А чужие-то пританцовывать.
 Кострома-Кострома,
 То Костромушка была!
 Я к тебе, кума, незванная пришла:
 Я ли тебя, Костромушка,
 За рученьку возьму,
 Вином с маком напою,
 В хоровод тебя введу
 Стала Кострома поворачиваться,
 С вина-маку покачиваться;
 Вдоль по улице пошла,
 На подворьице зашла,
 На подворье костромское,
 На купецкое.

Костромушка-Кострома!
 К Костроме стали сходиться,
 Костромушку убирать
 И во гроб полагать.
 Как родные-то стали тужить,
 По Костромушке выплакивати:
 «Была Кострома весела,
 Была Кострома хороша!
 Кострома-Костромушка,
 Наша белая лебедушка!»

Кострома ли Кострома,
 То Костромушка была!
 Костромушка расплясалась,
 Костромушка разыгралась,
 Вина с маком нализалась.
 Вдруг Костромка повалилась:
 Костромушка умерла.
 Костромушка-Кострома!
 — Где Костромушка?
 — В лес ушла.
 Костромушка-Кострома,
 Чужедальня сторона!
 Зачем в лес забрела?
 В лесу частые пеньки,
 Смотри, ногу не сломи,
 Нас по миру не пусти!
 — Где Костромушка?
 — В бане.
 Костромушка-Кострома,
 Чужедальня сторона!
 Зачем в баню забрела?
 В бане редкий потолок,
 Расшибешь себе носок,
 Спину гвоздем расскребешь,
 На тот свет скоро пойдешь!
 — Где Костромушка?
 — Костромушка умерла.

*Умер, умер наш покойник
Ни в среду, ни во вторник,
Его стали кадить —
А он глазками глядит!
Стали Кузькой величать —*

*Он ногами стучать,
Костромушкой величать —
Стал он спинку расправлять,
А как стали отвечать —
Он за ними бежать!*

В начале XX века эти песни исполнялись уже преимущественно детьми.

Похороны Костромушки-Костромы, кукушки — все это было прощание с весной. «Костромушку провожали (пели во Владимирской губ.), девки весну провожали, Пройдет весна да Троица, Все забавы скроются!»

Иван Купала

Прошли Зеленые Святки, все ближе и ближе стало подходить солнце к зениту. Ещё несколько дней, и окончится его полугодовой путь. Все живое на земле воспряло под жаркими лучами солнца и потянулось к нему, расцветая, благоухая, созревая. Захватил этот буйный прилив сил и человека. Как бы стараясь удержать солнце в зените, — разжиганием костров, плясками, песнями старались наши предки выразить свои чувства восторга и благодарности тому, кого называли Купалой.

В Купальскую ночь весь народ выходил на луга вокруг водоемов и рек. Начиналось великое игрище с пением песен, плясками, купанием в реках и озерах. М.В.Ломоносов, сам лично наблюдавший эти картины, писал: «Купалу, богу плодов земных, соответствующему Цересе и Помоне, праздновали перед началом сенокоса и жатвы в двадцать четвертый день июня. Остатки его идолопоклонства столь твердо вскоренились, что и поныне во всей России ночные игры, особливо скакание около огня, в великому употреблению».

Это игрище было ритуальным, языческим, носившим ярко выраженный эротический характер, возмущавший церковников в высшей степени. Игумен Елизаровской пустыни Памфил (XVI век) писал псковскому наместнику: «Егда бо придет самый праздник, тогда во святую ночь мало не весь град возмется, в селах возбегутся, в бубны и сопели и гудением струнным, плесканием и плясанием [...] Ту есть мужем и отроком великое падение, мужска, женско и девичье шептание, блудное им воззрение, и женам мужатым осквернение и девам растление». Жестокое преследование этих игрищ привело к тому, что они среди русских почти не сохранились, как и ивановские песни, хотя на Украине и в Белоруссии они держались довольно долго, помнят их и сейчас люди старшего поколения.

Этот праздник совпадал с днем летнего солнцестояния, когда в средней полосе России была самая короткая ночь и самый длинный день, когда в природе буйствовала сила цветения, люди ликовали вместе с природой, ощущая в себе силы убраться закрома то, что так щедро породила для них земля, согретая солнцем. Купальские песни пронизаны радостью по поводу обильных всходов, роста и цветения, радостью любви.

И ничего нет удивительного, что с днем Ивана Купала связано множество легенд, страшных рассказов «очевидцев» о разгулявшейся нечистой силе, о том, что в эту ночь даже деревья переходят с места на место, а там, где зарыт клад в лесу, папоротник расцветает пышным огненным цветком. (Вспомните повесть Н.В.Гоголя «Ночь накануне Ивана Купала»).

Сбор лекарственных трав в день Ивана Купала.
Воспроизведение обряда

Но откуда взялось это странное название праздника «Иван Купала»?

Именно в этот день — 24 июня (7 июля) православная церковь стала отмечать день рождения Иоанна Крестителя. Можно предположить, что простой народ еще не до конца усвоил, кто такой Иоанн Креститель, но про купальские обряды знал от дедов и прадедов, и в его лексике, представлении словесно совместились несовместимое: Купала и Иоанн (Иван), и праздник получил название в народе Иван Купала. Возможно, тут сыграло роль и то, что с этого дня начинают купаться в реках и озерах.

Святая Аграфена, которая чествовалась церковью в этот день, в народе называлась Аграфеной-купальницей. Купание 23-го, а в особенности — 24 июня, во время купальского гулянья, было не просто развлечением или увеселением, а особым очистительным обрядом. Вода в реках и озерах считалась в эти дни целебной и должна была придать крестьянину новую силу для предстоящего сенокоса и уборки урожая.

Еще до восхода солнца выходили люди в этот день, накануне Ивана Купала в луга и леса собирать целебные и чародейные травы, чтобы запастись ими на весь

Гуляние в ночь на Ивана Купала.
Воспроизведение обряда

год для лечения и ворожбы. Девушки собирали цветы для венков, чтобы в них идти на гулянье ночью, а потом гадать. Собирали двенадцать разных трав, чтобы положить под подушку — считалось, что тогда приснится суженый. Для этого говорили: «Суженый-ряженный, приходи в мой сад гулять», «Помогало» исполнению желания, если перелезут через двенадцать изгородей. Вероятно, число двенадцать как-то связывалось с числом месяцев в году — чтобы каждый месяц был счастливым. В течение дня хозяйки старались набрать побольше полыни, крапивы, чертополоха и воткнуть их в рамы окон, при входе в хлев, в дом, в конюшню, так как считалось, что в ночь на Ивана Купала вся «нечисть» — ведьмы, колдуны — особенно активизировалась. С ночью на Ивана Купала связано много легенд и «таинственных» историй.

К вечеру затапливали бани, в особенности на Севере, и парились вениками, в которые были воткнуты цветы.

Когда садилось солнце, все шли на гулянье. Собирали костры, ставили березку или чучело Купалы или Ярилы, вокруг них усаживались трапезничать. Перед тем как поджечь костер, березку бросали в воду, чучело на длинном шесте устанавлива-

ли в костер и поджигали, девушки гадали, бросая в воду венки. Всю ночь прыгали через костер, купались в реках и озерах, плясали и пели песни.

В этих песнях рассказывается о том, как Иван звал Марью идти в поле стеречь жито, коров от ведьм; о пчелах, собирающих нектар с цветов; о купании; о любви, девичьем томлении. В основу некоторых песен-баллад легла легенда о цветке Иванда-Марья; о том, как брат и сестра, разлученные в детстве, не узнали друг друга, поженились и за этот кровосмесительный грех были наказаны — превращены в сиренево-желтый цветок — Иванда-Марья.

159. <i>Как на Ивана солнце играло, Ходил чижик по улице, Ходил чижик по улице. Собирал девок на Купало, Собирал девок на Купало,</i>	<i>Молодушек на гулянье. А девочек венки вить, Молодушек шапки шить. А у девочек своя воля, А у молодушек дитя малое.</i>

Песня пелась накануне Иванова — 24 июня (7 июля) и Петрова — 29 июня (12 июля) — дней. Девушки «закликали» ведьм, сидя на крышах бань, считавшихся убежищем нечистой силы.

160. <i>Нонче Купалы, Завтра Иваны. Купалы на Иваны!*</i> <i>Купался Иван Да в воду упал. Ох, брат сестру Двору кличет. Двору кличет, Загубить хочет. «Ой, братец мой Иванушка! Не губи меня</i>	<i>У буденный день, Загуби меня У воскресный день. Положи меня У ограды, Обсади меня Стрелицами, Обвешай меня Наметками, Обсей меня Василечками! Молодцы идут —</i>	<i>Стрелицы рвут. Старушки идут — Наметки берут. Девицы идут — Василечки рвут, Василечки рвут — Веночки вьют. Меня, младу, Поминать будут». Купалы на Иваны!</i>

* Припев повторяется после каждых двух строк.

161. <i>Сегодня Купала, завтра Иван. Будет, парни, лихо вам. Будет лихо лихое, Погоните кошек у поле. Кошки на елку скакали, Парни на кошек брехали: «Лезьте вы, кошки, с елки долой,</i>	<i>Погоним вас, кошки, с поля домой. Будут вас девки доить, Парням кашу варить». Парни кашу хлебали, Спасибо девкам сказали: «Спасибо, девки, за кашу, За сладкую за вашу».</i>

162. *Купала, Купала,
Ой, где ты бывала,
Ой, где ты бывала?
Купала бывала
У Ваньки на дворе,
В Домны в тереме.
Простая ты Домна,*   *Неси кулаги,
Неси кулаги!
А в твоей кулаге
Пчелушки брؤяли,
Медок пускали.
Если не подадут:
Скупая Домна,*   *Неси кулагу,
Неси кулагу!
А в твоей кулаге
Лягушки квоптали,
Квокчат пускали!*
163. *Зарождалися три ведьмы
На Петра да на Ивана:
Первая ведьма
Закон разлучает,
Другая ведьма
Коров закликает,
Третья ведьма
Залом ломает.
Первой ведьме,*   *Что закон разлучает,
Ей по уши в землю,
Ей прощенья нет!
Другой ведьме,
Что коров закликает,
Ту по плечи в землю,
Ей прощенья нет!
Третью ведьму,
Что залом ломает,*   *Ту по пояс в землю,
Ей прощенья нет!
Вы катитесь, ведьмы,
За мхи, за болоты,
За гнилые колоды,
Где люди не бают,
Собаки не лают,
Куры не поют, -
Вам там и место!*
164. *Полетите, полетите,
Все святые Петры-та и Павлы*.
Понесите, понесите
Все ключи златые.
Отпирайте, отпирайте
Все раи тай муки.
Пропускайте, пропускайте
Все души безгрешны!
Первую-то душеньку не пропускайте:
Первая-то душенька согрешила,
Чужую-то тельнючку подошла,
В яичную скорлупку молочко процедила.
Этой-то душеньке нет спасенья,
Никакого-то ей лихого умоленья!
Полетите, полетите,
Все святые Петры-та и Павлы.
Понесите, понесите
Все ключи златые.
Отпирайте, отпирайте
Все раи тай муки.
Пропускайте, пропускайте
Все души безгрешны!
Третью-то душеньку не пропускайте:
Третья-то душенька согрешила,
В утробе дитятку прокланула.
Этой-то душеньке нет спасенья,
Никакого-то ей лихого умоленья!*
- * «Петры-то и Павлы» — день Петра и Павла, 29 июня (12 июля).
- ** «Из хлеба стричку вынимала». Считалось, что ведьмы (колдуньи) на Иванов день ходили в поле и выстригали по диагонали поля полоску колосков, чтобы зерно не наливалось, не вызревало.

165. Девки, бабы — На Купальню! Ладу-ладу, На Купальню! Ой, кто не выйдет На Купальню, Ладу-ладу,	На Купальню! Ой, тот будет Пень-колода, Ладу-ладу, На Купальню! А кто пойдет На Купальню,	Ладу-ладу, На Купальню! А тот будет Бел береза! Ладу-ладу, Бел береза!
166. Пойдем, девки, Пойдем девки, Кругом жита, Кругом жита. В нашем жите, В нашем жите Ведьма сидит, Ведьма сидит.	«Иди ведьма, Иди ведьма, С нашего жита, С нашего жита. Наше жито Наше жито Свяченное, Свяченное!»	Иди, ведьма, Иди, ведьма, У Сеньково, У Сеньково, — Тама жито, Тама жито, Не свячено, Не свячено».

С этой песней шли «гнать ведьм с жита»: жгли старые колеса около поля.

167. Купаленка, Купаленка, Ночь маленька, Ночь маленька! Темная ночь, Темная ночь, Где твоя дочка, Где твоя дочка? — Гряды полет, Гряды полет, Руки колет,	Руки колет. Руки колет, Руки колет. Цветочки рвет, Цветочки рвет. Цветочки рвет, Цветочки рвет, Веночки вьет, Веночки вьет, Свойму дружку, Свойму дружку,	На головушку Свойму дружку. «Носи, мой друг, Носи, мой друг, Не складывай, Не складывай, Люби меня, Люби меня, Не покидывай, Люби меня».

После Ивановской ночи солнце начинало свой ход к зиме, а для крестьянина начинался покос, потом жатва-страда. Но последний отдых и гулянье перед страдой было 29 июня (12 июля), когда церковь праздновала день святых Петра и Павла. Основным обрядом в этот день было — «подкараулить солнце», так как по народному поверью, солнце, всходя в этот день, «играло». Молодежь и пожилые крестьяне брали с собой еду и уходили куда-либо на горку, где всю ночь пели, жгли костры, ждали восхода солнца.

Костер в ночь на Ивана Купала.
Воспроизведение обряда

168. *Марья Ивана,
Марья Ивана,
В жито звала
Марья Ивана:
«И пойдём-ка, Иван,
Пойдём-ка, Иван,
В наше жито!
Пойдём-ка, Иван!*

*В нашем жите
В нашем жите
Сам Бог ходит
В нашем жите.
Сам Бог ходит,
Сам Бог ходит,
Жито родит
Сам Бог ходит.*

*Жито родит
Жито родит
Ядро с ведро
Жито родит.
Ядро с ведро,
Ядро с ведро,
Колос с бревно,
Ядро с ведро».*

169. *Ходил чижик по улице,
Сбирал девок на Купальню:
«Ну, девки, на Купальню,
Ну-те да вы, девки, на Купальню!
Вам, девки, своя волюшка!
Ажно женочкам воли нету,
Нету воли а николи.
Нету воли а николи:*

*Горшочек кипит на загнети,
Дитя плачет в колыбели,
Свекор лежит на постели,
А свекровка против печи,
А девери коло столу,
А золовки коло полу.
Покуль млада пробралася,
И Купаленка миновалася».*

170. *Кладу голубя на ручку** —
Он не трёкнется,
На другую переложу** —
Не шелохнется.

* При этом девушка кладет руку на руку своего парня.

** При этих словах руки меняются.

*** Парень и девушка должны обменяться поцелуями.

- Скажу: «Голубь сизый мой,*
Полетай услед за мной,
За голубушкой сизой!»
Сизый голубь ворковал,
Голубушку целовал,
Голубушка ворковала,
Голубочка целовала***.
Цалуй в уста,
Чтобы рожь густа.
Цалуй крепко,
Пшеница редко.
Цалуй раз, цалуй два,
Цаловок клади в карман,
Из кармана в рукавичку.
Цаловались они
В новой горнице одни,
Посередь лужка —
Против солнушка.

172. *Еще что кому до нас,*
Когда праздничек у нас!
Завтра праздничек у нас —
Иванов день!
Уж как все люди капустку
Заламывали,
Уж как я ли, молода,
В огороде не была.
Уж как я за кочан,
А кочан закричал,
Уж как я кочан ломить,
А кочан в борозду валить:
«Хоть бороздушка узенька —
Уляжемся!
Хоть и ночушка маленька —
Понабаемся!»

171. *По бору, по бору,*
По вересу, по вересу
Ходит коник, ходит коник
Вороненький, вороненький.
На том коне, На том коне
Седло лежит, Седло лежит,
На том седле, На том седле,
Иван сидит, Иван сидит,
За ним Марья, за ним Марья
Вдогон бежит, вдогон бежит:
«Постой, Иван, постой, Иван!
Скажу нечто, скажу нечто!
Скажу нечто, скажу нечто:
Тебя люблю, тебя люблю,
Тебя люблю, тебя люблю,
С тобой пойду, с тобой пойду!
Загадаю, загадаю
Три загадки, три загадки:
А что растет, а что растет
Без кореня, без кореня?
А что горит, а что горит
Без польмя, без польмя?
А что бежит, а что бежит
Без повода, без повода?
— «Сейчас, Марья, сейчас, Марья,
Разгадаю, разгадаю!
Разгадаю, разгадаю
Три загадки, три загадки:
Камень растет, камень растет
Без кореня, без кореня.
Сажга горит, сажга горит
Без польмя, без польмя.
Вода бежит, вода бежит
Без повода, без повода.»

173. *Выйди, выйди, молодица,
Выйди, выйди, молодая.
Ты вынеси сыра с маслом,
Ты вынеси сыра с маслом.
Сыра с маслом на тарелке.
А горелки у бутылке,
А горелки у бутылке.
А мы дадим Купаленке,*

*А мы дадим Купаленке.
Купаленка зелена,
Купаленка зеленая.
А цветочки розовые,
А цветочки голубые.
Да мы сами молодые,
Да мы сами молодые.*

174. *Иван, Иван и Марья*

*Иван едет, як жар горит.
А Марья едет, як мак цветет.
Под Иваном конь сивенький,
А под Марьей золотенький.
Иван едет — Петра везет*.*

*Иван едет — Петра везет.
День Петра и Павла праздновался 29 июня (12 июля) после Иванова дня — 24 июня (7 июля).

175. *Петровская ночь,
Ночка невеличка,
А рельё, ладо,
Невеличка!
А я, молодая,
Не выспалася,
А рельё, ладо,
Не выспалася!
Не выспалася,
Не нагулялася,
А рельё, ладо,
Не нагулялася!*

*Я с милым дружкойм
Не настоялася,
А рельё, ладо,
Не настоялася!
Не настоялася,
Не наговорилаь,
А рельё, ладо,
Не наговорилаь!
Я пришла до дому,
С печали свалилаь,
А рельё, ладо,
С печали свалилаь!*

*А пока, молода,
В сени войду,
А рельё, ладо,
В сени войду!
В сени войду,
Постель постелю,
А рельё, ладо,
Постель постелю!
А ложуся спать,
Слезой обольюьь,
А рельё, ладо,
Слезой обольюьь!*

Песня исполнялась в течение Петровского поста и в Петров день у качелей — (релей).

Жатва

Наконец-то пришло время собирать плоды своих трудов! «Что в августе соберешь, с тем и зиму проведешь». «Первый сноп — первый осенний праздник». Завершающим циклом обрядов аграрного календаря были обряды, связанные с уборкой урожая. Они не были приурочены к определенной дате, а зависели от созревания злаков.

Первый сноп зажинала старшая в семье. Этот сноп назывался «Именинником». Его украшали цветами, торжественно несли домой, ставили под иконы в угол на лавку, а потом, по окончании жатвы, скармливали курам или оставляли до следующего сева, чтобы эти зерна подсыпать в сево.

Жатву важно было окончить как можно быстрее, чтобы зерно не осыпалось, не перестояло, а в копнах хорошо просохло. Поэтому дожинали миром, все сходились на одно поле, на помочи, устраивали толоки. По дороге на ниву, на обратном пути домой, в полдень во время отдыха женщины пели песни, непосредственно связанные с жатвой. В жнивных песнях большое место занимают песни, восхваляющие щедрых хозяев. И не случайно хозяева за лестные слова и величания ставили еще больше угощения.

Цель жатвенных обрядов и связанных с ними песен — отблагодарить «матушку землю», кормилицу за долгожданный урожай, с помощью магических действий вернуть земле плодородность и тем самым обеспечить будущий урожай, вернуть жницам затраченные во время жатвы силы. Жали, как правило, женщины, поэтому и песни пелись от лица женщин. Старинные жатвенные песни пелись в поле в одиночку, соло. Эти песни несли в себе аграрно-магическую функцию и помогали жнеям в их тяжелом труде, организуя его ритмически, но по дороге в поле или домой песни пели хором. Многие из этих песен описывают весь тяжелый процесс работы, когда жали не только днем, но иногда и ночью, выходя в поле всей семьей. Были песни, которые подбадривали жней насмешками над отстающими нерадивыми хозяевами или над хозяином, скупившимся на угощение для жней-работниц.

176. *И говорило
Аржаное жито,
В чистом поле стоя,
В чистом поле стоя:
«Не хочу я,
Аржаное жито,
Да в поле стояти,*
- Да в поле стояти.
Не хочу я,
Аржаное жито,
Да в поле стояти —
Колосом махати,
А хочу я,
Аржаное жито,*
- Во пучок завязаться,
В засенку ложиться.
А чтоб меня,
Аржаное жито,
Во пучок взвязали,
З меня рожь выбрали».*

Жница во время отдыха
гадает на овсяных
колосьях.
Ленинградская область
(Колл. МАЭ РАН,
И-1233-248)

Характерным для мелодики жатвенных песен был медленный темп исполнения, иногда в конце звуковой строки звучал высокий взглас «Гу», как и в весенних песнях.

177. *Пора же, мати, жито жати, — у!
Ох и колосок налился, — у!
Колосок налился! — у!
Пора же, мати, дочку дати, — у!
Ох и голосок сменился, — у!*

178. *Ой, зелена-зелена
В поле трава.
Чего же она зелена?
Что коса не была.
А молода-молода
У Андрея жена.
Чего же она молода?
Что во поле не была.
Что во поле не была,*
- Она жита не жала.
Сказывает молода
Своему мужу жена:
«Запрягай, Андрюша,
На нивку скорей,
Поедем с тобою
Мы прогуляемся,
С молодыми жнями
Мы повидаемся».*
- Уж вы жнеи, вы жнеи,
Мои молодые!
Жнеи молодые,
Серпы золотые!
Уж вы жните, жните,
Жните, не ленитесь,
А обжавши нивку,
Пейте, веселитесь!*
179. *Петрочкова жёнка
На свою нивку
Раненько выходила,
Дочек-лебедок,
Невесток-перепелок
С собою выводила:
«Пожинайте, невестки,
Пожинайте, дочки!
Дочки-лебедки,
Невестки-перепелки!
Попутру раненько,
Вечером поздненько, —
Чтобы было с чего жити
Добренько, ладненько».*
180. *А и густо-густо на березе листьё,
Ой ли, ой люли, на березе листьё.
Гуще нету того во ржи, пашеницы,
Ой ли, ой люли, во ржи, пашеницы.
Господа бояре, мужики крестьяне!
Ой ли, ой люли, мужики крестьяне!
Не могу стояти, колоса держати,
Ой ли, ой люли, колоса держати,
Буен колос клонит,
Ой ли, ой люли, буен колос клонит.*

Украшение снопа-«именинника».
Воспроизведение обряда

181. Сей год — борода, на ново бы друга.
 Если старик стопчет, то помрет,
 Старуха стопчет — тоже помрет,
 А молодец стопчет — в солдаты пойдет,
 А девица стопчет — замуж пойдет.

182. Егорий, приходи,
 Коня приводи,
 И наших коней корми,
 И овечку корми,
 И коровку корми!

Песня на завивание «бороды» Егорию осеннему в дожинки.

183. Ходил козел по меже, Ходил козел по меже, Дивовался бороде: «А чья й-то борода, А чья й-то борода Черным шелком повита?	Черным шелком повита, Черным шелком повита, Сытой-медой полита?» Иванова борода, Иванова борода Черным шелком увита,	Черным шелком увита, Черным шелком увита, Сытой-медой полита. Марусенька, не лежи, Марусенька, не лежи, Ему бород облизжи!
---	---	---

184. Нивка, нивка, Я тебя жала, Жала, не лежала, Снопы повязала, Копны подсчитала. Нивка, нивка, Дай мою силку На другую нивку. Выйди, выйди, Темная туча, Со великого леса. А не вышла темная туча С великого леса, Да не вышла,	А выслала дробные дожди. Поливайте, дробные дожди И буйные ветры, С великого двору. Выйди, выйди, наша господыня, С высокого бору. Ой, не вышла наша господыня С высокого бору. Да выслала сына-соколку, Дочку-перепелку. Пожинайте, сынки-соколики, Дочки-перепелки, Пожинайте вы, молоденьки, Серпы золотеньки.
--	--

185. Дожали, дожили,
 Оспожинки встретили,
 Каравая почали,
 Толокна провели,
 Гостей угостили,
 Богу помолили!
 Хлебушко, расти!
 Времечко, лети, лети!
 До новой весны,
 До нового лета,
 До нового хлеба!

186. Яровая спорыня!
 Иди с нивушки домой,
 Со поставушки домой,
 К нам во Коцено село,
 Во Петровково гумно.
 А с гумна спорыня
 Во амбар перешла.
 Она гнездышко свила,
 Малых деток вывела,
 Пшеной выкормила,
 Сытой выпоила.

187. <i>А у нас седни обжиночки, А у нас седни обжиночки, — Дайте нам горелочки. А нам горькой не хочется, Ой, нам горькой не хочется, —</i>	<i>Дайте нам солоденькой. А горькая в горле першить, Э, горькая в горле першить, Солодка сама летить.</i>
188. <i>А кто ж-то у нас Кудреват, кудреват? — Степанушка Борисович Кудреват, кудреват. Он кудрями, кудрями Потрясет, потрясет, Жницам горелочки Поднесет, поднесет.</i>	189. <i>Ах и дай, Боже, Ах и дай, Боже, Два Илюшки в году, А Петрушки хоть и ни одного! Илюшка и накормил, И накормил и напоил. А Петрушка было С голоду уморил!</i>

Хозяйственный достаток перед Ильиным днем противопоставляется голодным Петровкам. «Два Илюшки в году, А Петрушки хоть и ни одного!» Ильин день, 20 июля (2 августа) — начало жатвы; Петров день, 29 июня (12 июля), когда старые запасы хлеба уже кончались, а новых еще нет.

190. <i>Слава тебе, Боже, Слава тебе, Боже, Что в поле пригоже! У поле копами, У поле копами, На гумне стогами!</i>	<i>На гумне стогами, На гумне стогами, В клетки закромами! В клетки закромами, В клетки закромами, В печи пирогами!</i>	<i>Ти рад наш хозяйн, Ти рад наш хозяйн, Что в поле пожали? У поле пожали, У поле пожали, У копы поктали.</i>
191. <i>Мое жито реденько, Мое жито реденько. Болит моя серединка. Болят мои ручки, ножки, Болят мои ручки, ножки, Болит моя головонька. Моя мамка догадлива,</i>	<i>Моя мамка догадлива, У субботу ранюсенько, У субботу ранюсенько, У субботу ранюсенько Она вытопила баенку, Да вытопила баенку, Да вытопила баенку,</i>	<i>Наломала березничку, Наломала березничку, Упарила серединку. Упарила серединку, Упарила серединку, Да помыла головоньку.</i>

Когда заканчивали жать рожь, старшая из жней начинала «обнимать козу», — она оставляла ряд колосьев по кругу в полметра диаметром. Кругом и внутри чисто выпалывали траву, а колосья связывали вверху. Получался шалашик — «коза». В середину клали ломтик хлеба с солью. Потом все молились — благодарили Бога за то,

что благополучно завершили работу. Тут старшая садится на землю и начинается гаданье. Она собирает все серпы, берет за рукоятки в обе руки и кидает через голову. Женщины, которые отдали серпы, задумывают желание, следят, как упал серп. Чей серп воткнулся в землю по направлению к погосту — предвещает смерть, если далеко от «козы» — долгую жизнь.

192. *Жали мы, жали,
Жали-пожинали, —
Жнеи молодые,
Серпы золотые,
Нива долговая*,
Постать широкая;
По месяцу жали**,
Серпы поломали,
В краю не бывали***,
В краю не бывали.
Людей не видали.*

* *Нива долговая* — поле, обрабатываемое в порядке взаимопомощи.

** *По месяцу* — до восхода солнца, при луне.

*** *В краю не бывали* — не дожали до конца поля.

193. *Жала молоденька
Кло лесу близенько,
Кло лесу близенько,
Кло земли низенько,
Кло земли низенько,
А чьи это жнеи,
Чьи это жнеи,
Как лебеди белы,
Как лебеди белы*

*Домой полетели?
Хозяин спулся,
Под печку сховался,
Корытом накрылся,
Ступом накатился.
А хозяйюшка смела,
Она на лавушку села,
Жнеюшек встречала,
За столишек сажала,*

*За столишек сажала,
Пивом угощала:
«Пейте, мои жнеи,
Пейте, дорогие».
Пирогы подносила,
Пирогы подносила,
Жнеек угощала.*

194. *Э, мы все лето жали,
Краю не видали.
Ай, слава Богу!
На сегодняшний денек
Мы увидели краек,
Ай, диво, диво!
До краю дожнемся,
Горелки напьемся.
Ай, диво, диво!
Наш хозяин-господин
К нам на нивку приходил.
Ай, диво, диво!*

*Кругом нивку обходил
Да Богу молился,
Чтоб овес родился.
Ай, слава Богу!
К нам на нивку приходил,
Нам бутылку приносил.
Ай, диво, диво!
А хозяйка хороша —
Зарезала килоша.
Ай, диво, диво!
А хозяйка-тетеря,
Ты готовь вечерю.*

*Ай, диво, диво!
Когда готовенька,
Сиди веселенька.
Сиди веселенька,
Ай, диво, диво!
Если не готова,
Не сиди ты дома.
Ай, диво, диво!
Сиди в бане под полком
И накройся подолком.
Ай, диво, диво!*

195. *Да я жала, не лежала,
Да я жала, не лежала,
До вечера сноп нажала.
Я думала, зажалася,
Я думала, зажалася,
Одна в степи осталася.
Я думала, пирог дадут,
Я думала, пирог дадут,
Аж на мене с козой ведут*.*

* *Аж на мене с козой ведут.* Имеется в виду обряд дожинок — завивание бороды. *Коза* — последний клок несжатых колосьев.

Дожиночная «дразнилка» между жнеями соседних полей.

196. *У Васильки жнеи,
Как лебедки белы.
Домой прилетели,
За стол посели.
Поросенка съели.
А у Романки жнеи,
Как черные змеи.
Домой прилетели,
На крыльцо посели,
Вороненка съели.*

Крестьянка с дожинальной бабой.
Деревня Шокозеро Винницкого района Ленинградской области (Колл. РЭМ, 5607-130)

197. *А я, молоденька, рожь топчу,
Рожь топчу, рожь топчу,
Травку-муравку вытопчу,
Вытопчу, вытопчу,
Зеленое жито вырастет,
Вырастет, вырастет,
А я, молоденька, буду жать,
Буду жать, буду жать,
И да у снопочки вязать,
Да вязать, да вязать.
И в сарай буду возить,*

*Да возить, да возить.
И на раю буду садить,
Да садить, да садить.
И цепами буду молотить,
У печи буду сушить,
Да сушить, да сушить.
В квашне буду творить,
Да творить, да творить.
И рабочих всех кормить,
Всех кормить, всех кормить.*

После жатвы существовал еще обычай «женить серп», благодарить его за то, что он не резал рук. Для этого серп, начиная с рукоятки, обматывали пучком ржи или пшеницы так, чтобы колосья свешивались с острия серпа. Потом этим серпом несколько раз кололи землю.

198. <i>Жали-пожали, — Три пряди нажали: Первая прядь — на еду, Вторая прядь — на семена, Третья прядь — про запас.</i>	199. <i>Ниву сожали, Страду пострадали, Гибкими сапинами, Вострыми серпами.</i>	200. <i>Хвала тебе, Боже, Хвала тебе, Боже, Что жито дожали, И в копы склали, И в копы склали.</i>

Жнеи пели, выстроившись в ряд и повернувшись лицом к «лету», т.е. к солнцу. Егорий обжался — т.е. сжали яровое, которое засевают на Егория 23 апреля (6 мая).

201. <i>Слава Богу До нового году. Слава Богу До нового году! Егорий обжался, Яковлевич обстрадался!</i>	201. <i>Ниву пожали, Страду пострадали! Слава Богу До нового году, Слава Богу До нового году!</i>	
202. <i>Выходила туча, Выходила туча С-под темного леса. Не бей, не бей, Боже, Не бей, не бей, Боже,</i>	202. <i>Ни ржи, ни пшеницы. Ни ржи, ни пшеницы. Ни ржи, ни пшеницы. Ни всякого хлеба! Убей, убей, Боже,</i>	202. <i>Убей, убей, Боже, Мойго лютого свекра! Свекьяра горозою, Свекьяра горозою, Свекровь целолю!</i>

Эта песня пелась хозяину поля по окончании жатвы.

Но перед тем как уйти с поля, женщины-жнеи валялись, катались по земле, стараясь плотнее прижаться к ней, говоря:

*Жнивка-жнивка, отдай мою силку:
на пест, на колотило, на молотило,
на кривое веретено!*

или

*Не боли, моя спинушка,
заживи на яровую жнивушку!..
Матушка ржаная жнивушка,
отдай мою силушку
на яровую жнивушку.*

После жатвы жница катается на последней полосе, приговаривая: «Жнива, жнива, отдай мою силу». Касимовский уезд Рязанской губернии (Колл. РЭМ, 3185-9)

Последний дожиночный сноп на своем поле каждая жнея жала молча (поэтому этот сноп иногда называли молчальным), оставляя несжатым пучок колосьев — пожиланную бороду какому-либо из святых: Илье, Николе, Егорию. Это было центральное обрядовое действие. Стебли свивали жгутом, а колосья втапывали в землю, и тут же клали кусок хлеба с солью. Этим как бы возвращалась земле сила, породившая урожай. При этом говорила хозяйка одна или все жнеи хором: «Вот тебе, Илья, борода, расти овес на прок, корми доброго коня». «Вот тебе, Никола, борода! Уроди нам и на будущий год хлеба!» Объясняя эти действия, В.И.Пропп писал: «Если предположить, что в “бородке” будто бы сохранена плодородящая сила зерна, то истинный смысл обряда становится ясным. Завивание в венки эту силу сохраняет, а пригибание к земле или закапывание имеет цель возвращение земле тех сил, которые из земли ушли в зерно».

Затем жнеи забирали молчальный, или дожиночный, сноп и молча несли его домой. Его почтительно называли «хозяином», воздавали почести, считая обладателем магической целительной силы. Зерно из этого снопа обязательно подсыпали в сетевую при начале следующего сева, солому скармливали приболевшему животному.

<i>Что в твоём доме несчастье?</i>	<i>Мужик с печи свалился, Он в корыто увалился!</i>	<i>Охи люлюшки-люли Я б погуще замесила.</i>
<i>Что в твоём доме несчастье —</i>	<i>Охи люлюшки-люли, Он в корыто увалился.</i>	<i>Я б погуще замесила Своего мужа</i>
<i>Мужик с печи свалился! Охи люлюшки-люли, Мужик с печи свалился.</i>	<i>— Когда б знала я несчастье, Я б погуще замесила!</i>	<i>накормила! Охи люлюшки-люли, Своего мужа накормила.</i>

206. *Ты хозяин наш, ты хозяин,
Всему дому господин!
Наварил, сударь хозяин,
Пива пъя-пьяного про нас!
Наварил, сударь хозяин
Пива пьяного про нас,
Накурил, сударь хозяин,
Зеленого, братцы, вина!
Накурил, сударь хозяин,
Зеленого, братцы, вина!
Нам не дорого, хозяин,
Твое пиво и вино,
Нам не дорого хозяин,*

*Твое пиво и вино!
Дорога, сударь да хозяин,
Пир-беседа со гостьми!
Дорога, сударь хозяин
Пир-беседа со гостьми!
Во беседушке, хозяин,
Люди добрые сидят,
Во беседушке, хозяин,
Люди добрые сидят.
Басни бают, рассуждают,
Речь хорошу говорят.
Басни бают, рассуждают,
Речь хорошу говорят!*

207. *Ай, спасибо хозяину
За мягкие пирожки!
Ой лели, ой что лели,
За мягкие пирожки!
Ай спасибо тому,
Кто хозяин в доме!
Ой лели, ой что лели,
Ой что лелюшки мои!*

Время летит незаметно в спешке полевых работ. Все нужно успеть сделать и вовремя, и до дождей. Наконец настал Семенов день — 1 (14) сентября, с 1-го (14) по 14 (23) сентября наступало «бабье лето». Женщины в прямом смысле слова могли разогнуть уставшие спины, пойти в лес за грибами, отдохнуть. С Семенова дня начинались «засидки», работа в избах при огне. В старину в этот день гасили старый огонь, который поддерживался в загнетке (углубление в печи справа от заслонки), и выжигался двумя сухими палочками новый огонь, который потом поддерживался весь год.

Считалось, что если первый день «бабьего лета» будет теплый и ясный, то и вся осень будет такая.

Семенов день в древней Руси имел и юридическое значение. Это был срок уплаты государственных податей, явки к суду и др. В первые дни сентября девушки хоронили мух и тараканов. Для этого вырезали из репы или брюквы маленькие гробики, в них помещали пойманных мух и тараканов, зарывали их, изображая горе, с плачем и причитаниями хоронили. Блох просто зарывали в землю. Когда все выходили с «гробиками», хозяйка говорила, гоняя мух: «Муха по мухе летите мух хоронить». В деревне счет времени велся от праздника к празднику. Вот и Воздвиженье*

* Воздвиженье — православный праздник в честь обретения Креста Господня, т.е. креста, на котором Христос был распят.

подошло — 14 (27) сентября, и с ним опять свои причеты и обычаи. «На Воздвижение птицы в отлет двинулись», «Воздвижение — последняя копна с поля на гумно двинулась», «На Воздвижение медведь в берлогу залегаёт», «В Воздвижение начинают рубить капусту, с этого дня две недели шли капустенские вечера, капустники — вечеринки с песней-игрой «Вейся ты, вейся капуста»...

1 (14) октября церковь чествовала Покров пресвятой Богородицы. «На Покров до обеда осень, а с обеда зима».

Девушки, мечтавшие выйти замуж, говорили про себя: «Матушка Покров, покрой землю снежком, а мою голову платком». Замужняя женщина не должна была ходить с непокрытой головой. С Покрова крестьяне начинали конопатить избы. «Захвати тепла до Покрова». На Покров закармливали скотину дожиночным (последним) снопом, и с этого дня ее держали в хлеву дома.

Покров — начало посиделок, новых знакомств. Девушки, веря в чудотворную силу праздника, чтобы встретить хорошего парня и выйти замуж, чуть свет бежали в церковь, чтобы поставить свечку Празднику. Кто раньше поставит, того и желание раньше исполнится.

В декабре русская зима полностью вступает в свои права. Егорий с гвоздем, Никола с мостом, говорили наши деды, т.к. Егорий, Юрий зимний чествовался 26 ноября (9 декабря). Именно к этой дате относится поговорка: «Вот тебе, бабушка и Юрьев день». Дело в том, что до XVI века 26 ноября (9 декабря) безземельные крестьяне могли переходить от одного боярина к другому, от одного помещика к другому. Но Борис Годунов отменил это право, что позднее было утверждено указом Василия Шуйского 9 марта 1607 года. Вот и получилось: «Дождись Юрьева дня, когда рак свистнет». Однако, по старой памяти и в XIX веке сохранился обычай производить в этот день хозяйственные расчеты, заключать сделки, нанимать крестьян на работу.

6 (19) декабря — Николин день, день святого Николая чудотворца. В народе он считался покровителем земледелия, земных вод, помощником крестьянина в бедах и несчастьях, первым заступником перед Богом.

Во многих селениях в Николин день начиналась «Никольщина», — варили из молодого зерна пиво и брагу и старшие в роду праздновали 2—3 дня, приглашая ближайших родственников и соседей. «В Николин день во всяком доме пиво», «Никольщина красна пивом и пирогами», «Знать мужика, что никольщину справлял, коль на голове шапка не держится».

К этому дню приурочивалась распродажа лишнего хлеба и установка цены, в зависимости от урожая. «Никольский торг всему указ».

А молодежь, собираясь на посиделки, начинала готовиться к Святкам: делали костюмы и маски для ряженных, звезду для колядовщиков...

Святки-то совсем близко!

Семейно-бытовые праздники и обряды

В первой части книги рассказано об обрядах и обрядовой поэзии, напрямую связанных с годовым циклом хозяйственной жизни русского крестьянина. Вторая часть посвящена семейно-бытовым обрядам и связанной с ними поэзией

Крестины

Едва ребенок родился, вокруг него уже создается особая атмосфера. Окружающие внимательно следят за приметами, связанными с его рождением, вспоминают соответствующие поверья. В это время бабка-повитуха, которая принимала у роженицы ребенка, совершала над ним ряд магических действий, произносила заклинания, которые должны были обеспечить ему здоровье, долгую и благополучную жизнь, уберечь его от «сглаза» и «напастей». Одно из таких заклинаний повитуха произносила, обходя с ребенком на руках баню, в которой, как правило, и происходили роды.

208. <i>Бабка Соломонида</i>	<i>Отца, мать почитал,</i>
<i>На престоле стояла,</i>	<i>И всех старших,</i>
<i>Христа повивала</i>	<i>И меня, бабушку.</i>
<i>И нам, рабам, приказала</i>	<i>Чтоб его князи-бояре любили,</i>
<i>Роженице помогать,</i>	<i>В высокий терем водили,</i>
<i>Младенца повивать.</i>	<i>За дубовый стол садили,</i>
<i>Чтоб мой внучечек</i>	<i>Чаем, кофеем поили,</i>
<i>Велик рос, здоров был,</i>	<i>Золотым перстнем дарили,</i>
<i>До церкви божьей ходил,</i>	<i>Красной девицей.</i>
<i>Божье писание читал,</i>	

Во многих местах при рождении ребенка пекли ржаные хлебы с оттиском ступни и ручки новорожденного и рассылали родственникам, живущим в других деревнях.

209. <i>Через двор живем.</i>	<i>Да ручей течет —</i>	<i>Серый селезень,</i>
<i>Через двор живем.</i>	<i>Река быстрая.</i>	<i>Серый селезень —</i>
<i>Да не знаемся.</i>	<i>Что й по той реке,</i>	<i>Это Витечка,</i>
<i>Да й не знаемся.</i>	<i>Что й по той реке</i>	<i>Сера утица,</i>
<i>Да й не знаемся,</i>	<i>Селезень плывет,</i>	<i>Сера утица —</i>
<i>Не пытаемся.</i>	<i>Селезень плывет,</i>	<i>Это Любочка.</i>
<i>Промеж нас, кума,</i>	<i>Сера утица.</i>	<i>Утеняточки,</i>
<i>Промеж нас, кума,</i>	<i>Сера утица,</i>	<i>Утеняточки —</i>
<i>Да ручей течет.</i>	<i>Сера утица</i>	<i>Ее деточки.</i>
<i>Да ручей течет,</i>	<i>С утенятками.</i>	

Крещение ребенка совершалось в церкви или дома, а происходил этот обряд в день рождения ребенка, на третий день, на сороковой день или позднее. Родители ребенка при обряде крещения не присутствовали. Их заменяли крестная мать и крестный

отец. К этому дню крестная мать своему будущему крестнику дарила первую рубашечку (крестильную), а крестный отец, как правило, покупал нательный крестик.

После обряда крещения устраивали крестинный обед или «каши». На крестины приглашали родственников и всех жителей деревни. Главным лицом крестинного обеда была крестная мать (кума). Ей и посвящались основные песни за столом.

210. *А у кого виноград на дворе?**
У Витечки виноград на дворе
Собрал пир — не людям, сам себе.
Посадил кумусю на куте:
«Пей-гуляй, кумуся, у меня.
Чтоб мое дитяtko росло,
Чтоб оно счастливо было,
Чтоб ему Бог долюшку дал».

* Каждая строка повторяется два раза.

К концу крестинного обеда бабка-повитуха подавала кашу. Она выносит и кладет на стол ломоть хлеба с солью, втыкает в него все ложки и требует, чтобы каждый гость выкупал свою ложку. Кум, кума и прочие гости втыкают в ломоть хлеба деньги и начинают есть кашу с приговорами: «Дай Бог кашки на ложки, а младенцу на ножки». Отцу младенца дают ложку каши с солью, которую он, припрыгивая, съедает. В некоторых местностях на крестинную кашу приходят и дети в возрасте до 7—8 лет со всей деревни, это в основном дети того же пола, что и новорожденный. В других местах каждый гость уносит с крестинного обеда немного каши в платке для своих детей.

211. *Напилася да кумусенька*
Зеленого вина*.
А не дойти, кумусенька,
До своего до двора.
«Ты Витечка молоденький,
Невеликий-то пан,
Запрягай-ка пару коников,
А все чаренькие.
Довези-ка да кумусеньку
До своего двора,
Положи-ка да кумусеньку
На постелюшку спать».
— «Ай, спи-поспи, да кумусенька,
На здоровье тебе.
А поспишь ты, да кумусенька, —
На похмелье ко мне».

* Каждая вторая строка повторяется два раза.

212. *Запрягайте-ка да двенадцать волов,*
Запрягайте-ка да двенадцать волов.
Волоките-ка куму с куту долой,
Волките-ка куму с куту долой.
А кума нейдет, упирается,
А кума нейдет, упирается.
Она назад погребается,
Она назад погребается.

Свадьба

Ж

изнь человека традиционно делилась на несколько этапов. Вершиной жизненного пути являлась свадьба. Только пройдя ее, можно было перейти в следующий этап. Особенно это было важно для тех, кто приблизился к совершеннолетию. Вот почему умершую, не успевшую выйти замуж девушку было принято хоронить в свадебном наряде. Насколько значима была свадьба в жизни человека, говорит и то, что во многих местах России в качестве крестильной пеленки использовали нарядную венчальную отцовскую рубашу. Часто она служила многим поколениям. Рубашу шили из льняного полотна, делали длинную — ниже колен, с кумачевыми вставками подмышками — «ластовицами» — и отделявали вышивкой и кружевами.

Сегодня свадьба сводится к регистрации в ЗАГСе или во Дворце бракосочетания и праздничному застолью с приглашенными гостями. В последнее время все больше и больше браков освящается в церкви. Раньше же участниками свадьбы становилась вся деревня, а то и две, если жених и невеста были из разных деревень. При этом каждый участник знал свое место, свои обязанности, а нарушения их могли навлечь большую беду не только на новобрачных, но и на всех участников свадьбы. Недаром в то время говорили не «справлять свадьбу», а «играть свадьбу». Это очень точное словосочетание. Свадьбу именно играли, эпизод за эпизодом, и каждый ее участник четко знал свою роль и старался исполнить ее как положено. Свадьба в определенной мере носила театральный и развлекательный характер. Но надо помнить, что это лишь внешняя сторона, за каждым действием которой скрывался глубокий смысл.

Мы расскажем о крестьянской, сельской свадьбе конца XIX — начала XX века, опираясь в основном на воспоминания пожилых женщин, а в некоторых случаях и мужчин, записанные нами в 70-х годах во время экспедиций в Среднюю полосу России (Тверская, Ярославская и Костромская области).

Значительная территория расселения русских и длительное проживание в контактных зонах с другими этносами, а также и многие другие факторы оказали влияние на разнообразие проведения обряда. Старые люди говорили: «В каждой деревне своя мода». И действительно, во время экспедиции, идя из деревни в деревню, все время узнаешь о новых и новых особенностях обряда. Отличаясь большим разнообразием и множеством региональных особенностей, русская свадьба сохраняла обязательную, общую для всех мест структуру.

Обряд состоял из нескольких основных эпизодов: сватовство, богомолье, рукобитье, сговор, баня, девишник, мальчишник, утро перед венчанием, венчание, встреча молодых, свадебные столы.

К концу XIX в. в свадебном обряде в одних районах эти эпизоды четко следовали один за другим и фиксировались определенным временем проведения, а в других — могли объединяться, и тогда один свадебный эпизод включал несколько обрядовых действий, названия которых менялись. В основном это относится к обрядам, предшествующим собственно свадьбе.

Задолго до свадьбы, а ни у кого не было сомнения, что она должна быть обязательно, мать девочки начинала постепенно готовить ей приданое. С 9 лет, а то и раньше, девочка уже помогала матери прясть и ткать. В 13—15 лет она должна была себе сшить первую рубашу, а затем уже все время заниматься подготовкой приданого: за 2—3 недели до свадьбы приданое подготовить не успеешь. Как правило, в приданое должны были входить вещи, которые женщина будет носить 10, а то и более лет после свадьбы.

У девушек среднего состояния было до десяти и более рубаш, до десяти сарафанов (холщовых и ситцевых), их хватало лет на 10. Количество и ценность приданого зависели не только от состоятельности семьи, но и от мастерства невесты и ее матери. Кроме нательного белья и платья, в приданое обязательно входила постель, столешники (скатерти), полога, насундучники, полотенца, наквашники (покрышки на квашню), холст, пестрядь, из которых будущая мать должна была обшивать свою семью.

Свадьбы играли в основном зимой, в период между двумя постами: Рождественским и Великим, от Крещения до Масленицы, но были свадьбы и осенью, до Филиппова поста, и реже — летом, перед Троицей, до Покровского поста. Зимой местом знакомства молодежи были посиделки, беседы, вечеринки, куда девушки приходили с рукоделиями, а с приходом парней устраивали игры. Знакомились и во время праздников, на гуляньях, в церкви. Знакомство — знакомством, а выбор все же оставался за родителями. Старые люди говорили: «Родительская воля была сильна. Против воли не шли».

Сватами были кто-либо из родных — крестная, дядя, или близкие знакомые, но могли пригласить и профессиональную сваху. Часто свататься ходил жених со своими родителями. День сватовства выбирали специально. Свататься не ходили в понедельник или в день, когда «предмет» какой знали (например, в день, когда умер кто-либо из родных). Шли обычно вечером.

Чтобы сватовство прошло удачно да и не затянулось, прибегали к разным «хитростям». Например, сваты одевали разные сапоги или валенки. Входя в дом предполагаемой невесты, сваты за матицу не заходили, садились на продольную лавку под полатами. Сваха, войдя в дом, запирала замок, который приносила с собой и держала в руке или в кармане, садилась на свои рукавицы, а в некоторых местах сваха сразу же садилась на помойную кадучку. Подруги девушки, желая выдать ее замуж, когда сваты только постучали в дверь, выкидывали сапог или веник, а затем объезжали на кочерге вокруг дома.

После рукоблтия девушки под окнами дома невесты заводили песни.
Невеста, сидя у окна, начинала причитать.
Воспроизведение обряда

Переступив через порог, сваты начинали разговор особым приговором. В Андреапольском районе Тверской области вели такой разговор: «Мы приехали не лапти плести, а родню завести». Отец девушки отвечал: «Не знаем, как наша невеста, в каком она согласии». В Нейском районе Костромской области можно было услышать следующее: «Нет ли у Вас телочки продажной?» — «Есть телочка, да больно молодая!» — «Вот и хорошо, нам и нужна молоденькая!»

Часто сваты не сразу получали ответ от родителей невесты. В тех случаях, когда не было отказа, но еще не было и положительного решения, сваты и родители невесты, не проходя к столу, символически угощали друг друга водкой, то есть не пили, а только подносили к губам. И лишь получив согласие, после второго, а то и третьего приезда к невесте, сваты выставляли на стол привезенную с собой еду и угощали родителей невесты, а затем на стол выставляли угощения хозяева дома.

Красотой русской свадьбы, ее обязательной и неотъемлемой частью были песни, которые начинали петь подружки невесты сразу же после сватовства.

Подружки смотрят в окна, ждут, чем дело-то кончится. Наконец, согласие получено. Сколько здесь радости за подругу! Сразу же заводят песню, песню за песней, которые теперь часто будут слышны у дома просватанной девушки.

213. — Уж вы гуси, уж вы лебеди, Да вы куда же вечер летали? — Так уж мы летали, летали Да на сине море плавати. — Да вы чего же тамо видели? — Да уж мы видели, видели — Млад ясен сокол купается, Да лебедь бела умывается. — Да уж вы что ж ее не взяли? — Да уж мы не взяли, не взяли, Дак ее только заприметили. — Поезжаны вы, поезжаны,	Поежаны вы Ивановы, Да вы куда же вечер ездили? — Да уж мы ездили, ездили Да во хороше селеньице, Да мы к почетному крестьянину. — Да вы почто туда ездили, Да вы чего тамо видели? — А уж мы видели, видели Да душу красную девицу. — Да уж вы что ж ее не взяли? — Да уж мы не взяли, не взяли, Да ее только запоручили.

Эту песню девушки пели, когда сватовство только шло, а следующая исполнялась уже после сватовства.

214. Эй да развеселое Да ой, да житье девичье, Ай да житье девичье! Эй да распроклятая Ай да жизнь замужняя, Эй да жизнь замужняя! Эй да не навек житье Ой да доставалось, Эй да доставалось! Ой да если б знала, Ой да знала бы, да эх, ведала, Ой да знала б, ведала! Эй кабы знала, Эй да кабы знала-ведала, Ай да знала-ведала! Ай да я б сидела, Да я сидела,	Ай да век во девушках, Ой да век во красных! Ой да я, Я чесала, молода, Ой да буйну голову, Ай да буйну голову! Эй да я, Я плела, молода, Ой да косу русую, Ай да косу русую! Эй да я, Я вплетала, молода, Эй да ленту алую, Эй да и алую! Ой да трехаршинную, Э-ой да трехаршинную! Эй да со белого со лица

*Ох э-да краса сметалася,
Ой да посметалася!
Эй да со черной со грязью,
Э-ой да краса смешалася,
Ой да сосмешалася!
Не летай, голубь, вдоль по улице,
Вдоль по улице по широкой!
Не садись, голубь, на решеточку,
Не воркуй, голубь, да жалостнешенько,
Без тебя, мой голубь, растошнешенько!*

Следует заметить, что еда, угощения на свадьбе играли не последнюю роль. Каждое действие, каждый обряд заканчивался угощением. Совместная еда, еда за одним столом как бы скрепляла, фиксировала новый союз людей и, напротив, запрет на еду вместе, за одним столом, разъединял этот союз. Эти представления и паравила, имеющие очень древние корни, можно наблюдать и в наше время. И сейчас на свадьбу стараются пригласить всю родню обеих семей. Это и знакомство двух родов, и признание новой, молодой семьи. Раньше еда использовалась не только как угощение, выставляемое на стол, но и в качестве атрибутов при совершении различных обрядовых действий, которых во время свадьбы было очень много. К еде, ее обрядовой роли мы еще не раз будем возвращаться в рассказе о свадьбе.

На другой день после сватовства родители невесты или кто-нибудь из ее родственников могли поехать посмотреть дом жениха, особенно если жених был из другой деревни.

После осмотра дома можно было еще отказаться от свадьбы. Ну, а если невеста была из другой деревни, а жених с ней и не знаком, в доме девушки устраивали «сиденье» или «смотрины». Приехавшую родню жениха обязательно угощали, да и те привозили с собой угощения. Невеста за стол не садилась, а раз пять выходила к столу, и каждый раз — в новом наряде. Наряды свои показывала. И вот обе стороны пришли к согласию, назначили день богомолья и рукобитья — так назывались эти обряды в одних районах, или сговора, или пропоя — в других. Часто говорили: «Рукобитье — это та же свадьба». После рукобитья уже не отказывали, а если и отказывали, то расходы делили пополам.

Отправляясь на рукобитье, родители жениха брали с собой угощения, чаще это были хлеб, блины, кулебяки, мясо, яйца, кисель, вино или водка; а родители невесты к рукобитью готовили курник с гречей, блины, яичницу. На столе при всем разнообразии угощений обязательно лежал хлеб или другое выпеченное изделие. Во время рукобитья родители (отцы) девушки и парня «били по рукам» — не голыми руками (а то молодые всю жизнь будут жить бедно), а в рукавицах или обернув руки в полы шуб. В некоторых районах били пирог о пирог или разламывали пирог пополам, или

сваха трижды обносила вокруг их рук хлеб с солью и икону. В некоторых случаях пироги, которыми ударяли один о другой, отдавали свату жениха, а последний отвозил их жениху и выкладывал на стол в знак того, что рукобיתье состоялось. Заключительным угощением на рукобיתье было взаимное угощение водкой и пивом. Выпить означало решить дело окончательно и бесповоротно. Отец невесты обносил всех сидящих за столом водкой или вином, угощал каждого из одного стакана, причем каждый раз он должен был выпить из него первым.

После подобных обрядов с водкой, хлебом, пирогами, начиналось взаимное угощение, причем родня жениха и невесты не сидели еще за одним столом. Устраивались параллельно два стола или угощение происходило по очереди. Сначала родственники жениха угощали родственников невесты, а затем наоборот. За «жениховым столом», когда угощение шло от родни жениха, размещались в следующем порядке: в углу, под образами, — родители невесты; справа — вся мужская родня по старшинству и степени родства, а с левой стороны от матери — сестры и другие женщины со стороны невесты. Жених и невеста за этим столом не сидели, их угощали отдельно.

За «невестиным столом» почетные места занимала уже родня жениха, а по левую руку от матери жениха могли сидеть жених и невеста. Во всех случаях, когда в доме невесты присутствовали гости со стороны жениха и собиралось угощение от жениха, невеста и ее подруги находились в клети или в горнице (иногда — за печкой). Сюда могла войти вся родня невесты, а со стороны жениха — только жених, его мать, сваха или сват. Причем войти сюда они могли только с угощениями. Здесь же для жениха и невесты мог быть накрыт стол.

Незамужних девушек, даже если они относились к самой близкой родне жениха или невесты, за столы вообще не сажали. Считалось, что «однокоски» недостойны сидеть вместе с остальными за столом. Угощение девицам делали после ухода жениха или на другой день.

После рукобיתья девушки под окнами или в доме снова заводили песни.

215. *Запросвтал меня батюшка,
Заручила родна матушка
Далеким далекошенько.
За три речки глубокие,
За три горы высокие,
За три леса темные.
Отдавала меня матушка,
Отдавала, мне наказывала,
Не велела мне матушка,
Не велела мне сударыня
Мне не выть и не плакати,*

*Ни к себе в гости ездити,
Ни себя к себе в гости звать.
Живучи я, разбессчастливая,
Во чужих людях, встосковалася,
Во худой семье, взгоревалася.
Отпрошусь я, горе бедное,
Отпрошусь, разбессчастливая,
Отпрошусь я во соседушки,
От соседушек — в темные леса.
И я сяду, горе бедное,
И я сяду, разбессчастливая,*

Под скрипячее под дерево.
 Попрошу я, горе бедное,
 Попрошу я, разбесщасная,
 Я у ластушки — перышек,
 У лебедышек — крылышек,
 У кукушечки — голосу,
 У горюшечки — горючих слез.
 Ты скрипи, скрипячее дерево,
 Ты кукуй, горе кукушечка,
 По всему ли свету белому
 И по всей подвселенною.
 Моя маменька у заутрени,
 Моя родная у заутрени,
 У заутрени Богу молится.

Моя маменька вздогадливая:
 «Не мое ли это дитяtko,
 Не мое ли это дитяtko,
 Не мое ли это родное.
 Не в лесу ли заблудилася,
 Не в траве ли заплуталася,
 Не в росе ли замочилася?»
 «Не в лесу я заблудилася,
 Не в траве я заплуталася,
 Не в росе я замочилася.
 Заблудилася во чужих людях,
 Заплуталася во худой семье,
 Замочилася в горючих слезах».

216. Еще что у тя, родимый батюшка,
 Что за пир да за беседушка,
 Что за гости да гости званые,
 Что за купцы да за торговые?
 Они что же купят-торгуют?
 Не коня ли, коня вороного,
 Не скотинушку ль рогатую?
 Не меня ль, хорошу девицу,
 Не мою ли трубчату косу?
 Говорил да родной батюшка:
 «Не отдам я свою милу дочь
 Ни за князя, ни за барина,
 Ни за купчика хорошего.
 Посажу я свою милу дочь
 Во сады да во зеленые,
 Загорожу свою милу дочь

Да все тычинками железными,
 Покрою свою милу дочь
 Всё фатною да шелковою,
 Всё цветами да лазоревыми».
 Нонече да и таперече
 Пришли да сваты свататься,
 Женихи да насылаются.
 Запросватал родимый батюшка,
 Запоручила родима матушка;
 Посадили свою милу дочь
 В кут да за занавесу,
 Загородили свою милу дочь
 Все кумами да все подружками,
 Покрыли свою милу дочь
 Все тоскою да кручиною,
 Все слезами да горючими.

217. Затоплялася банюшка,
 Разгоралася каменка
 До единого камешка.
 Расплакалася Марьюшка
 Перед своим родным батюшком:
 «Ты родимый батюшка,
 Не ходи к дубову столу,
 Не прймай золотой чары,

Ты не пей зелена вина,
 Не пропей меня, молоду,
 Мою русую косоньку,
 Мою девью-то красоту
 На чужу дальню сторону
 Ко чужому чуженину!
 Как чужой он чуженин
 Без плеточки выучит,

- Без морозу сердце вызнобит»
 У родимого батюшка,
 У его сердце каменно,
 В железо сковано,
 В булате сварено.*
218. *Не кладу я судьбу-жалобу
 Не на тятеньку с маменькой.
 Положу я судьбу-жалобу
 Ай на свата на прелетничка,
 На злодея-приговорщика.
 Он ходил к нам почастехонько,
 Говорил речь полегохонько,
 Он хвалил чужую сторону:
 «Как чужая-то сторонушка,
 Она сахаром усеяна,*
- Он сходил к дубову столу,
 Он принял золоту чару,
 Он выпил зелено вино,
 Он пропил меня, молоду,
 На чужу дальню сторону.*
- Медовой сытой спрливана,
 Виноградом огорожена».
 Не жила млада — не ведала,
 Пожила млада — испроведала.
 Не ходи, любезный сватушка,
 Не хвали чужую сторону!
 Как чужая-то сторонушка,
 Она горюшком усеяна,
 Горючим слезам спрливана,
 Пустословьем огорожена.*
219. *Как у месяца звезды частые,
 Звезды частые.
 У красного солнца лучи ясные,
 Лучи ясные.
 У Ивана-то кудри русые,
 Кудри русые.
 У Васильевича по плечам лежат,
 По плечам лежат.
 По его плечам по могучим,
 По могучим.
 Да пивцом-винцом приумочены,
 Приумочены.
 Гребешком кудри приучесаны,
 Приучесаны.
 Ворковал голубь со голубушкой,*
- Со голубушкой.
 Говорил Иван да с Марьюшкой,
 С Марьюшкой.
 «Уж ты Марьюшка, свет души моей,
 Свет души моей.
 Ты Ивановна, животы мои,
 Животы мои.
 Поутру вставай да поранешенько,
 Да поранешенько.
 Вечеру сиди попозднешенько,
 Попозднешенько.
 Вышивай дары чистым серебром,
 Чистым серебром.
 Ты дари дары со всем поездом!*
220. *Промолили-промолили
 Душу красную девицу!
 Изменила изменица
 Свое слово верное, безответное
 Своим милым подруженькам.
 Как ты кстилась, божилася,*
- Говорила: «Не пойду замуж,
 Видит Бог, не подумаю,
 Я людей не послушаю!»
 — Уж вы глупые девушки,
 Безраздумны красавицы.
 Не сама я замуж пошла,*

Не свою охотою.
 Все большою неволюю.
 Потакали весь род-племя.
 Выводил братец-батушка
 Он из горницы в горницу,
 Из столовой во светлицу,
 С середи в подокошечко.
 Он сдавал гостям на руки,
 Одному гостю навеки:
 «Ты владей, владей, милый зять,
 Матушкой моей милой,
 Сестрой Марией Ивановной.
 Все ко мне-то, да красной девушке, —
 Буйной головы да пебедители,
 Ретиву сердцу да огневители,
 Трубчатой косы да расплетатели,
 Вольной волюшки да разорители.
 Девьей красоты да отгонители!
 Ох-ти мнешеньке, горе тошнихонько!
 Отворочу свое лицо белое
 От столов-то да от дубовых,
 От скатеричек да от бердчатых,
 От своего-то да красна солнышка,
 От родителя-то, сударь батюшки,
 От чужих-то да людей добрыцх!
 Приворочу свое да лицо бело
 Ко кирпичней да жаркой печеньке,
 Ко своей-то да осподарыне,
 Ко желанной-то я да мамушке.
 Я скажу тебе, да осподарыня,
 Ты желанна да моя мамушка:
 «Я ходила, да красна девица,
 Ко столам-то да ко дубовым,
 Ко чужим-то да людям добрым,
 Ко своему-то да красну солнышку,
 Ко родителю-то я ко батюшку.
 Не взошло да красно солнышко,
 Не пригрело да ретиво сердце —
 Не пожалел меня да красно солнышко!»

Сговоренка после просватания, в платке,
 повязанном «в нахмурочку».
 Деревня Аганино Пошехонского района
 Ярославской области

После взаимного угощения водкой или вином просватанную девушку называли «невестой» или «сговоренкой», а парня — «женихом». Такие обряды, как обмен хлебами или пирогами, питье водки, приравнивались к юридическому признанию договора на брак. Отказ жениха или невесты от свадьбы уже был невозможен. С этого момента для них устанавливался целый ряд запретов, например, запрет на посещение беседы, запрет на место за общим столом и особый запрет на место в красном углу. Жених и невеста могли сидеть за столом и публично есть только в присутствии гостей своей возрастной группы, но и в этом случае для невесты сохранялся запрет на пищу, приготовленную в доме жениха. Невеста могла есть пищу только из своего дома — «с кем вместе едят, на тех не женятся, на ком женятся, с теми вместе не едят». Менялся и внешний вид девушки «сговоренки». Она носила «печальную одежду» (черную или белую рубаху), без каких-либо украшений, на голову низко повязывала платок («кукушкой», «в нахмурочку»), часто темный. Нередко платок не снимали и во время сна и носили до дня венчания.

После Богомолья (рукобיתья) невеста — одна или с подругами — начинала причитать. Причетам и песням все девушки учились с детства, от старших, посещая свадьбы. Песни и причитания передавали тревогу и беспокойство невесты за ее будущую жизнь. В своих первых причитаниях сговоренка просила отца:

*Не засвечивай да свечки божьей,
Ты родимый батюшка,
Не ходи к дубову столу,
Не принимай золотой чары,
Ты не пей зелена вина.*

Невеста постоянно обращалась то к отцу — красну-солнышку, то к матери, упрекая их за то, что они рано отдали ее в чужую семью, на чужую сторону. В плачах чужая сторона — «лес темный», а чужие люди — «звери лютые».

221. *Не затепливай, мой кормилец батюшка,
Восковую свечу ярую,
Не становись-ка, мой кормилец батюшка,
Со сватом на одну половиченку,
Не берись-ка ты, кормилец батюшка,
Со сватом рука об руку,
Не пропивай-ка мою русу косу, красу девичью,
За стакан вина зеленого
И за кружку пива пьяного,
Не сдавайся, мой кормилец батюшка,
На их слова ласковые,
Обманут они тебя, мой кормилец батюшка,
Скорым-скорешенько.*

Во время богомолья невеста старалась потушить свечку, зажженую отцом под иконами.

222. *Всхоже красно мое солнышко,
Ты родимый сударь батюшка,
Свет Василий сударь Иванович!
Не вставай-ка, родимый батюшка,
Со дубовой белой лавочки
На свои на ножки резвья,
Ты на свои-то на сафьян сапог,
Среди пола дубового,
По конец стола кленового,
Перед чудного Спаса образа;
Не затепляй, родимый батюшка,*

*Ты свечи воскояровой,
Не давай-ка, родимый батюшка,
Свою правую рученьку
Ты чужому-то чуженину;
Не принимай, родимый батюшка,
Ты чару-то да зелена вина
От чужого-то от чуженина!
Не вино ты пьешь зеленое —
Ты мои-то пьешь горячи слезы,
Пропиваешь мою буйну головушку
Со хорошей девьей красотой.*

В своих причитаниях сговоренка обращается не только к отцу, но и к матери и к другим домочадцам, с которыми она живет вместе. Причитает невеста и всем женщинам, приходящим в дом.

223. *Ну Господь же с тобой, батюшка,
И родимая моя матушка,
И соколики, братцы желанные,
И голубушки невестушки!
Не послушались наказу крепкого —
Запоручили вы красну девицу
За поруки-то за крепкие,
За письма-то вековечные.
Вы почто так рассердились,
Рассердились, распрогневались?
Запрошу я, красна девица,
У тебя, родимый батюшка, —
Я себе беру приданое:
Города все с пригородками,
Все леса с полями чистыми
Все ключи с водами чистыми
Да и реченьки-то быстрые.
Ты подумал бы, кормилец батюшка, —
Я слуга-то была тебе и работница,
Я в семье была покорная,
На работушки дотошная,
Имя честно не бесславила,*

*Красу девичью не кинула.
А ты не дал мне, кормилец батюшка,
С умом-разумом собратися,
Со подружками сверстатися.
Я в чужих людях, младехонька,
От работушки замаюся.
За столбом я потихохоньку
От чужих людей наплачуся.
Уже как этим ли чужим людям
Мои слезы сладким кажутся,
Мое горе им весельице,
Мне кручинушка — им радости.*

Часто невесте помогали причитать ее подружки. Сидела невеста во время причетов у печного столба, под брусом, отделявшим женскую часть избы около печи.

224. *Раскачалась грушица**,
Перед яблонкой стоючи,
Порасплакалась Галечка
Перед тятенькой с маменькой:
«Ты родимая моя маменька,
Ты зачем-зачем пиво варишь?
Ты зачем-зачем гостей зовешь?»
- *«Ты родимо мое дитяtko,*
У нас дело-то все сделано,
По рукам дело ударено.
Во субботу-ту девичничек,
В воскресенье — разлучный день:
Разлучат тебя с подруженькам,
Задушевным голубушкам».

На девешнике во время причитаний сговоренка сидела у красного окошечка (косячатого).

225. *Благослови, Боже Господи,*
Мать Божья, Богородица!
Уж мне сести, молодешеньке,
На брусчатую лавочку,
Мне запеть, молодешеньке,
Невеселую песенку.
- Не с веселья со радости —*
С горя со кручинушки,
Со печали великия,
Со причетом со жалостным,
Со слезами горючими.
226. *Что сижу-то я, горюха,*
У красного окошечка,
Что гляжу-то я, горюха,
На белую улицу,
На белой-то улице
Там летят белы лебеди, —
Это не белые лебеди,
Это мои-то подруженьки.
Что, подружки-голубушки,
Вы скажите, подруженьки,
Тако где вы спасались,
Тако где сохранялись?
- У своих ли родителей,*
Во саду ли, во тереме
Или во новой во горнице?
Токо я-то, ведь, горюха,
Токо я, молодешенька,
Токо я не могла спаститися,
Токо я не могла сохранитися
У своих-то родителей, —
У моих-то родителей
Нет ни саду, ни терема,
Ни новой горницы!

В ответ на причитание невесты, причитала ее мать.

227. *И ты послушай, моя белая лебедушка,*
И да что я скажу, кручинная головушка:
И трудно-тяжело тебя да я носила,
И точно-больно от утробушки родила;
И я возростила до полна тебя возрасту,

*И все я думала, печальная головушка:
И посидишь да ты во красных во девушках,
И ты во своей-то во вольной этой волюшке;
И будешь легкая ведь мне да переменушка,
И будешь скоро безответно послушаньице;
И у стола будешь, невольница, стряпеюшкой.
И за ставом будешь умильна мне-ка ткиюшка,
И безответна на работушке работница,
И будешь летна мне, горюше, водонощичка,
И будешь зимня на гумни да замолотщица,
И будешь баенна родителям истопщица;
И будут вешные ивански нам ведь венчики,
И будут красные петровски нам ведь ягодки!
И не по думушкам-то дело становилось:
И не поспела ты, сердечно мое дитяtko,
И ты со возрастом, лебедушка, сровнятися,
И ума-разума в головушку набратися,
И поохотила на чужу на сторонушку,
И отрекнулась от желанных родителей!
И пораздумаюсь печальным умом-разумом:
И не велики города стоят от девушек,
И, видно, хорошо дитё да уродилось,
И скоро в добры оно люди погодилось!
И сожалею я, печальная головушка,
И я сердечного рожона тебя дитяtko;
И у меня, да у победной родной матушки,
И уныват да все бессчастно ретиво сердце,
И все долит тоска, великая кручинушка;
И того жаль мне-ка, кручинной головушке:
И твои плечика, лебедушка, узешеньки,
И твоя силушка, лебедушка, малешенька,
И у тя рученьки, у дитяtko, тонешеньки,
И ум тот разум во головушке глупешенек!
И твои милые любимы поровечнички,
И все во девушках оны да остаются,
И оны малыма ребятама считаются,
И оны куклама сидят да забавляются,
И на улличке ведь щепкама сшибаются!
И столько ты, мое сердечно мило дитяtko,
И ты под тученькой сидишь да гряновитой,*

*И ты под облачкой сидишь да страховитой!
И не умела сдержать вольной да ты волюшки,
И на девочкей ты на молодой на головушке!
И молча схватишься ведь, белая лебедушка,
И по своей да по божоной дорогой воли,
И по девочьем украшенном живленьце!
И да тыхватишься, лебедушка, наплачешься,
И не судьячь же, наша белая лебедушка,
И ты на спадлива родителя на батюшка,
И на меня, да на печальну родну матушку,
И мы ведь волюшки твоей да не неволили,
И во заботушку тебя да не заботили,
И ты сама да себя, девушка, просватала,
И сама волюшку свою да прозакладала,
И во гостях да свою волю прогостила,
И на беседах ты волю проиграла,
И ты на писенках божону пропевала!
И поразгневала родителя ты батюшка,
И со остудником ведь ты да сговорила,
И подманули тебя, девушку, сподбавили,
И все на ласковых прелестных словечушках;
И не хватило у тебя да ума-разума,
И не спросила ты во добрых во людюшках,
И ты послушала спорядную суседушку,
И она поблизку, суседка, к тебе лащилась,
И по головушке тебя да она гладила,
И все за близкую родню да она ладила!
И дорога да твоя вольна нынько волюшка,
И она в цветно хотя ж платье одевалась,
И во козловые башмачки обувалась,
И в путь-дороженьку ведь воля снаряжалась.
И тебя, девушку, ведь воля проклинала,
И пошла волюшка за чистое за полюшко,
И по лугам да пошла воля по зелеными,
И по селам да пошла воля деревенским!
И вдруг настрету твоей вольной этой волюшке,
И на пути да на широкой на дороженьке,
И встречу стретилось великое неволице —
И как угрюмая неволя страховитая!
И у него ли буйна голова нечесана,*

*И как неволя в кафтанишечко сокручена,
И она липовой веревкой подпоясана,
И во лаптишечка неволя подобулася!
И уже тут да твоя воля испугалася,
И она взад да твоя воля ворочалася,
И у крылечушка она да постучалася,
И под косевчатым окошечком давалася,
И все горючима слезама обливалася:
«И ты пусти меня, девица, в светлу светлицу,
И ты возьми да, красавица, вольну волюшку,
И клади в день да ты на младу на головушку,
И клади в ночь да на пуховую перинушку,
И ты по утрышку к ретливому сердечушку!»
И отрекнулась ты, косата моя ластушка,
И от своей да дорогой ты вольной волюшки!
И пошла волюшка искать да приберегушки,
И у твоих да у советных дружных подружек.
И ты послушай же, сердечно мое дитяtko:
И скоро вздумала ведь крепку эту думушку,
И промахнула свою вольну эту волюшку;
И не винилася желанным родителям,
И что ведь воля у тебя да прозакладана,
И что великое неволице приказано!
И мне-ка жаль-тошно, кручинной головушке,
И безответну тебя, белую лебедушку;
И быдто вешная вода со льдом разойдется,
И также мы с тобой, голубка, порасстанемся
И уж ты думала, знать, белая лебедушка,
И все похвальную чужую-то сторонушку,
И что ведь жемчужком она да изнасажена,
И краше солнышка тебе она казалася;
И не скачен жемчуг ведь там да рассыпается,
И горьки слезушки у вас да проливаются,
И там не белый столько свет да рассветается,
И на сердечушке обида порасходится!
И кабы знала ты, лебедушка, бы ведала
И про злодийную похвальную сторонушку,
И тридцать лет бы на сторонку не подумала,
И сорок лет бы на судиму не помыслила,
И все сидела б ты, касата летна ластушка,*

*И до уречных девочьих двадцать годишков,
И во своем да в прикрашенном во девичестве;
И кабы знала ты, сердечно мое дитяtko,
И про остудушку, про чужую сторонушку,
И ты бы белого лица не умывала,
И ты бы цветного ведь платья не держала,
И добела б лица, лебедушка, не билила,
И ты бы алыма румян да не румянила,
И не приманывала б удалых добрых молодцев,
И берегла бы да ты вольну свою волюшку,
И младешенька со волей не рассталась бы,
И молодешенька с неволицем не создалась бы!
И ты послушай же, сердечно мило дитяtko:
И как ты жила у желанных нас родителей,
И ты во своем прикрашенном как девичестве,
И была дана у нас вольна тебе волюшка,
И слободная досужна пора-времечко,
И мы по утрышку раненько не будили,
И с благословеньцем тебя да спать ложили,
И со Исусовой молитовкой укрыли,
И была устлана пуховая перинушка,
И у меня, да у желанной твоей матушки,
И про твою да про бажону вольну волюшку!
И я приду да хоть с-по ранному по утрышку,
И я ко этой тесовой ко кроваточке,
И подойду да ко кроваточке тихошенько,
И приотдвину эту занавес легошенько,
И чтобы дитяtko мое да не спужалось,
И тут я правой рукой да тебя подрочу,
И сговорю, бедна, единое словечушко:
«И жаль будить мне-ка, сердечно тебя дитяtko!
И да ты спи, моя касата летна ласточка,
И ты на этой тесовой кроваточке,
И ты на мягкой пуховой на перинушке,
И утешайся-ка со вольной своей волюшкой!»
И отойду, бедна горюша, поскорешеньку —
И возбудить да жалко дитяtko тошнешенько!
И одна стряпаю стряпню да суетливую,
И столько лажу я обеды-то воскресные;
И ты пойдешь как на крестьянскую работушку,*

*И ты со светушками братьицам родимым,
И ты со милым соколочкам златокрылама,
И вы за шуточку работу работали,
И за весельице вы день да провожали,
И за гульбищечко дорожку коротали;
И говорили светы братьица родимые,
И все тоби, мое рожоно мило дитяtko;
«И не трудись, да наша белая лебедушка,
И не томи да свои белы эти рученьки,
И ты не трать да все девочью свою силушку!
И не тобой наша работа работается;
И да ты сядь-ка на катучий белый камешек,
И взвесели свою бесценну вольну волюшку,
И в доброумье светушкам-братцам родимым!»
И хоть ты придешь со крестьянской работушки,
И ко своей да ты родителю ко матушке,
И выду-стричу на крылечике переноем,
И сговорю, бедна, единое словечушко:
«И слава Богу-то теперь, да слава Господу,
И слава вышнему Владыке-то святителю,
И все пречистой пресвятой да Богородице!»
И подрочу да по девочьим тебя плечушкам:
«И это трудничка иде моя работничка,
И что усталая иде да опристалая.
И на работушке ведь ты да притрудилася,
И свои белые-то ручки примахала,
И ты девочью свою силу придержала!»
И наготово про сердечных про вас детушек
И к вечеру да парна баенка истоплена,
И по столу да самовары-то сготовлены,
И к вечеру да про вас кушанья излажены,
И вам ведь устланы пуховые перинушки.
И погода ж этой поры да столько времечка,
И будешь жить как на судимой на сторонушке,
И там не будет тебе рано положеньице,
И тебе поздного не буде пробуженьица,
И свет от строгой богоданной тебе матушки!
И поутру стане злодийка все ранешенько,
И стане по избы свекровице похаживать,
И все правой ногой она стане потаптывать,*

*И каблучком стане ведь в пол да приколачивать,
И деревом стане в двери да приударивать!
И не с молитовкой ведь там да спать уляжешься,
И не с благословеньцем по утрышку повыстанешь;
И как свекровище-то стане разговаривать,
И возбуждать да стане белую лебедушку:
«И стань, ленивая сноха да нестанливая,
И ты небойка молодуха неудалая,
И ты ведь проспала господень божий денечек!
И вси повыстали суседки спорядовые,
И вси сошли да по крестьянским работишкам!»
И ты послушай же, сердечно мое дитяtko,
И ты по утрышку, лебедушка, спугаешься,
И со тесовой кровати забросаешься,
И смахнешь рученьки на младу на головушку,
И тут ты спомнишь прикрашенное девичество,
И спамятуешь ты родиму свою родинку,
И тут проклянешь свое горькое замужьице,
И дорогу свою бесценну вольну волюшку!
И у тебя, да у сердечного у дитяtko,
И тут ужахнется ретливое сердечушко,
И растоскуется ведь зяблая утробушка,
И тут покатыся ведь слезы со ясных очей,
И все по блеклому по твоему по личушку,
И тут горячима слезама приумоешься,
И правоубелогей ты рученькой приутрешься!
И хоть ты придешь во хоромное строеньице,
И строга-злая богоданная-то матушка,
И по фатеры-то, злодийка, ведь похаживат,
И на семь дел тебя, головушку, разряживат,
И пословечно-то она да не рассказыват,
И все немильма словама наговариват;
И буде бросишься за дело ты скорешенько,
И сговорит она, злодийка, таково слово:
«И ты гордлива, молодуха, ты спесивая!»
И тихо пойдешь по дубовой как мостиночке,
И говорить станут сестрицы богоданные:
«И не станливая, ветляна ты нештушка!»
И столько слушай же, сердечно мое дитяtko:
И как живучи на чужей на сторонушке,*

*И паде печаль на ретливое сердечушко,
И тут поблекнет твое бело это личушко,
И станет синь да все под ясные под очушки,
И без угару болит буйная головушка,
И без морозушку сердечко перетрескает!
И хотя ж придешь со крестьянской со работушки,
И строга-грозна богоданна эта матушка,
И говорит она, злодийка, быдто зверь ревит,
И сговорит она, злодийка, таково слово:
«И ты не трудничка идешь, да не работничка,
И на работушке ведь ты не притрудилася,
И ты ведь силушки своей да не истратила,
И цветна платьица ведь ты да не изгрязнила;
И на работушку ведь ты да работала,
И день ко вечеру ведь столько коротала;
И ты поглядала на красно часто солнышко».*

К невесте в кут приходили ее родственники и каждого она встречала причетом, и они отвечали ей причетом.

228. *Уж как братец мой, сокол,
Уж ты сходи-ка в село Павлово,
Уж ты скажи церковному сторожу, —
Как ударил бы в большой колокол
Да раздробил бы мать сыру землю,
Разбудил бы родиму маменьку!*

В дни до свадьбы подруги невесты помогали невесте готовить приданое: вышивали полотенца, подзоры, вязали кружева. Почти каждый день невесту в ее доме навещал и жених. В качестве подарков он приносил разные лакомства: сладкий пирог, пряник, конфеты. Пирог с ягодами или изюмом украшали разными узорами из полосок теста или вензелем невесты. Невеста посылала ответный подарок и пирог с вензелем жениха. Принимая угощения от жениха в кругу своих подруг, невеста раздавала их девушкам. Кроме приданого, невеста должна была подготовить и дары, которыми она одаривала всех представителей семьи жениха и многих участников обряда (сваху, дружку и других). В это время в доме невесты постоянно звучали песни, где главными темами были: как хорошо жилось невесте у батюшки, какая тяжелая жизнь ее ждет на чужой стороне («Как чужая-то сторонушка, Она горяшком усеяна...»). Тема противопоставления своего — чужого прослеживается во многих песнях и причитаниях. Чужая сторона всегда расхваливается сватами: «*Как чужая-то сторонушка.*

Она сахаром усеяна, медовой сытой споливана, виноградом огорожена», «Чужая сторона — Далеким далекошенько, За три моря глубокие. За три горы высокие, За три леса темные».

229. Ты голубушка тетушка!
Ты скажи-ка, голубушка,
Уж ты как расставалась
Со родимым-то батюшкой,
Со кормилицей матушкой,
С соколом милым братом,
Со голубушкой милой сестрой,
Со тетушкам, со бабушкам,
Со подружкам-голубушкам,
Со душам красным девушкам,
Со девьей-то красотой,
Со девичьим украшеньцем?
— Я скажу тебе, голубушка:
Тяжело я расставалась,
Расставалась я, бедная,
Оставалась я, горькая!
Не помню я, молода,
На ногах ли меня вывели,
На руках ли меня вынесли.
Тяжело да расставатися
Со родимым-то батюшкой,
Со родимой-то матушкой,
Со своим-то родом-племенем;
Как еще того тяжелее
Как со девьей-то красотой,
Со девичьим украшеньцем.
Как еще скажу, голубушка,
Про чужую дальню сторону,
Про злодейку проклятую:
Тяжело, моя голубушка,
Тяжело жить на чужой стороне.
Тяжело жить в чужих людях.
Надо жить-то умеючи,
Говорить разумеючи.
Надо старого звать дядюшкой,
А старую-то звать тетушкой,
Молодых-то по имени,
Величать по отечеству.

Как родимая-то матушка
Во первой-от раз побудит —
По головушке погладит:
«Уж ты спи, мое дитячко,
Уж ты спи, мое милое!»
Как второй-от раз побудит —
Куньей шубкой окутает,
Как в третьей-то раз побудит::
«Ты вставай, мое дитячко!
У меня все дело сделано
И работа наработана!»
Уж я встану, молодешенька,
Ключевой водой умоюся,
Полотенечком утрюся.
Все дело-то сделано,
Вся работа приработана.
У родимой-то матушки,
У родимого-то батюшки
Я не знала, молодешенька,
Где восходит-то солнышко,
Закатается красное.
На чужой-то на на стороне
Я спознала, молодешенька,
Где восходит красно солнышко.
Где оно закатается.
На чужой-то стороне,
На злодейке-то проклятой,
У чужого отца-матери,
Как ходит чужая мать
По поветям-то скрипучим,
По переводам-то зыбучим:
«Ты вставай, сноха сонливая,
Ты вставай, сноха дремливая!
Я все дело-то приделала,
Всю работу приработала».
Уж я встану, молодешенька,
Горячим слезам умоюся,
Я рукавчиком утрюся.

230. Ты голубушка невестушка,
Ты сударушка моя болезная,
Что заприметила ты, голубушка,
На чужой-то на сторонущке,
Что на этой-то незнакомой мне, —
Каковы там чужьи люди
И дородный добрый молодец?
Он не пьет ли пива пьяного,
До увалу — зелена вина?
Ты скажи, моя болезная,
Ничего не опасючи,
Все правды не утаючи?
— Ты родимая моя золовушка!
Я скажу-то правду-истину,
Ничего-то не утаючи,
Никого не опасючи:
- Я приметила чужих людей
И дородна добра молодца,
Что они-то все, чужьи люди, —
Люди добрые, смиренные,
Роду честного, богатого.
А дородный добрый молодец
Будто яхонтец катается,
Ходит полом — улыбается,
Будто лебедь — лицо белое,
Очи ясны, как у сокола,
Шлет тебе свои подарочки:
Перстенок с руки золоченый,
Шелковой платок со цветикам,
Пива пьяного и в рот не взял,
В руки белы — зелена вина.
231. *Благослови-ка, Боже Господи,
Ото сна мне пробудится,
От стены бы откати(ти)ся,
Встать со мягкия со постелюшки,
Со крутого изголовыица,
Из-под теплого одеяличка;
Прогневить бы ретиво сердце,
Прослезить бы очи ясныя,
Пропустить бы реки слезныя,
Потопить бы мяжку постелюшку
Со крутым изголовыицем,
С соболиным одеялечком,
Со кумами да со подружками!
Вы вставайте, мои голубушки!
Не пора вам спать,
Да вам пора вставать:
Закатился млад светел месяц,
Высоко взошло красно солнышко.
Я спала, млада, высыпалася,
Я ждала, млада, дождалася
Я от батюшки побужденьица,
Я от матушки покликаныица.
Не побудит родимый батюшка*
- На работушку на тяжелую,
На страду, страду сенокосную;
Не покличет родимая матушка
На стряпню суетливую,
На стряпню на ежеденную;
Не нарядит братец миленький
На Дунай-реку коня поить;
Не пошлет родимая сестрица
На Дунай-реку по свежу воду,
Не знать-то они, меня жалеючи,
Не знать, вовсе избываючи.
Избывает родимый батюшка,
Будто ворота меня со города,
Избывает родимая матушка,
Как малу пташку из тепла гнезда,
Избывает братец миленький,
Как люта зверя из темна леса;
Избывает любезна сношенька,
Как худу траву со чиста поля,
Как худу траву подкошенную,
Подкошенную, да несгребенную!
Избывши, да меня хватятся,
Не во времечко догадаются,

*Как попадет родимый батюшко
На страду, страду сенокосную.
Они вперед-то едут — не хватятся,
Они взад-то поедут — меня хватятся,*

*Не во времечко догадаются:
«Как не стало у нас работницы,
Самолучшия сенокосницы!»*

232. *Вы голубушки подруженьки,
Вы лебедушки да белые,
Вы соседушки болезные,
Что вы долго снаряжались,
Иль посылку дожидались?
Мне послать-то было некого,
Мне самой-то идти не время:
Мне подрезали скоры ноженьки.
Не пришли, знать, вы за спесию
Да за гордостью великою, —
Не за спесию, не за гордостью,
А за делом за домовьем.
Не прогневайтесь, подруженьки
И соседушки болезные,
Что не вышла, вас не встретила
Среди улицы широкая,
Среди мостика калинового,
Серед лесенки брусовыя,*

*Не становилась я, красна девица,
Супротив креста поклонного,
Что поклонного да богомольного,
Среди креста дороженьки,
Среди польныя, проезжия.
Не могу встать-приподняться
Я от лавочки-то от дубовыя,
От опушечки-то от кленовыя —
Скоры ноженьки-то подогнулись,
Белы рученьки-то опустилися,
Ретиво-то сердце испугалось, —
Испугал кормилец батюшка
И родимая-то матушка,
Испугали меня, девицу,
Что чужой злодейкой стороной,
И злодеем злым чужим людям,
И дородным добрым молодцем.*

Когда было закончено с приготовлением приданого и даров, накануне свадьбы обязательно в доме невесты проводили девичник, а в доме жениха — мальчишник. Это был последний день и последняя ночь пребывания невесты в доме родителей. Этот день был особенно тяжелым для нее. Она прощалась с домом, с подругами, с вольной девичьей жизнью. Переход девушки-невесты «из девиц в молодухи» происходил постепенно, но кульминационным его моментом был мотив потери красоты-воли. В зависимости от местной традиции в роли красоты могла выступать коса, деревце (елочка или березка), лента, девичья повязка.

Во многих районах в день девичника топили баню, где невеста мылась со своими подругами. При этом звучало много песен и причитаний, объединенных единой темой — расставанием с девичьей красотой, и мытье в бане расценивалось как ее утрата (смывание).

*Ты пойдём, милая подруженька.
Ты посмой-ка красу девичью,
Что свою-то волю-волюшку —*

так причитала подруга невесты, приглашая ее в баню.

233. *Вы вставайте-ка, белые лебеди,
 Что подруженьки мои милые,
 Что пора вам топить банюшку!
 Вы скажите, мои подруженьки,
 Как вам ночью спалось,
 Как вам спалось, да вам лежалось?
 А уж мне, горькой горюшке,
 Да не спалось, да не лежалось,
 Да малесенько да позабылася!
 Только видела три сна.
 Уж как первый сон мне привиделся:
 Мимо батюшкина широка двора,
 Мимо матушкиной горницы
 Пролетал сизой орел,
 Прокричал громким голосом,*

*Что пора вставать красной девице,
 Что пора вставать, обужаючи!
 Уж как второй сон мне привиделся,
 Что ходила да на Дунай-реку,
 На Дунай-реку да на ключ-воду,
 Да у бережка-то оступилася,
 Я хваталась да за осочинку,
 Приобрезала да белы пальчики!
 А уж третий сон да мне привиделся,
 Что стояла-то я, молодешенька,
 Что стояла я да в Божьей церкви,
 В Божьей церкви
 да с добрым молодцем,
 Обручалась да золотым кольцом!*

Каждое утро невеста причитает матери, рассказывая свой «сон».

234. *Мне ночью, молодешеньке,
 Мало спалось, много виделось:
 Я ходила, млада, гуляла
 Во зеленой во дубравушке.
 Как во той во зеленой дубравушке
 Тут стоит да белая березонька,
 Зелена она, кудреватая,
 Со цветочками со аленькими.
 Как под той под белой березонькой
 Тут и лежит да бел-горюч камень.
 Как из-под того горюча камня
 Протекали три медвяна ручья.
 По тому ли по медвяну ручью
 Тут и плавали белы лебедушки,
 Они плавали да купались,
 Они вместе все за единое.
 Что одна из них бела лебедушка,
 Отменитая от подруженек,
 Она не плавает, не купается,
 Она крылышком не умывается,
 Она перышком не утирается.
 Я сама, млада, знаю-ведаю,*

*Молодым умом догадаюся, —
 Не во сне ли мне снилось,
 Наяву ли мне показалось.
 То кака зелена дубравушка?
 То батюшков да широкий двор.
 То кака да бела березонька?
 То стоит да тепла парушка
 Со дымами да со кудрявыми,
 Со парами да со медвяными.
 То каки цветочки аленьки?
 То моя да дивья красота.
 То какие три ручья текли?
 То нагреты слизки щелоки
 Про меня, да молодешеньку,
 Мне помыться да попариться
 Со кумами да со подружками.
 То каки да белы лебедушки?
 То мои да милые подруженьки,
 Они моются да они парятся,
 Они вместе все за единое.
 То как да бела лебедушка
 Она не плавает да не купается?*

*То ведь, да молодешенька,
Отменита от подруженек,
Во тоске да во кручинушке,
Запорученная головушка
Во чужую дальнюю сторону,
Во злодейку да незнакомую.
Я не моюся, не купаюся.*

*Они сомыют с меня дивью красоту,
С ретива сердца тоску-кручинушку,
Со бела лица да горючи слезы.
Мне не смыть, да молодешеньке,
С ретива сердца тоску-кручинушку,
Со бела лица горючи слезы, —
Только я сомыю да дивью красоту.*

235. *Вы вставайте-ка, милы подруженьки,
Вы вставайте-ка, пробужайтесь.
Не пора ли вам высыпаться,
Пора-времечко пробужатися:
На дворе-то да свет светает,
Занимается заря утренняя,
Всходит да солнце красное,
По широкой да по улице*

*Ходят да люди добрые.
Вы вставайте-ка, пробужайтесь,
Вы топите да теплу парушку —
Мне помыться да попариться,
Мне смывать да со бела лица,
Со бела лица горючи слезы,
С ретива сердца тоску-кручинушку,
Мне смывать да дивью красоту.*

Когда топили баню, девушки там же пели песни.

236. *Топись, топись, баенка,
Кались, кались, каменка!
Распарись, Марья-душа,
Умойся, Алексеевна.
Что во эта парня баенка
Не смоеет черной грязи,
А моет красну красоту
И всю девишну вольну волюшку,
Со бела лица смоеет все румянчики,
Со ретива сердца все весельюшко...*

237. *Ты топись-ка, топись, баенка,
Да разгорися, нова каменка,
Да разгоритесь, сыры дрова,
Да что сыры дрова березовые!
Мы носили серы камешки
Что со трех полев со чистых.
Мы носили студенту воду
Что со трех ключей кипучих.
Мы ломали шелков венечек
Что со трех берез кудрявых,
Чтоб отмыть-то красну красоту,
Что девичью вольну волюшку.*

Перед тем как вести невесту в баню, ее посадят посередине комнаты под матицей на квашню, покрытую шубой, и чешут ей голову, сперва подружки, а потом родные. Кто расплетает косу, тот и берет ленту.

238. *Потрудись-ка, мила сестрица,
Покарауль-ка мою дивью красоту,
Постой-ка у банного
дымного окошечка.
Как полетит моя дивья красота*

*Дымным банным окошечком
Со дымами да со кудрявыми,
Со парами да со медвяными, —
Сохватай-ка ты, мила сестрица,
Мою да дивью красоту,*

*Ты возьми ее да на белы ручки,
Ты прижми ее да к ретиву сердцу,
Полетит моя дивья красота
На сине море Хвалынского,
Сохватает там рыба белая
Что мою да дивью красоту.
И запрут ее на синем море*

*Что на тридцать три замка,
Что на тридцать три ключа,
Да и бросят эти ключики
Во сине море Хвалынского.
Не увидят мои русы волосы,
Не увидят они свету белого!*

В бане девушки мылись вместе. В одних районах, когда вели невесту в баню, перед ней несли наряженный лентами веник, в других — прутиками от веника вершили дорожку, то есть разбирали веник и втыкали прутики по краям дорожки, по которой шла невеста.

239. *Раскатися ты, баня-паруша,
Что на все четыре стороны
По единому бревешечку.
Становитесь вы, бревешечки,
Что по старым по местчикам,
Что лесами да темными,
Не пройти чтоб, не проехати
Моему-то разлучнику,
Моему супротивничку.
Рассыпья ты, жарка каменка,
Что на все четыре стороны
По единому камешочку.
Становитесь вы, камешочки,
Что по старым-то по местечикам*

*Что горами да высокими,
Не пройти чтоб, не проехати
Что моему-то разлучнику,
Моему да супротивничку.
Вы рассыпьясь-ка, венички,
Что на все четыре стороны
По единому пруточичку.
Становитесь, пруточички,
Что по старым по местечикам,
Что частым березничком,
Не пойти чтоб, не проехати
Моему-то да разлучнику,
Моему да супротивничку.*

Невеста, выходя из бани, передавала веник подруге, а та через плечо бросала веник на крышу. Гадали — если веник упадет комлем к церкви, то значит, невеста умрет. У дома невесту встречали отец с матерью с иконой и благословляли, а невеста снова начинала причитать.

240. *Вам спасибо, мои подруженьки,
Что стопили парну баенку!
И не спасибо, мои подруженьки,
Что ведь эта парна баенка
И угарна и обманчива:
Она не вымоет черной грязи,
А только вымоет
всю девичью красну красоту.*

*Всю девичью вольну волюшку!
Обманули подруженьки,
Не обмыли черной грязи,
А обмыли красну красоту
Да девичью вольну волюшку,
Зазнобили ретиво сердце!*

Когда шли из бани, девушки пели песни.

241. *Не спасибо, баня-паруша,
Не намыла, не напарила.
Только смыла, только спарила
Ты мою да девью красоту,
Красоту да украшенницу.*
242. *Тебе спасибо, баня-парушка,
Меня помыла, попарила.
Ой с малых лет и до возрасту!
Ой раскатись, баня-паруша,
А и рассыпись, каменка.
Ой передам я шелков венник
Сват-то милой подруженьке!
Встречайте вы, жалостливые,
Ой мой кормилец да тятенька,
Моя родимая маменька,
Меня из бани из паруши
Ой со своими подругами!
Ой приоткройте окошечку,
Ой приотдвиньте задвижечку,
Ой поглядите, жалостливые,
Ой на широкую улицу!
Ой на широкой-то улице
Ой стоит тын серебряный,
Во тыну во серебряном
Ой стоит верба кужлявая,
Ой как тын-то серебряный —
Это мои милые подруженьки,
Ой как верба кужлявая —
Это я, ой, молодешенька!
Я без ветра шатаюся,
Без дождя умываются!*
243. *У ворот береза
Она стояла,
У ворот кудрявая!
Под ворот гуляла
Да Настасья-душа,
Да Настасья — душа!
Верхи березы она
Соломила, соломила,
Да верхи березы!
«Поживи, батюшка
Сударь, без меня,
Да поживи, родненький!
Коли я ли тебе надокучила,
Да коли я ли тебе
Своей гульбой,
Гульбой девичьей!
Да своей я ли гульбой,
Своей красотой,
Красной девичьей!
Своей красотой —
Своей косой,
Косой русою,
Своей я косой!»*

После бани продолжался девичник, где сестры и подруги невесты расчесывали ей волосы, заплетали и расплетали косу. С причетом невеста обращалась к сестре или к своей «кумушке-подруженьке», которая «на возрасте», то есть которую будут скоро сватать, и передавала «вольну-волюшку» в виде ленты, косника, девичьей повязки. Во время расплетания косы и расчесывания волос невеста сидела на шубе, разложенной на скамейке под матицей. Часто подобный обряд происходил и утром перед

венчанием. Под венец невеста шла с распущенными волосами, но сразу же после венчания, в церковной сторожке или после приезда в дом жениха, ей заплетали две косы, укладывали их на голове и надевали женский головной убор.

244. *Уж и родимый ты мой татенька,
Уж и куда ты меня да повел-то?
Уж не на работочку на тяжелую,
Уж не на гуляночку на веселую,
Уж родимый ты мой татенька,
Уж впереди меня да не хаживал,
Уж в белой шубе ты меня не важивал.
Уж и выводи ты меня, родимый татенька,
Уж из новой-то из горенки,
Уж из-за брусчатой-то грядоньки,
Уж и спроводи меня, родимый татенька,
Уж ко передней лавочке,
Уж ко середнему окошечку,
Уж и дай мне в руки да платочек,
Уж и мне плакать весь денечек.*

Причеты невесты-сироты были особенно печальны.

245. *Ой да покатись, да мой зычен голос,
Да далеко да по сырой земле.
Уж высоко да по поднебесью.
Дак докатись, да мой зычен голос,
Уж до погоста до буева,
Да до святой-то могилушки.
Да прилетите, да гуси серые,
Уж распорхните, да пески желтые,
Уж накатись, да туча грозная,
Уж упади-ка, синей камень,
Да расшиби да гробову доску.
А дуньте, ветры те буйные,
Уж сдуньте с лица да полотенышко,*
- Отшиби да ручку правую
Уж от сердечка ретивого.
Уж здыми брови те черные,
Ты открой да очи ясные,
Уж стань на ножки те резвые,
Промолвь со мной одно словечико.
Уж глупа, глупая девица,
Глупая да неразумная.
Уж не растеет да отростеньице
Уж от сухого-то деревца,
Уж не выходят-то выходчи
С того свету белого.*
246. *Раскачалась, расцепалась грушица.
Раскланялась, расплакалась
Что душа красна девица
Перед своим родимым тятенькой,*
- Перед своей родимой маменькой,
Перед своими родными братчиками,
Перед своими родными сестрицами:
«Еще я ли хочу спросить, —*

Что у тя, родимый тятенька,
 Что у тя, родима маменька,
 Что у вас, милы братчики,
 Что у вас, милы сестрицы,
 Что у вас за заботушка,
 Что у вас за работушка.
 За дымы за кудрявые,
 За чады за зеленые?»
 «Мы пива варим, мы вина курим
 Что на твой да на девичничек,
 На веселый посиделочек.
 Мы хотим тебя во замуж отдать

За удала добра молодца
 За Ивана Петрованыча.
 «Не хочу я во замуж идти!
 Нельзя ли думку отдумати,
 И нельзя ли передумати?»
 «Ты дитя наше дитятко,
 Нам нельзя передумати:
 У нас слово было сказано,
 По рукам было ударено,
 Зелено вино выпито,
 Горючи слезы пролиты».

247. Припаду ли я, молодешенька,
 Я ко листу, ко дереву —
 Нет от листу, от дерева
 Ни ответу и ни привету.
 Припаду ли я, молодешенька,
 Ко своей тетушке-голубушке:
 «Ты скажи-ка мне, тетушка,
 Про чужу дальню сторону.
 У моего-то родима батюшка,
 У моей-то родимой матушки
 Вечор были да сваты свататься.
 У них поклоны-то низкие,
 Слова-то у них ласковые,
 Речь-то у них привеливая,
 Говорят они, да все хвастают:

«Как чужа-то дальня сторонушка
 На горе стоит да на высокоей,
 На красоте стоит да на великой,
 Занимается у нас да заря утренняя,
 Восходит да красно солнышко —
 Не встают у нас рано поутру,
 Не ходят у нас да на работушку.
 Застает да красно солнышко
 На кроваточке да на тесовенькой,
 На перинушке да на пуховенькой,
 На подушечке да на парчовенькой».
 «Не сдавайся ты, милая племянница,
 На ихни-то умы-разумы.
 Слова-то ласковые — обманчивые».

На девичнике, где основные участники — девушки, тоже звучало много песен.

248. — Перепелочка, ласточка,
 Ты зачем рано вылетаешь
 Из своего гнезда теплого?
 — Ах вы свет мои малые пташечки,
 Ах вы свет мои косатые!
 Не сама-то я вылетаваю
 Из своего-то из теплого гнездышка:
 Выбивает меня млад ясен сокол,
 Он своим-то могучим крылом.

Ах ты свет-то наша подруженька,
 Ах ты свет-то наша голубушка,
 Свет Марья душа Ивановна!
 Ты к чему рано замуж пошла,
 Ты к чему рано задумала
 За дородного доброго молодца,
 За Василья свет Васильевича?
 — Ах вы свет мои подруженьки,
 Ах вы свет мои голубушки!

Не сама-то я замуж пошла,
 Не сама-то я задумала;
 Отдает меня сударь батюшка.
 Свет Иван сударь Прохорович,

249. Как по улице дождь поливает,
 У нас в Виске-то девок убывает,
 Молодушек-то да прибываети.
 Уж вы, девушки, да поиграйте,
 Еще вы, молодцы, да погодите,
 Еще жалобно на девок не смотрите.
 Еще взглядом-то девушку не возьмешь:
 Еще взять-то, взять да сполубови,
 Что со батюшкиного благословенья,
 Что со матушкина дозволенья.
 Уж я батюшку да говорила,
 Уж я свету родному доносила:
 «Не отдай меня, батюшка, замуж,
 Не задорься на высокие хоромы:
 Не с хоромами жить — с человеком.
 Мне не с платьем — да со советом.
 Много цветного платица на грядке,
 Что неровнюша лежит да на кровати,
 Разувать, разболокать да заставляет.
 Еще мне покориться да не охота,

250. Я брошу, брошу, камешек,
 Я в огонь камень, во пламечко:
 Горит, горит — перегорит,
 Бежит, бежит — перебежит,
 Бежит брат к родной сестры,
 Прижала его кус за навесу,
 «Ты сестра моя голубушка,
 Ты не знаешь, не ведаешь,
 Отдают нашу большу сестру
 В чужи люди не свойские?»
 «Ох ты гой еси, мой брат ронный,
 Сходи во конюшен двор,
 Выбирай лошадь добрую,
 Наступчатую,

С государыней родной матушкой,
 Свет Анисьей душой Андреевной.
 Притакнули им весь род-племя.

Своей спинушки да присогнути,
 Белых ручушек да примарати,
 Золотых перстней да поломати.
 Поклоны-то низки — переманчивые.
 На чужой-то дальней сторонушке
 Не занимается там заря утренняя,
 Не всходит там да красно солнышко.
 Как чужая да дальня сторонушка
 Во темном лесу да во раменье,
 Не пшеной она да изусеяна —
 Тоской-кручинушкой изусеяна,
 Горючьми слезьми исполевана,
 Она печалью да огорожена,
 Кручинушкой изувязана.
 Как чужой-то свекор-батюшка
 Без вины-то он журит-бранит.
 На чужой-то дальней сторонушке
 Надо жить-то-быть умеючи;
 Голова держать поклонная,
 Ретиво сердце покорное».

Съежди во чисто поле,
 Секи, братец, засеку —
 С востоку до западу —
 Не пройти бы, не проехати
 Ни конному, ни пешему,
 Нашей свашеньке с боярами,
 Нашему тысяцкому с посвешниками.
 Изведай, мой брат ронный,
 Не пьет ли он зелена вина,
 Не играет ли костью, картами?
 Осударь ты мой батюшка,
 Осударыня матушка,
 У вас сердце каменное,
 В оларет сердце положенное,

Трама замками запертое,
 Ключи в море спущены.
 Вы меня избываете,
 Как лиху траву из поля,
 Меня, младу, из терема,
 Непоспелую яблоньку,
 Непоздрелую в поле сосенку».

В песнях и причетах на девичнике продолжает звучать тема прощания с «красотой». Девушек обязательно угощали, а во главе стола сидела невеста.

251. *Подойди, моя голубушка,
 Моя милая подруженька.
 Ты Варвара свет Ивановна!
 Ты сними, моя голубушка,
 Что мою-то девью красоту
 Со моей-то буйной головы!
 Ты носи ту девью красоту
 С головы да не снимаючи
 И меня-то вспоминаючи.
 Вспомяни меня ты, бедную,
 Хотя в три денька одинова.
 Если часто покажется —
 В три недельки хоть одинова,
 Может часто покажется —
 В три недельки хоть одинова,
 Может часто покажется —
 Так в три годы одинова.
 Что моя-то девья красота
 Никому она не надобна.
 Я снесу да девью красоту
 Во леса-то во темные,
 Я повешу девью красоту
 Что на белу березоньку.
 Что придут люди добрые
 С топорами со вострыми
 И подрубят березоньку,
 Что березоньку кужлявую.
 Упадет да девья красота
 Что на матушку сыру землю,*

*На траву да на шелковую,
 На цветы да на лазоревы.
 Подкосят траву шелковую
 Что косами-то вострыми.
 И осудят люди добрые,
 Когда будут сходитися,
 На мою красу дивитися:
 Она честно изношена,
 Да не к месту положена.
 Тут моей девьей красоте
 Ей не место, не местечко,
 Не житье вековечное.
 Понесу я девью красоту
 Ко матушке церкви божией
 За престол Богородицы.
 Что придут люди добрые,
 И восхвалят люди добрые:
 «Это чья же дочка умная,
 Уж и чья она разумная?
 Уж ее да девья красота
 Она с честью изношена
 И ко месту положена.
 Тут ей местечко угоднее
 И житье ей вековечное».*

252. *Уж ты мила моя подружечка,
Уж и порядовна ты моя да соседушка,
Уж у кого ты спросилася
И у кого да доложилася
Уж и растрепать-то меня, да красну девушку,
Уж и снять да вольну-то да волюшку,
И хазовую повязочку
Да бисерну присадочку?
Уж и поднялись у тебя да белы ручушки
Уж и на мою да буйну голову,
Уж и на мои да русы волосы,
Уж и расплести да трубчату косу,
Уж и отобрать да косоплеточку!..*

254. *Я возьму свою красоту
Во свои руки белые,
Я снесу свою красоту
Во леса во дремучие,
Повешу свою красоту
Я на белую березоньку,
Тут не место ей, не местечко:
Как придет зима холодная,
Нападут снега белые,
И придут люди добрые
С топорами со вострыми,
Подсекут белу березоньку, —
Упадет моя красота
На снега-то на белые.
Как придет весна красная,
Как растают снега белые,
Потекут реки быстрые, —
Унесут мою красоту
Во луга во зеленые,
На травы на шелковые,
На цветы на лазоревы.*

253. *Расплели-то мою косу девичью,
Косу русую, да красу девичью.
Подойди, родима матушка,
Причеши мою головушку
И отдай мою красу девичью
Моим подружкам!
Лебедушка-то моя белая,
Подружка ты моя милая,
Погорюем-то мы вместе горюшко,
Поделим мы тоску-кручинушку!
Нарушили-то мою красу девичью,
Красу девичью да волю вольную!*

*И придет лето теплое,
И пойдут люди добрые
Со косами со вострыми,
Подкосят люди добрые
Те травы-то шелковые, —
Упадет моя красота
Что на щетку колючую, —
Тут не место ей, не местечко.
Я снесу свою красоту
Ко Ивану Предтече,
Положу свою красоту
За престол Божьей матери.
И придут люди добрые
Во церкву божественну,
И увидят люди добрые
Мою девью-то красоту:
«Ужо чья это красота?
Она красно красовалася,
Она баско наряжалася
У родимого батюшки,
У родимой-то матушки».*

255. *Ты пошьешь, кормилица,
Родитель моя мамонька,
Только в чем буду просити
Я да говори!*

*Отойди, кормилица,
Родитель моя мамонька,
Ты от печи кирпичные,
От столба горемычного,*

Подойди-ка, кормилица,
Родитель моя мамонька,
Ко мне, ко молодежи,
Ты ко мне, молодешеньке,
Ты возьмись-ка, кормилица,
За мою за русу косу,
Заплети-ка, кормилица,
Ты в мою русу косу
Два ножа, да два булатные,
Две сабелечки острые,

256. Как при вечере, вечере,
При последнем часу вечере,
При свет Катеринином девичнике
Прилетели ясны соколы,
Ясны соколы залетные.
Один садился под окошечко
На серебряну решеточку.
На золочену причаленку.
Причаленка сколыхнулась,
Ясен сокол встрепенулся,
Встрепенулся, полетел
Мимо садика зеленого,
Мимо терема высокого.
Что узрела, что увидела
Его родная матушка,
Говорила своей дочери:
«Ты дитя ль мое, дитяtko,
Ты Катерина Григорьевна,
Ты прियाй-ка ясна сокола,
Ясна сокола залетного.

257. Ты река ли моя реченька,
Ты река ли моя быстрая,
Ты река ли моя быстрая!
Течет речка не колыхнется,
Да с бережками не сравняется,
Да и с песком не смешается.
Да на тебе ли, моя реченька,

Две иголки колющие!
Да приеду я, молода,
Я ко Усыплению ко светлому,
Ко звону заунывному!
Только станет крестна матушка
За мою косу братися,
Да и обрежет крестна матушка
Свои белые рученьки
По самые кисточки!

- Добра молодца заезжего!»
«Ты родимая матушка,
Я бы рада его прияла,
Мое сердце не оборотится,
живот кровью обливается,
Резвы ножки спотыкаются,
Белы ручки опуцаются,
С плеч головушка скатилась,
Ты родимая матушка!
Рассуди ты мой дивный сон.
Что я нонче во сне видела:
Будто у наших у широких у ворот
Сине море разливается,
Сизый селезень купается,
Сера утка окунается.
«Ты дитя ль мое, дитяtko,
Ты Катерина Григорьевна,
Сине море — подворьце твое,
Серая утица — свашенька,
Сизый селезень — суженый твой».

Да на тебе ли, моя быстрая,
Мало струй да посеребрено,
Одна струя да позолочена!
Снарядить-то-справить есть кому,
Благословить-то сиротушку некому!
Попрошу я крестного батюшку,
Чтобы вышел на широкий двор,

*Оседлал бы коня ворона
И поехал ко божьей церкви,
Попросил отца духовного,
Чтоб он взял ключи жемчужные
И ударил бы в большой колокол!
Расступись, мать сыра земля,
Расколися, гробова доска,*

*Восстань, родима матушка,
На единый часок времени —
Благословить меня сиротушку
Что на этот часок-времечко
Что под злат венец серебряный,
Под кольцо да обручальное.*

258. *По морю-морю, по морю синему,
Морю Хвалынскому
Плавала лебедь белая,
Лебедь залетная;
Крыльями бьет о сине море
Да об Хвалынское.
Голову клонит на крутые берега
Да на рассыпчатые,
Жалобу творила на холодную зиму
На морозливую:
«Будет зима, зима холодная,
Зима морозливая;
Выпадут снега глубокие,
Будут морозы рождественские
И крещенские;
Позябнут лапочки лебединые.
Как будет отстать прочь от Волги-реки?
Как будет пристать к болотной воде?»
По сеням, сеням батюшкиным,
Сеням матушкиным
Ходила-гуляла красна девица,
Душа Елена Павловна.
Голову клонила на могучие плечи,
Руки жмет к ретивому сердцу,
Слезы роняет на цветное платье,
Жалобу творила на родимого отца:
«Бог тебе судья, родимый батюшка,
Зачем меня, молоду, замуж отдаешь?»
Как будет прочь отстать от батюшки,
Как будет пристать мне к чужому отцу,
К чужой матушке?*

*Как будет называть мне чужого отца? Свекром звать — так не водится;
Батюшкой назвать мне не хочется, Сжав свое сердце, сжав ретивое,
По имени звать — так не честь, не хвала, Назвать батюшкой».*

259. *Выходи встречай, подруженька,
Выходи встречай, голубушка,
Да ты своих-то подруг милых,
Ты своих-то подруг милых.
Да подлетает девья краса,
Подлетает девья красота
Да к уголочку, к твоему домику,
К уголочку, к твоему домику!
Да вспомни, милая подруженька,
Вспомни, милая подруженька,
Да как сидели мы в беседушке,*

*Как сидели мы в беседушке,
Да говорили — нонче замуж не пойдем,
Говорили — нонче замуж не пойдем.
Да а теперь у нас изменница,
А теперь у нас изменница,
Да изменила отца с матерью,
Изменила отца с матерью,
Да, во-вторые, сестер с братьями,
Во вторые, сестер с братьями,
Да а во-третьих, подруг милых,
А во-третьих, подруг милых!*

Елочка «Девья красота» на углу избы

* Каждая строка повторяется
два раза.

260. *Ой вы сборы, сборы, да сборы Дунины*,
Ой собирала она да себе подружек,
Ой себе подружек да красных девушек,
Она сажала их да за дубовый стол.
Сама садилась да она выше всех,
Головку клонила да она ниже всех,
Думушку думала она крепче всех:
«Ой, как-то будет мне, да мне свекра назвать?
А назову я свекром, а он рассердится,
А родным батюшкой — да мне не хочется!
А я убавлю себе да спеси-гордости,
А я прибавлю себе да чести-милости,
А назову я свекра да родный батюшка,
А свекровушку — да родной матушкой,
А золовушку — сестрицей-ластушкой, —
А мне от этого да худа не будет,
А со белого лица красочки не спадет».*

<p>261. — <i>Ах вы соколы мои ясные, А где же бывали, чего же вы слышали, Кого же вы слышали? — Уж мы видели диво-дивное, Уж мы слышали чудо-чудное: Белое лебедь на заводи И серу утицу под кустиком, Красну девушку в высоком терему. — Почто же вы ей не вняли, Не расчесали русу косу, Не разложили косу надвое? Ты коса, ты моя русая, Ты краса, ты моя девья, Отдам я свою красоту</i></p>	<p><i>Полюбовно своей подруженьке, Пусть красуется подруженька Красою моей русою, Красою моей девьею. Буди тебе века не надобно, Имя буди тебе века не надобно. Уж я выйду на красно крыльцо, Возмолюся свету-Господу: — Нанеси, Бог, тучу грозную, С ветрами со буйными, С дождями со мелкими, Унесите мою красоту За горы, за горы высокие, За доли, доли широкие.</i></p>
--	--

На девешник жених обязательно привозил невесте подарки. В свою очередь невеста раздавала дары жениху и жениховой родне.

262. *Не поет ли пташечка рано по заре,
Не плачет ли девица об русой косе?
Вечор ее косыньку девушки плели,
Да девушки плели!*

Да привезли гости товару всякого
 Да привезли они атласу и бархату,
 Да привезли они башмачки зелен сафьян,
 Да привезли они чулочки одиночного сукна,
 Да одиночного сукна да холмогорского шитья,
 У Натальюшки батюшка жалостлив,
 Да он поутру встаете ранешенько,
 Да он моется да умывается,
 Утирается на Богу молится,
 Да Богу молится да оболокается,
 Да рукавицы бере, шапку накладываете,
 Да пошел он по торгам да по лавицам,
 Да он купил ей башмачки зелен сафьян,
 Да купил ей чулочки одиночного сукна,
 Да одиночного сукна да холмогорского шитья,
 Да он купил ей атласу и бархату,
 Да он купил ей сережки во чудны уши,
 Да он купил ей ожерелье на белую шею,
 Да он купил ей повязку на буйну голову,
 Да отдавал он Натальюшке на руки:
 «Да ты-от красуйся, милуйся, красна девушка,
 Красна девица Наталья (Михайловна)».
 Ой калина ли, ой малина ли моя.

И вот уже розданы подарки всей жениховой родне и снова девушки запели:

269. Уж как на горе-горе, Да в полукосогоре Тут стоял новый терем Со новыми сеням, со красным крылечком, Со крутыми переходам. Как по тем же по сеням, Как по тем же по новым	Тут ходила-гуляла Душа красна девица, Свет Анна Петровна; Она ходила-гуляла, Сундуки отворяла, Все дары вынимала, Ко дарам говорила: «Вы дары мои, дары,	Вы дары дорогие! Я не год вас копила, Я не два сподобляла, — Я копила дарочки Ровно двадцать годочков, Раздарила дарочки Я единым часочком, Я единой минутой».
270. По пороше, по белу снежку, По пороше, по белу снежку, Разъезжал добрый молодец, Разъезжал добрый молодец — Да Иван Васильевич,	Да Иван Васильевич На своем добром коне, На своем добром коне, По ним конь-то во сто рублей, На коне ковер — во тысячу.	

Ино кто это ковер вышивал,
Ино кто это узорчатой?
Вышивала красна девица-душа,
Да она хорошая
Да Марья Васильевна,
Да Марья Васильевна.
Шла днем — против солнышка,
Вечеру — против огонечка.
А как добрый молодец
Загулял во высокой терем,
И он слушал-выслушивал,
Что во тереме говорят.

Во высоком гуторят:
«Вы берите золоты ключи,
Отмыкайте золоты ларцы,
Вы возьмите малинова сукна,
Вы сошейте Ивану сюртук,
Вы сошейте Васильевичу.
Чтоб не долг, не короток был, —
Во подоле — раструбистой,
К ретиву сердцу — прижимистой,
Чтобы легче на коня скочить,
Хорошо по улице пройтись
Мимо Марьяна окошечка!»

271. Как при вечере-вечере,
При последнем часу-времечке,
При княгинином девичнике
Вылетал же млад ясен сокол;
Он садился на окошечко,
На серебряну решеточку,
На шелкову занавесочку.
Как увидела да узрела
Свет княгинина матушка:

«Ты дитя мое, дитяtko,
Ты дитя, чадо милое!
Приголубь ты ясного сокола,
Ясного сокола залетного,
Доброго молодца заезжего!»
«Я бы рада приголубить его —
Скоры ножки подломилися,
Белы руки опустилися,
Красота с лица сменилася».

272. Летал сокол по крутым по горам,
Искал сокол лебединые стада.
Как нашел же сокол лебединые стада,
Всех лебедек разогнал,
Одною только поймал
За правое крыло, за павлиное перо.
Просила лебедушка у сокола полетать:
«Пусти, пусти, соколик,
Меня к лебедам полетать!»
«Тогда, лебедушка, я тебя пущу,
Когда все перушки общиплю».
Ездил Иван по чужой стороне,
По сорокинской слободе.
Искал Иван девок хоровод.
И нашел Иван хоровод, —

Кол Микитиных ворот
Стоит девок хоровод.
Всех девушек разогнал.
И всех красных распужал,
одною только поймал
Он за правую руку,
За золотой перстенек.
Просилася Прасковьюшка
У Ивана погулять:
«Ты пусти мен, Иван,
К красным девкам погулять!»
«Я тогда тебя пущу
Когда косу русу расплету,
По плечушкам распущу».

273. *Вы лебедушки-подруженьки,
Вы лебедушки мои белые!
Уж придет-то к вам весна красная,
Расцветут-то и все цветики,
Расцветут и все лазоревы;
Вы пойдете во зелены луга,
Вы сорвете-тка все по цветику,
Вы совейте-тка все по венчику,
Уж останется один мой цветик,
Уж не совьется-то один мой венчик.
Вы лебедушки мои подруженьки,*
- Вы лебедушки мои белые!
Вы сорвите-тка и мой цветок,
Вы совейте-тка и мой веноч.
Вы пойдете-тка по улице,
Вы пойдете-тка по широкой.
Вы пойдете-тка мимо батюшки,
Мимо-то батюшки, мимо матушки,
Положите-тка вы к ним на окошечко:
Не ужаснется ли их сердечушко,
Не ужаснется ли их ретивое?*

274. *Уж и красно да мое солнышко,
Уж родимой да мой тятенька,
Уж пожалел ты казны государевой,
Уж подорожил ты серебряной копеечки,
Уж не сумел ты меня срядить-то и снарядить-то,
Уж и не походила я, не погуляла,
Уж я жила у вас да красовалась,
Уж и когда в пелены да пеленалась,
Уж и когда в зыбочке да качалась.
Уж ты тятенька, меня годов в десять да увез,
Уж как я вам да надоела,
Уж я и была, видно, у вас да непословна,
Моя головушка была да непоклонна,
Резвы ножечки мои да небезливы,
Белы ручки мои да неухватливы?
Уж в чужих людях да не жила,
Уж и чужого хлеба да не едала,
Уж и работы да не рабатывала.
Уж в чужих-то да людях добрых
Уж надо жить да умеючи,
Уж умеючи да гораздеючи,
Уж надь резвым ножкам да быть бежным,
Уж белым ручкам да ухватчивым,
Уж и над быть головушке да поклонной,
Уж и поклонной да пословной,
Уж ретиво сердце да надь услужливо,
Уж надь шелковой травы да пониже,
Уж ключевой воды да пожижже.*

275. Бёгли коники лугами,
 Ой, рано-раненько, лугами.
 Сбили травушку ногами,
 Ой, рано-раненько, ногами.
 Прибегали на двор, заржали,
 Ой, рано-раненько, заржали.
 Никто коника не спознал,
 Ой, рано-раненько, не спознал.
 Никто в стаенку не загнал,
 Ой, рано-раненько, не загнал.
 Вышла Ниночка, спознала,
 Ой, рано-раненько, спознала.
 Пошла, татушке сказала,
 Ой, рано-раненько, сказала:
 «Ты мой татушка, мой родный,

Ой, рано-раненько, мой родный.
 Это коники здалеку,
 Ой, рано-раненько, здалеку.
 Дайте коникам оброку,
 Ой, рано-раненько, оброку.
 Они поздненько прибегли,
 Ой, рано-раненько, прибегли.
 Они раненько побегут,
 Ой, рано-раненько, побегут.
 Меня, младеньку, повезут,
 Ой, рано-раненько, повезут.
 На тую гору крутую,
 Ой, рано-раненько, крутую.
 У тую церкву святую,
 Ой, рано-раненько, святую».

276. Уж вы симена, симена!*

* Каждая строка повторяется
два раза.

Много вас было сеяно!
 Было сеяно три поля,
 Уродилось два поля,
 Между этих меж двух полей
 Пролетали серы гуси,
 За серым гусям — лебеди.
 Пролетала лебедушка,

А серы гуси клевати,
 А лебедушка керкати:
 «Вы не клюйте, серы гуси,
 Не сама ведь я к вам пришла,
 Не сама я приехала,
 Заманил добрый молодец,
 Что Иван-то Васильевич!»

Но вот девичник закончился, расходятся подружки и поют последнюю песню:

277. Ты прощай, прощай, подруженька,
 Да ты прощай, наша голубушка.
 Да мы не будем больше к вам ходить,
 Мы будем больше троп тропить.
 Да зарастет наша тропинушка,
 Зарастет наша тропинушка
 Да частым ельничком-березничком,
 Частым ельничком-березничком
 Да раскудрявым орешничком!
 Раскудрявым орешничком!
 Да погости-ка, гостья милая,
 Погости-ка, гостья милая!
 — Да я бы рада бы погостила,

Я бы рада бы погостила,
 Да не стоят кони вороные,
 Не стоят кони вороные,
 Да не едят травы шелковые,
 Да они рвутся с широка двора,
 Они рвутся с широка двора,
 Да с широка двора на улицу,
 С широка двора на улицу,
 Да во село-то ли во Федоровско,
 Во село-то ли во Федоровско,
 Да во деревню-то Григорце,
 Во деревню-то Григорце,
 Да ко Ивану-то Иванычу!

Во многих районах за несколько дней до свадьбы варили пиво. «Заварить пиво или брагу» — означало в народе «готовиться к свадьбе». Если невеста не хотела выходить замуж, то во время приготовления пива она пробиралась на пивоварню и старалась залить огонь или перевернуть пивоварный чан. На пиво часто загадывали — «если пиво сварится к свадьбе удачно, то жизнь молодых будет счастлива». Пиво, приготовленное к свадьбе, не давали пить посторонним до совершения брака, чтобы они не испортили жизнь молодых.

Накануне дня венчания в доме невесты и в доме жениха собирались родственники и специально приглашались опытные женщины для приготовления угощений к свадебным столам. Среди обязательных угощений особое место отводилось свадебному хлебу, который в разных районах различался по названию и внешнему виду. В начале XX века повсеместно в городах и их окраинах на свадьбах чаще можно было встретить в качестве свадебного хлеба уже покупные пряники, которые затем уступили свое место тортам. В конце XIX в. в торговой части многих провинциальных городов России, в особых пряничных рядах, в зимний мясоед, от Крещения до Масленой недели, когда происходила большая часть крестьянских свадеб, можно было купить разнообразные свадебные пряники.

Вот как выглядел «сговорный пряник» из Ростова Ярославской губернии. Это большая коврижка (50 x 31 см) из пряничного теста, около 9 см толщиной, на которой на деревянных тычинках были укреплены фигуры из теста. Одни — мужчины и женщины высотой 20—17 см (четыре пары) — были изготовлены при помощи пряничных досок, другие — 6 елочек, 6 звезд и одно зеркало (небольшое зеркальце в раме из теста) — вырезаны ножом. Все фигуры были украшены бантами из разноцветной фольги, на женских фигурках головные уборы и низ платьев покрыты сусальным золотом, у мужских фигур были позолочены шляпы, галстуки и пуговицы. Цепочки для часов изготовлены из золотой канители; концы лучей у звезд и ветвей у елок были позолочены. Зеркало было убрано полотенцем, вырезанным из белой папиросной бумаги. Фигуры людей образовывали группу вокруг зеркала на фоне звезд.

Утром в день свадьбы невесту навещал кто-нибудь из родни жениха (брат, дружка) и вручал подарок от жениха, состоящий из белил, румян, серег и зеркала и гребня. Невеста обязательно отдаривала их. В это время как в доме жениха, так и в доме невесты проходили большие приготовления, собиралась вся родня. Каждая семья обязательно приносила с собой хлеб или другие угощения. Мать и сваха одевали жениха для поездки за невестой: «Его матушка снаряжала, Его черные кудри расчесывала, Ему кунью шубу надевала». Гости рассаживались за столом. Отец и мать благословляли сына «Ехать в путь-дороженьку — За своей за суженой». Посидев за столом, участники свадьбы вставали, обходили один или три раза стол и отправлялись в путь. Перед отъездом жениху пели песни с наставлениями о том, как себя вести в доме невесты.

278. *Что не шаричек по горенке катался,
 Да не с конца к концу по блюду рассыпался,
 У нас Иван-то жениться снаряжался,
 Да свет Васильевич сподоблялся.
 Да его матушка снаряжала,
 Да государыня сподобляла,
 Да хорошо кудри да расчесала,
 Да словесами ему да наказала:
 «Да ты поедешь, мое дитяtko, жениться,
 Да что на душе на красной на девице,
 Да тебе станут девицы песни пети.
 Да расхорошу невесту припевати,
 Да у нас Нюшенькой называти,
 Да что Ивановной величати, —
 Да не дари ты ни рублем, ни подарком,
 Да подари ты ее низким поклоном,
 Помилее всего поцелуй ты ее»
 Ай Дунай, ай Дунай, за песню деньги отдай!*

279. *Белый лебедь Михайлушка,
 Белый лебедь Иванович,
 Посиди-ка ты на лавочке,
 Посмотри-ка на окошечко,
 Расчеши кудри свои белые.
 Поезжай-ка ко своему тестю во двор
 На своем добром коне.
 Не гляди у тестя поверху,
 А привяжи коня ко столбику,
 Сам иди в нову дубову горенку.
 В новой горенке дубовый стол стоит,*

*За столом красна девица сидит
 За столом красна девица сидит.
 Ай, ты бери ее за праву руку,
 Ай, да подведи к добру коню.
 Да повези ее к себе во двор.
 Он да взял ее за праву руку,
 Ай, да подвел к добру коню,
 Ай да на доброго коня посаживал,
 Ай, да коня шелковой плеткой
 подхлестывал,
 Ай, да повез ее к себе в горенку.*

280. *Летел сокол через терем-дом,
 Ударил сокол в терем крылом,
 Подавал сокол добрую весть,
 Что у Ивана Митрича в доме есть.
 У него есть конь — что орел,
 Он сам на коне — что сокол.
 Его батюшка спрашивает:
 «Куда ты, дитяtko, собрался?»
 Его матушка спрашивает:
 «Куда ты, милый, срядился?»*

*«Собрался я, матушка в дорогу,
 Пожалуйте мне, батюшка, подмогу:
 Сорок человек верховых,
 Два фалетора молодых...
 Два фалетора молодых,
 Да три каретушки золотых,
 Первую каретушку — шаферам,
 Вторую каретушку — свахыньке,
 А третью каретушку — Авдотьюшке,
 Дорогой моей невестушке»*

После родительского благословления жениха выводили во двор и сажали в сани. Лошади были украшены лентами и бубенцами. Родители с иконой выходили во двор и обсыпали весь поезд жениха хмелем.

281. — *Дитя мое, дитятко!*
Что ходишь не весел?
Что ходишь не весел,
Гуляешь не радостен?
 — *Родимая матушка!*
Как мне веселиться?
Ведь друзья-товарищи
Давно переженились,
Один я у матушки
Холост, не женат хожу.
 — *Дитя мое, дитятко!*
Выходи на улицу,
Выходи на улицу,
Выбирай невестушку —
Купеческу дочушку.
 — *Купеческа дочушка*
В поле не работница,
А мне не помощница,
- *Дитя мое, дитятко!*
Что ходишь не весел?
Что ходишь не весел,
Гуляешь не радостен?
 — *Родимая матушка!*
Как мне веселиться?
Ведь друзья-товарищи
Давно переженились,
Один я у матушки
Холост, не женат хожу.
 — *Дитя мое, дитятко,*
Выбирай невестушку —
Поповскую дочушку!
 — *Поповская дочушка*
В поле не работница,
А мне не помощница,
А мне не помощница.
 — *Дитя мое, дитятко!*
- Что ходишь не весел?*
Что ходишь не весел,
Гуляешь не радостен?
 — *Родимая матушка!*
Как мне веселиться?
Ведь друзья-товарищи
Давно переженились,
Один я у матушки
Холост, не женат хожу.
 — *Дитя мое, дитятко,*
Выбирай невестушку —
Крестьянскую дочушку.
 — *Крестьянская дочушка*
В поле работница,
В доме хозяйшка.
Крестьянская дочушка —
Та и мне помощница.
282. *У сахарного дровечка*
Одна была веточка,
Уродимого тятенки
У Григорья Иваныча
Один был милый сын,
Свет Иван Григорыч сударь.
Его любили-лелеяли,
По головушке гладили.
Говорила же ему матушка:
Ты дитя мое, дитятко,
Ты дитя, мой милый сын!
Ты поедешь жениться
И приедешь на широкий двор,
Не пуцай коня по двору,
А отдай коня конюху,
Пусть сведет его на конюший двор,
- Пусть поставит во стойлышко,*
Пусть накормит пшеницею,
Напоит медом, патокою.
Ты взойдешь на красно крыльцо —
Вытирай ножки резвые,
Не марай полы белые.
Ты взойдешь в новы сенички —
Ты снимай шляпу черную,
Ты бери ее в ручку левую.
Ты взойдешь в нову горницу —
Ты не долго Богу молися,
Ты не низко тестю кланяйся,
А пониже теще-матушке.
Докупайся до суженья,
До души красной девицы,
До Катерины Алексеевны».

Утром в день свадьбы невеста продолжала причитать. Одевают ее, как правило, подруги (подневестницы). Чтобы сглазу да нечистой силы не было, рубашку невесты закалывали крестом (в подол иголки крест-накрест втыкали), в карман клали наперсток. Невесту обязательно закрывали с головой большим платком.

283. *Раструбилась трубонька рано по заре,
Рано по заре!
Расплакалась девица об русой косе,
Об русой косе!
«Вечор мою косыньку маменька плела,
Маменька плела!
Жемчугами русую изукрасила,
Изукрасила!
Стали мою косыньку рвать и порывать,
Рвать и порывать!
Жемчуги из русой стали выбирать,
Стали выбирать!
Расти, зелена яблонька, весь век без верха,
Весь век без верха!
Живи, родима маменька, весь век без меня,
Весь век без меня!»*

284. *Ой, на дворе дождь, на дворе дождь посеменивает,
На дворе дождь, на дворе дождь посеменивает!
Ой, но одна наша девица поговаривает,
А наша Федоровна поговаривает!
Ой, просит коня, просит коня, коня батюшки,
Просит коня, просит коня, коня батюшки!
Ой, батюшкин конь, батюшкин конь не ступил, не пошел!
Батюшкин конь, батюшкин конь не ступил, не пошел!
Ой, не ступил, не пошел, не у рысь побежал,
Не ступил, не пошел, не у рысь побежал!
Ой, на дворе дождь, на дворе дождь посеменивает,
На дворе дождь, на дворе дождь посеменивает!
Ой, наша Марьюшка поговаривает,
Наша Федоровна поговаривает!
Ой, просит коня, просит коня, коня матушки,
Просит коня, просит коня, коня матушки!
Ой, матушкин конь, матушкин конь не ступил, не пошел!
Матушкин конь, матушкин конь не ступил, не пошел.*

Ой, не ступил, не пошел, не у рысь побежал!
 Не ступил, не пошел, не у рысь побежал!
 Ой, на дворе дождь, на дворе дождь посеменивает,
 На дворе дождь, на дворе дождь посеменивает!
 Ой, там наша Марьюшка погоманивает,
 Там наша Федоровна погоманивает!
 Ой, просит коня, просит коня у Иванушки,
 Просит коня, просит коня у Ивановича!
 Ох, Иванов конь, Иванов конь что ступил, то пошел!
 Иванов конь, Иванов конь что ступил, то пошел,
 Ой, что ступил, то пошел и у рысь побежал!

285. Раскукуй-ка ся, ты кукушечка,
 Ах, раскукуй-ка ся, ты залетная.
 А во чистом поле, и во рожице,
 И на сухой, черной осининке,
 Ой, как восплакнулась Марья-душа,
 Перед батюшкой она стоявши,
 Перед матушкой слезы плакавши,
 Что просила у них благословеньца:
 «Благослови меня, родный батюшка,
 Ко храму ко господнему, ко венцу ко злаченому!
 Золотой венец трудно держать —
 Подломилась скоры ноженьки,
 Опустились белы рученьки».

Невеста, встав с постели, причитает:

286. И уже стать было, невольной красной девушке,
 И мне обувь да ножки резвые,
 И во башмачки козловые,
 И во чулочки шелковые,
 И мне одень, да красной девушке,
 И мне-ка цветно свое платьице,
 И как не птиченька со гнездышка слетает,
 И красна девушка с постелюшки встает,
 И вольна воля со зголовья подымается,
 И тут Иисову молитву сотворила,
 И столько Господа Владыку попросила:
 «И благослови ж меня, Владыко многомилосливой,
 И на сесь день меня, невольницу, господний,

*И на светлое же Христово воскресенье!
И ты спаси, да пресвята мать Богородица,
И дорогу да мою вольну столько волюшку!»
И нонь сама ж того, невольна, сдивовалася,
И что, родитель, до меня ты сжаловалася.
И до сегодняшня господня божья денечка,
И ты вставать станешь по утрышку ранешенько,
И говорить станешь, родитель, ты грубешенько,
И каблучком станешь, родитель, притолакивать,
И ты сафьяновым башмачком станешь постукивать,
И шелкатурными гвоздьям в пол пощалкивать,
И возбуждаешь меня, белую лебедушку.
И как сегодняшним господним божьим денечком,
И ты поутрушку меня да не будила,
И на семь дел меня, родитель, не рядила;
И во сердца да е великое желаньице,
И во устах у тя прелестные словечушка;
И ты во гореньку ведь крадчи заходила,
И ты легошенько к кроватке подходила,
И ты Исусову молитву сотворила,
И ты ведь правой рукой да подрочила,
И ты вдругорядь же во спальну приходила,
И от крепка да сну меня тут возбудила,
И говорила, свет родитель моя матушка:
«И что ведь стань, да моя белая лебедушка,
И от крепка да сну, голубка, прохватися!»
И я проснулася, невольна, пробудилася.
И я за волюшку, невольница, схватилася,
И я за русу свою косынку спашнулася:
И взяла волюшку во белы свои рученьки,
И русу косынку брала да в золоты перстни,
И прижимала к ретливому сердечушку,
И прилагала же я ко блеклому ко личушку,
И говорила тут, невольна красна девушка:
«И наликуйся, дорога ж да воля вольная,
И ты на моей же на младой на головушке,
И пока у своих желанных свет родителей,
И все у светушка у братца ясна сокола,
И в прибереге у скаченой жемчужинки».*

(Выходя из спальни): *И ты прости же, прости ж, невольну красну девушку,
И ты прости да меня, мягкая перинушка!
И прости ранное мое да положеньице,
И прости позднее девочье пробужденьеице!
И больше в девушках, невольной, мне-ка не бывать,
И до обеда с вольной волюшкой мне не сыпать.*

(Придя в горницу): *И мне пройти было, невольной красной девушке,
И мне по высокоу пройти ж было по терему,
И как по сухому пройти да мне по дереву,
И все по этому полу да по дубовому,
И мне по этим новым сеням решетчатым.
И не от ветрышка ль терпеть да не от сивера,
И во минуту вдруг двери да отпиралися;
И мне пройти ж было, невольной красной девушке,
И мне во это в тепловито ж гнездышко,
И мне со зтыма со красныма со девушкам;
И мне пройти ж теперь, невольнице, в высок терем,
И мне во этот во почестной во большой угол;
И мне крест да класть, невольной, по-писаному,
И мне поклон вести, невольной, по-ученому,
И сотворить да мне Исуова молитовка,
И на все стороны, невольной, поклонитися,
И всобину поклон к столу да ко дубовому.
И это что ж теперь за чудо обчудилося?
И что ж ведь подолгу, родитель, высыпалася?
Как сегодня, сего денечка ж господнего,
И долго проспала с-по ранному по утрышку, —
И по садам да соловьи-то воспевают,
И по сараям петухи да возжупляют;
И еще поп-батька по церкви-то похаживат,
И как звонарь да в большой колокол вызваниват,
И столько дьякон себе ризы одевае,
И пономарь стоит — кадило разжигает,
И все суседушки по селам выставали,
И у бобыл печи, родитель, все стопилися,
И у крестьян стряпня, родитель, вся состряпана!
И уже ты спала, родитель, моя матушка,
И позабыла меня, белую лебедушку,
И дорогу ж да мою вольную ты волюшку.
И, знать, на радости, родитель, на весельице,*

И на великой же господней божьей милости...
 И привезите-тка, души да красны девушки,
 И мне умыть да столько бело свое личушко,
 И на сегодняшний господень божий денечек;
 И мне-ка ясные девичьи изымать очушки;
 И у меня, да у невольной красной девушки,
 И очень ясны крепко очушки заплаканы,
 И бело личушко мое да приубтерто;
 И я умоюсь как, невольна красна девушка,
 И до бела ж да свое бело это личушко,
 И буде Бог судит невольной мне головушке,
 И сего дня да не остуду появится,
 И показалась на лице бы-то белешенька,
 И ясны очушки мои бы веселешеньки.
 И да вы слушайте, советны-дружны подружки!
 И потрудитесь-ка, любимы правоплечнички,
 И заплачу ж, дочи-невольна красна девушка,
 И я за ваши труды да все за праведные;
 И вы не стойте-тка, советны-дружны подружки,
 И вы у быстрых-то рек за перевозама,
 И на ямах, красны девицы, за подводама;
 И поспешитесь, друг-советны милы подружки,
 И привезти ж да мне холодной ключевой воды,
 И мне умыться-то, лебедушке, уладиться,
 И как снарядят, свет желанные родители,
 И вам любимых сердечных извозничков,
 И дорогих дают любимых повозничков,
 И не иземите столько вольной моей волюшки,
 И не забудьте наказных моих словечушков.

Утром в день свадьбы невеста снова, уже в последний раз, прощается со своей девьей красотой:

287. Сберегла я свою дивью красоту Я от ветру и от вихорю, От частого да мелка дождичка, Не давала я ветру венути, Я частому дождю ленути, Я лихим людям зинути. Я добрым людям я на честь-хвалу Я возьму свою дивью красоту	Что на свои дана ручки белые, Я прижму свою дивью красоту Ко ретивому ко сердечуку. Тут не место ей, не местечко, Не краса-то ей да красованьце — Вековечное расставаньце. Подниму я свою дивью красоту Я поверх буйныя головушки.

Она вьется, увивается
 Сверху буйныя головушки,
 Она с плечика на плечико,
 Она с правого на левое,
 Она ласочкой-касаточкой,
 Перелетной малой пташечкой —
 Она вспорхнуть да улететь хочет
 От меня, хорошей девицы,
 От кручинных, печальных,
 От сироты да горе горькая,
 Поднесу я дивью красоту
 Своей кумушке-подруженьке,
 Ты носи-ка, моя подруженька,
 Не по будням-то, а по праздникам —
 Что с-по светлым воскресеньцам!
 Ты теперь сама на возрасте,
 Тебя будут сваты свататься,
 Женихи да насылаются.
 Запросватает кормилец батюшка,
 Запоручит родна маменька —

Ты раздаришь мою дивью красоту
 Ты по кумушкам да по подруженькам.
 Что пошла моя дивья красота
 По столу, столу дубовому,
 По скатеркам шитым-браным,
 Что пошла она да становилась,
 Наперед она да осмотрилась,
 Назад она да оглянулась,
 Со мной, девицей, распростилась:
 «Прости-прощай, моя умная,
 Ты прости-прощай, моя разумная,
 Тяжело с тобой мне расставатися.
 Ты мне встречу-то не встретишься
 И во сне-то не привидишься».
 Что пошла моя дивья красота
 Во матушку да во божью церкву
 На престол да к Божьей матери, —
 Тут ей место, тут ей местечко!
 Тут ей краса да красованьице!
 Вековечное да расставаньице!

288. Падкая моя, жалостливая,
 Моя матушка родимая,
 Свет Наталья Алексеевна!
 Благослови-ка, родимая матушка,
 Мне отдать свою девью красоту,
 Я отдам свою девью красоту
 Запрестольной Богородице,
 Я отдам свою девью красоту
 Своим кумушкам-подруженькам:
 Александре душе Григорьевне,
 Да Матрене душе Егоровне.

(Привывает

всем девушкам):

Берегите, мои голубушки,
 Вы мою-то девью красоту
 И от ветру ее и от вихорю,
 От бела снега от круписчата,
 От дыму да от кудрявого,
 Что от чаду да от зеленого!

Еще вы, мои голубушки,
 На великих своих возрастах,
 Вы на скорых на отдаваньях;
 Вас станут сваты свататься,
 Женихи станут засылаются, —
 Не сдавайтесь, мои голубушки,
 Вы не сватовы слова ласковы:
 Слова ласковы, да обманчивы!
 Уж как сватовы слова ласковы,
 Я возьму свою девью красоту
 На свои ручки белые,
 На перстни да злаченные,
 Опущу свою девью красоту
 Ниже пояса шелкового;
 Я прижму свою девью красоту
 Ко своему ретиву сердцу!
 Пошла моя девья красота
 По высокому нову терему,

Пошла она, воротилася,
 За меня, младу, сохватиася:
 «Ты прости, моя красна девица,
 Прости, умная-разумная,
 Прощай, вежлива-очестлива!»
 Воздыму свою девью красоту
 Выше плеч, своей буйной головы.
 Пошла моя девья красота
 По новым сеням решетчатым;
 Пошла она, воротилася,
 За меня, младу, сохватиася:
 «Ты прости, моя красна девица,
 Прости, умная-разумная,
 прощай, вежлива-очестлива!»
 Пошла моя девья красота
 По красну по крылечушку;
 Пошла она, воротилася,
 За меня, младу, сохватиася:
 «Ты прости, моя красна девица,
 Прости, умная-разумная,
 Прощай, вежлива-очестлива!»
 Пошла моя девья красота
 На широкую на улочку,
 Да еще она воротилася.
 Под окошечком колотилася:
 «Ты прости, моя красна девица,
 Прости, умная-разумная,
 Прощай, вежлива-очестлива!»

Нам век с тобой не видатися,
 Нам на встрече с тобой не встретиться,
 Во божьей церкви не увидеться!»
 Пошла моя девья красота
 По широкой по улочке,
 По раскатной по дороженьке,
 В встречу, в встречу девьей красоте
 Злодейка кийка шитая.
 Она спор держит с девьей красотой:
 «Остыжу тебя, девья красота,
 Во матушке во божьей церкви,
 При попах тебя, при дяконах!»
 Сизые вы мои голубушки,
 Белые вы мои лебедушки!
 Посмотрите, мои голубушки,
 За моей-то девьей красотой.
 Куда сядет девья красота,
 Куда сядет-опоместится.
 Буде сядет девья красота
 На горькую на осинушку, —
 Ей житье будет горе-горькое;
 Буде сядет девья красота
 На белую на березоньку —
 Ей житье будет по-среднему;
 Буде сядет девья красота
 На яблонь на кудрявую —
 Ей житье будет красованье.

Во многих районах обследованных нами областей было принято во время девешника наряжать маленькую елочку или березку, которую и называли «девьей красотой». Следует заметить, что такую елочку могли приготовить и сразу же после сговора, тогда ее прикрепляли на угол дома, на крыльцо или ворота. Елку украшали лентами, косой из кудели. Все это висело до свадьбы, до отправления к венцу. От дома жениха к дому невесты, если они из одной деревни, протягивали «телефон» — веревку, украшая ее лентами и косой из кудели. Украшенную елочку часто ставили и на воротах дома жениха. В Борисоглебском районе Ярославской области было принято, кроме елочки, ворота украшать кистями из соломы. Вторую елочку, которую также украшали девушки, выносили уже на стол. Это происходило утром в день свадьбы, перед отъездом в церковь. Ближайшая подруга невесты выносила украшенную елочку с

особым приговором: «Господи Иисусе Христе, Сыне Боже! Раздайся, народ, Распашись, народ, Красна девушка идет! Не одна она идет, Девью красоту несет!..» Когда невесту везли в церковь, красоту укрепляли сзади к саням и по дороге выкидывали где-нибудь в поле.

289. *Раздайся, народ, распашись, народ
Тише, народ, дивья красота идет!
Не сама она идет, ее девица несет!
От печи кирпичная, от столба горемычного
На своих да резвых ножках,
На сафьяновых сапожках.
На серебряных гвоздочках, на медных скобочках!
Чтоб медные скобочки не сломать,
Красной девице не упасть,
Дивью красоту не уронить,
Себя красную девицу не осрамить,
Марию Ивановну не распалить!
По полю по тесовому
Ко столбу ко дубовому,
Ко скатертям браным, ко ествам сахарным,
Ко рюмочкам хрустальным,
Ко вилочкам стальным,
Ко ложечкам ко золотым,
К ножечкам булатным,
К вам, гостям приятным!
Здравствуйте, князь молодой
Со своею со княгиней молодой!
Друженька вежливый,
Большой барин, меньшей барин,
Полудружье хорошее!
Не всех по имени, а всем низко кланяюсь,
Здравствуйте!
Сватовья и свахоньки,
Друженька вежливый,
На столе-то белы скатерти разберите,
У меня дивью красоту на стол постановите!
Когда я дивью красоту на стол постановлю,
Тогда я с вами резко поговорю!
Я девушка незастенчивая,
Первый раз вам встречаюсь, говорю, не стесняюсь!
Я вас буду спрашивать, извольте мне рассказывать!*

*Молодо князь, изволь на ноги встать!
Дай знать, как вашу княгиню величать?*

(Жених): *«Мария Ивановна!»*

(Девушка): *Спасибо.
Молодая княгиня, Мария Ивановна,
Изволь на ноги встать,
Дай знать, как вашего князя звать?*

(Невеста): *«Вячеслав Иванович!»*

(Девушка): *Спасибо.
Молодой князь, Вячеслав Иванович,
Молода княгиня, Мария Ивановна,
Поздравляю вас с законным браком.
А вас, сватовья и свахоньки,
С новобрачными!*

(Гости): *Спасибо!*

(Девушка): *Что у нашей у хозяйюшки,
Что у нашей у богатых,
У Павлы у Михайловны.
А поголовье-то — жердочки,
Мы сюда съехались, все сроднички.
под полом-то — земля,
Кладите серебра!
Под порогом-то — стружки,
Кладите деньги-хрушки!
На ком крахмальные рубашки,
Кладите деньги-бумажки!
На ком ушитые, кладите золотые,
На ком обметки, кладите рублевки,
Кому сорок шесть, кладите рубликов по шесть,
О ком еще забыли, рублишка по четыре!
Но много-то меди не кладите,
У тарелки края не пообломите!
Меня, девушку, в изъян не приводите!
Сватовья и свахоньки,
Друженька вежливый,
Где вы так долго были?
Мы вас ждали-дожидались,*

В зеленом саду гуляли,
По чулочкам изорвали,
По башмачкам истоптали,
Цветы алые щипали,
Дивью красоту наряжали,
Марию Ивановну утешали!
У нас эта елочка росла
Не в саду, не в огороде,
А в чистом поле на большой дороге.
Ехали купцы-бояре,
У нас елочку эту покупали,
Но мы ее никак не отдавали,
Нам за нее дорого давали:
За каждую лапочку давали десяточку,
За каждую иголочку давали шестерочку,
А за вершинку — семь с полтинкой,
А с вас, друженька, — тысячу, —
Меньше тысячи не отдадим!
У нас на ясной елочке кукла сидит,
Она не смотрит в кут, она смотрит тут,
Куда денежки кладут!
А я, красная девушка,
Смотрю и в кут, все ли кавалеры тут!
А вы что, посторонний народ,
На меня так пристально смотрите,
Или вы меня не видали,
Или моих слов не слышали?
Чтобы мне со слов-то не сбиться,
Да плечом не поворотиться,
Да деверьям не поклониться,
Чтобы мне стоять не застояться,
Говорить не заговориться,
Не дотянуть день до вечера,
День до вечера, до сумеречья,
До восходу белого месяца,
До заходу красного солнышка,
Не пора ли дивьей красоте
Со стола убираться?
Что, Мария Ивановна, дивью красоту
Себе возьмете или нам оставляете?

(Невеста): *«Вам!»*

(Девушка): *Спасибо. Смотри, Мария Ивановна:
Пошла дивья красота
Не с веселья, а с горюшка
Через все чисто полюшко,
Через горушки крутые,
Через болота вертучие...
Не могла дивья красота
В одну горушку приподняться!
Привилась дивья красота
Ко сухому-то деревцу!
Как сухое-то деревцо
Не бывает два раза зелено,
И вам, Мария Ивановна,
Не бывать два раза девицей!
И пошла дивья красота
Посреди полу тесового,
Широким дверям хлопнула
Да еще воротилась.
С Марией Ивановной простилась,
С друженькой не простилась.
Друженька вежливый,
Встаньте-ка на резвы ноги,
Скажите: «Аминь!»*

(Дружка): *«Аминь!»*

(Девушка): *За «аминь!» мы вас благодарим.
Давай-ка мы с тобой еще поговорим?*

(Дружка): *«Давай»*

(Девушка): *Вы ехали, мы вас видели,
У вас костюмы-то добры.
Карманы-то до пят,
Приезжайте к нам за девушками опять!
У вас карманы здоровы, за пуд,
А у нас девушек, смотрите, какой кут,
Да все такие хорошеньки!*

(Дружка): *«Обязательно приедем!»*

Несомненно, такие диалоги девушки с гостями могут быть разнообразными и длинными. Вот еще один вариант приговора на вынос елочки — девьей красоты.

290. *Господи Иисусе Христе,
Сыне Боже!
Раздайся, народ,
Расшатися, народ,
Красна девушка идет!
Не одна она идет,
Девью красоту несет!
Половички скрипят,
Посторонние глядят!
Ноги с подходом,
Руки с подносом,
Голова с поклоном,
Язык с приговором!
Позвольте, хозяйин-хозяйюшка,
Повыйти-повыступить
Из вашей каморочки,
Из тесовой переборочки
На резвых ножках,
На сафьяновых сапожках,
На высоких каблучках,
На серебряных гвоздках!
Как бы у меня, у девушки,
Не свихнулся каблучок,
Не упасть бы на бочок,
Девью красоту не уронить,
Самой себя не пристыдить,
Милую подруженьку не прогневать!
От печи кирпичной,
От столба горемычного
По полу по тесовому
Ко столбу ко дубовому,
Ко скатертям браным,
К пирогам печеным,
Ко вилочкам злаченым,
Ко ножничкам булатным,
К вам гостям приятным!
Здравствуйте,*

*Князь со княгиней,
Тысяцкий,
Большой барин,
Меньшой барин,
Друженька,
Полудружьнице,
Гости приезжие,
Соседи любезные!
Друженька, дай ответ:
Почему мы сегодня празднуем?*

(Дружка):

*«Свадьба сегодня! (Галинушку) замуж
выдаем! Во имя отца и сына и святого
духа. Аминь».*

(Девушка): *На «амине» благодарю,*

*Давай еще поговорю!
Где вы были-спобывали,
Мы вас долго ожидали,
мы ко садику ходили,
Елочку рубили,
По топорику изрубили!
На нашей на елочке
Золотые иголки,
Ленточки шелковые,
Свечечки восковые,
Конфетки дорогие!
На нашей елочке,
На золотой верховочке
Сидит кукла,
Кукла-то — плут,
Она не смотрит в кут,
Она смотрит тут,
Где денежки кладут!
А я, молодая девушка, — плут,
Смотрю в кут, —
Все ли молодчики тут?
Галина Васильевна,*

*Куда прикажете елочку?
На стол становить
Или взад уносить?*

(Невеста): *«На стол становить!»*

(Девушка): *Позвольте елочку принять,
По свечке погасить,
Девью красоту посеребрить,
Нас, красных девушек, одарить!
Сватушки да свахоньки,
У вас шубы-то до пят,
Не оставьте красных девушек опять!
У кого седая борода —
Кладите большие серебра!
У кого плешь —
Кладите рубликов по шесть!
Кто положит копейку —
У того жена злодейка!
Кто положит грош —
Того проймают дрожь!
Не настолько будьте бедны,
Не кладите деньги медны,
Тарелочки не расшибите,
Девушек в изъяз не вводите!*

*У кого под порогом венчик,
Кладите полтинничек!
У кого под шестом стружки,
Кладите деньги-хрушки!
Кто при манишке,
Кладите по пятишке!
Кто в крахмальной рубашке,
Кладите по синенькой бумажке!
У кого вышит вороток,
Кладите рубликов пяток!
Прощайся, Галина Васильевна,
Со своей девьей красотой!
Она пошла— не крестилась.
На вас рассердилась,
Посреди поля топнула,
Широким дверям хлопнула!
Как пошла девья красота
Во леса во дремучие,
Привилась девья красота
Ко сухому-то дереву!
Что сухому-то дереву
Не бывать больше зелено,
А тебе, Галина Васильевна,
Не бывать два раза девушкой!*

Конечно же, и этот приговор может быть продолжен. Часто после приговора на вынос елочки девушки пели «Красота ль, девья красота».

291. *Господи Иисусе Христе, сыне Божий,
Помилуй нас!
Елочка поднимается,
У меня, у красной девушки,
Ноженьки подгибаются.
Что за удивительный народ,
Стоят — разинули рот!
Елочки не видали?
Или моих речей не слышали?
Райдайся, народ, расшатися, народ,
Дивья красота идет!
Не сама она идет,*

*Ее девица несет!
Она по полу идет,
По тесовому идет,
Она в новых башмачках,
На высоких каблучках,
С ноги на ногу встает,
Поклон низкий отдает.
Здравствуйте, весь приезжий люд,
Князь с княгиней, тысяцкий,
Большой барин, меньшей барин,
Друженька с полудружьцем,
Свахонька со повозничком!*

*Друженька, где вы были-побывали,
Мы вас долго ожидали,
По садику гуляли,
По башмачкам истоптали,
По чулочкам изорвали,
Цветочки срывали,
Дивью красоту сряжали!
Как елочка снаряжена,
Так у нас Марья Ивановна молода!*

(Девушка обращается к жениху):

*Князь молодой, дай-ка знать,
Как вашу нареченную невесту звать?*

(Он называет. Потом девушка спрашивает невесту):

*Марья Ивановна, дайте знать,
Как вашего нареченного жениха назвать?*

(Невеста называет. Девушка продолжает):

*Спасибо, милая подруга!
Я и раньше знала, как звать,
Да хотелось твою совесть испытать!
Друженька, честной человек,
Позор-местечко распростири,
Дивью красоту постанови!
По свечке гасите, по конфетке сорвите,
Дивью красоту озолотите!
Не озолотите, так посеребрите!
Медные-то не кладите,
Тарелочке края не ошибите,
Нас, красных девушек,
В изьян не введите!
На нашей елочке
Золотые иголки.
Каждая иголочка
Стоит пятерочку,
Каждый прутик
Стоит рублик!
Кто сидит в углу —
С того по рублю!
На ком шелкова рубашка —
Клади трехрублевую бумажку!
У кого седая борода —
Тому и два червонца положить не беда!
У нашего хозяина каждая потолочина*

*Серебром да золотом приколочена!
Из стены-то в стену шест,
Накладите червонцев шесть!
Не шесть, так пять,
Не пять, так два, —
Меньше никак нельзя!
Под порогом каменички,
Кладите полтиннички!*

(И вот девушка уносит елочку): *Елочка рассердилась,
С Марьей Ивановной не простилась,
Пошла — ножкой топнула,
Дверью хлопнула,
Она по улочке бежала,
Ленточкой махала,
В последний раз сказала:
«Прощай, Марья Ивановна,
Этой елочке не бывать больше зеленой,
А тебе, Марья Ивановна,
Не бывать больше в девушках,
Не носить алых ленточек!»*

(После этого запевают девушки): *Красота ль, моя красота.*

(Невеста причитает): *Мне недолго красоваться
Во душах красных девушках.*

Вот еще один вариант приговора на вынос елочки.

Последние минуты пребывания невесты в доме родителей особенно печальны, и в своих причитаниях она снова прощается с родными, с домом...

292. *Шла я, девица,
По широкой по улице,
По торной дороженьке!
Шла — не шаталась,
Частые лесенки не валялась,
А как лесенка часта — часто ступала,
Ручкам делана, ножкам бегана, камнем ложена!
Мостики калиновые,
Переклады рябиновые!
Выйду я, девица,*

С середи да на ровный пол
От печи кирпичная,
От столба горемычного!
Шла я, девица,
По новым по горницам,
По светлым по светлицам.
Половички скрипят,
Башмачки говорят!
Раздайся, народ, расшатися, народ,
Дивья красота идет!
Не сама она идет,
Красна девица несет!
С ноги я на ногу ступаю,
Долю девичью пытаю,
Потихоньку иду,
Поклоны низкие кладу.
Здравствуйте, сватья приезжая,
Сваха любезная,
Я не тем гостям кланяюсь,
Которые под полатями стоят,
А я тем гостям кланяюсь,
Которые за столиком сидят!
Дяденьки и тетеньки,
Кавалеры и барышни,
На меня пристально не смотрите,
Меня, красну девицу, не пристыдите!
В горнице жарко,
А мне, красной девице, на людей зорко!
Подхожу я, девица,
К столикам новым,
К ножкам точеным,
К столикам сосновым,
К скатертям браным,
К ельцам соханым,
Ко вам всем, гостям званым!
Здравствуй, дружка молодой,
С гладкой головой.
Усики ведь твои витые,
Щечки налитые,
Шелков волосок,

- Нежен голосок!
Ты вставай-ка, дружка,
На свои на резвы ножки,
На сафьяновы сапожки,
На медные каблучки,
На деревянные шпилечки,
Говори, дружка, «аминь!»*
- (Дружка): *«Аминь!»*
- (Девушка): *На «амине» благодарим,
А мы с тобой
Еще, друженька, поговорим!
Только дай мне, дружка, знать,
Как мне ваших нареченных позвать.*
- (Дружка): *«Иван Петрович и Анна Ивановна».*
- (Девушка): *Видела не видела,
Слышала не слыхала.
Пусть мне сама милая подружка возвеличает.*
- (Невеста): *«Иван Петрович и Анна Ивановна».*
- (Девушка): *Спасибо, милая подружка,
Скоро сказала,
Меня, красную девицу,
В словах не задержала.
Я и раньше его, конечно, знала,
Но до твоей совести попытала!
Стой, дружка, не торопись,
Об елку рылом не колотись,
Сперва денежкам обдарись,
Потом за елочку берись.
У нас елочка зеленая,
Вершиночка сторублевая,
Каждая веточка сряжена,
По рублю навешена!
Нельзя ли елочку позолотить?
Не позолотить, так посеребрить?
Деньги небольшие,
Но и карманы не пустые!
Дружка, мы на чужой стороне жили,
При себе много денежек видали.
В ваших-то кошельках не проверяли,
Но дарить-то вам не запрещали!*

Нареченная, дорогу кажи,
Побольше на тарелочку денег положи!
А ты, дружка, не подкачай,
Положь девушкам денежек на чай!
Друженька, у нас тарелочка есть,
На эту тарелочку накладите рубликов шесть,
Не шесть, так пять,
Не пять — четыре,
Не четыре, так три!
А если трех не накладете,
Тогда и коней не уведете!
Приехали на конях,
Поедете домой на сломанных колах!
У нашей свахоньки в доме есть окошки,
Подарите нам, красным девушкам, на сапожки!
Мы за елочкой ходили,
По сапожкам износили,
Покуда елочку ломали,
По перчаткам изорвали!
А я с елкой выходила,
Платье белое износила!
Сватьяюшка и свахоньки!
У нашей свахоньки
В доме есть рама,
Подарите нам, красным девушкам,
На белила, на румяна!
Чтобы нам набелиться да нарумяниться
И вам женихам понравиться!
Смотрите на дивью красоту,
На Анну Ивановну!
У нас Анна Ивановна
В красных девушках жила — красовалась,
Над ней люди любовались,
Подружки забавлялись,
Родители увивались!
Вы ее тешьте и нежьте,
Хлебом черным не кормите,
Во лохмотьях не водите,
А белого запасите!
В лапти не обувайте,

В лес не посылайте,
 А в белые туфли обувайте!
 Да почаще к родителям посылайте!
 Вот, смотри, Анна Ивановна,
 На девью красоту!
 На тебя девья красота рассердилась,
 Пошла — с тобой не простилась,
 Среди мосту тоннула,
 Ручками хлопнула,
 Головкой покачала,
 Печально отвечала:
 «Прощай, Анна Ивановна!»
 Пошла дивья красота
 Во зеленые луга,
 Во дремучие леса,
 Привилась дивья красота
 К сухому этому дереву,
 Не бывать ему зелено.
 Тебе, Анна Ивановна,
 В красных девушках не бывать,
 Веселых песен не певать,
 С нам, с подружкам, не гулять!
 Прощайте, сватья и свахоньки,
 Извините меня, что долго
 С елочкой стояла,
 Свои руки надсажала,
 Вас, сахарных, есть задержала!

293. Ветры буйные, разбушуйтесь,
 Заметьте путь-дороженьку,
 Не пройти бы, не проехати
 Что за мной, младой, чужим людям!
 Затворитесь, воротечка,
 Вы широки, крепко-накрепко,
 Ты закройся, красно солнышко,
 Разбушуйся, туча грозная,
 Туча грозная да громовитая, —
 Напустися ночью темною;
 Рассыпайся, крупный дождичек,
 Разведи ты путь-дороженьку, —

Не пойти бы, не проехати
 Ко мне злым чужим людям!
 Ты послушай, сокол милый брат,
 Я об чем тебя просить буду:
 Ты сходи-ка, сокол милый брат,
 Во поля, в луга во чистые,
 Во леса-то во дремучие,
 Во дубравушки зеленые,
 Где сырой бор с ветром спорится,
 Там все звери люты водятся.
 Ты поймай-ка зверя лютого,
 Зверя лютого, едучего,

*Из рта его — огонь пламенем,
Из ушей его дым столбом валит,
Из очей его искры сыплются.
Привези ты мне зверя лютого,
Привяжи его к двору батюшки;
Как подъедут-то злы чужьи люди
К широку двору ко красному, —*

*Они зверя-то испугаются,
От меня, молодой, прочь отступятся.
Я еще бы покрасовалась
У кормильца моего батюшки,
У родимыя у матушки,
У соколиков братьев милых,
У голубушек невестушек.*

В Конаковском районе Калининской области за невестой приезжал сам жених в сопровождении своих гостей. Когда они подъезжали к дому невесты, девушки запирали двери. Гости стучали, просили отпереть. Девушки кричали: «Мы невесту даром не отдадим». Жених в шель подавал деньги, девушки говорили: «Мало», — тогда еще подавал. Пока жених ехал к дому невесты, дорогу тоже запирали, пока не давались деньги на вино. Когда жених входил в дом, то садился рядом с невестой, дружки рядом с ним, а с невестой садилась сваха. В другой деревне этого же района подобный торг происходил еще за столом между дружками и братом невесты. После торга, когда брат считал выкуп достаточным, он выходил из-за стола. По ходу свадьбы большое количество диалогов ведет дружка, который должен был досконально знать приговоры, весь ритуал ведения свадебного обряда, быть находчивым импровизатором, речистым собеседником, но кроме того, обладать и большой внутренней силой, желательна даже колдовской, чтобы противостоять тем, кто хотел бы испортить свадьбу.

Входя в дом, дружка начинал следующий приговор:

304. *Дороги гости, гости милые,
Поезжана вы хорошие!
Уж вы дружка с полудружьем,
Ты душа добрый молодец!
Погляжу я, молодешенька,
Во середнее окошечко.
Как у нашей светлой светлицы,
Как у дому благодатного,
Не купцы-купцы наехали,
Не палатки поиставили —
Поезжане наехали
Со добрым да добрым молодцем
Что ко мне, молодешеньке.
Благослови меня, Господи,
Пресвятая Богородица!
Мне садиться, молодешеньке,*

*Во местечко во упальное
Со своим со подруженькам,
Причитать мне, молодешеньке,
то последнее-то времечко,
мне последнюю-то ноченьку
Со своим со подруженькам.*

305. *Уж родимый ты мой батюшка,
Отдаешь ты меня князю на руки,
Отдаешь ты меня князю навеки.
Все леса да пошатилися,
Все родители отступилися.
Вешна льдиночка подломилася,
Меня маменька отступилася.*

296. *Ой вы свахи, свахи княжие!
Не давно вы, свахи, приехали,
Скоро, свашеньки, опозналися,
За русу косу принималися.
Во моей-то во русой косе
Есть два ножижка булатные,
Да две сабельки острые,
Вы обрежете ручки белыя,
Замараете платье цветное,
А у вас платье-то прошеное,
Что прошеное, кортомленное!
Падкая моя, жалостливая,
Моя матушка родимая,
Свет Анна душа Ивановна!
Подойди-ка, родимая матушка,*

*Ко мне в куть за занавесу,
Уж ты вскрой-ка, родимая матушка,
Слезенное с меня полотенечко;
Посмотри-ка, родимая матушка,
На мою-то трубчату косу, —
Расплели мою трубчату косу,
Расчесали русые волосы,
На роду-то хотя не впервые,
Девьей красоте вопоследни,
Ты прости, мое место-местечко,
Прости, кутнее окошечко!
Я любила тебя, место-местечко,
Я по будням тебя, по праздничкам,
По частым светлым воскресеньцам.*

297. *Красота, дивья красота,
Красота Мария Ивановна,
Нам куда красу девать будет?
Унесем дивью красоту
Во поле во чистое,
Во луга во зеленые,
Во цветы во лазуревы
Отойдем да послушаем,
Что не стонет ли сыра земля,
Что не плачет ли подруженька?
Слышим, стонет сыра земля,
Слышим, тужит руса коса,
Слышим, плачет Марусенька
По своей дивьей красоте.*

*Тут и шли-прошли прохожие,
Два удалые молодцы,
Со косами со острыми,
Подкосили эту травину,
Подсушили дивью красоту.
Мы поставили дивью красоту
На между широкою,
Тут и шла-прошла прохожая,
Она шла-остановилася,
Послушала, что не стонет ли сыра земля,
Что не плачет ли мила сестра.
Слышу, стонет сыра земля.
Слышу, плачет мила сестра.*

298. *Конь бежит, конь бежит,
Да колокол звенит, колокол звенит,
Колокол звенит, колокол звенит,
Да вся земля дрожит, вся земля дрожит,
Едет зять, едет зять,
Да зять на тестев двор, зять на тестев двор.
Тесть бояры-то встречал, тесть бояры-то встречал*

Да у широких ворот, да у широких ворот.
 Тесть любимого зятя, тесть любимого зятя
 Да среди двора, да среди двора.
 Тесть бояры-то садил, тесть бояры-то садил
 Да ряд споряду, да ряд споряду.
 Тесть любимого зятя, тесть любимого зятя
 Да повыше всех, да повыше всех.
 Тесть бояры-то поил, тесть бояры-то поил
 Да пьяным пивом, да пьяным пивом.
 Тесть любимого зятя, тесть любимого зятя —
 Зеленым вино, зеленым вином.
 Тесть бояры-то дарил, тесть бояры-то дарил
 Да дары сподару, да дары сподару.
 Тесть любимого зятя, тесть любимого зятя —
 Дитяткой своей, дитяткой Марьей
 Да Ивановной, да Ивановной.

299. Мимо дворика батюшкина,
 Мимо терема матушкина,
 Пролегла тут дороженька,
 Пробежал тут добрый конь.
 За конем бежит добрый молодец,
 У ворот стоит красна девица.
 Как возговорит добрый молодец:
 «Перейми коня, красна девица!»
 — «Мне нельзя перенять коня:

У меня травой ноги спутаны,
 Росой глаза замочены.
 Возговорит добрый молодец:
 «Не приманывай, красна девица:
 Не травой ноги спутаны,
 Не росой глаза замочены, —
 Ноги спутаны кручинушкой,
 Глаза замочены горючьми слезами!»

* Каждая
 строка
 повторяется
 два раза.

300. С синего моря ветры веют*,
 С чистого поля гости едут,
 Ты выйди, Лидонька, перейми госте.
 Ты бери коника за уздухну,
 Ты веди коника у стаенку.
 Да ты дай конику овса с водой,
 Ты бери Васеньку за рученьку,
 Ты веди Васеньку за батьков стол,
 Да ты дай Васеньке сыты с медой,
 Вороной коник не пьет, не ест,
 Молодой Васенька не кушает,
 молодой Лидоньки речи слушает.

301. На крюках открывались
 Да на двор становилися.
 Да заходят князья-бояре,
 Князья-бояре да со всем поездом.
 Во-первых идет сватушка,
 Во-вторых идет тысяцкий,
 А во-третьих новобрачный князь,
 Да князь молоденький, хорошенький,
 Да князь верба — кудреватый,
 Да крест кладет по-писаному,
 Поклоны ведет по-ученому.

Вывод невесты из родительского дома перед поездкой в церковь.
Воспроизведение обряда

302. *Как у нашего князя
Невеселые кони стоят,
Они чуют путь-дороженьку
По невесту ехать.
— Ах вы, девушки-подруженьки!
Уливайте гору крутую,
Чтобы моему разлучнику
Не взойти бы, не взехать!
— Не грози, княгиня-душа!
На крутую гору пеш взойду,
Добра коня в поводу сведу.
— Ах вы девушки-подруженьки!
Запирайте вы вороточки
Что тремя замками немецкими!*

*— Не печалься, княгиня-душа!
Приведу я с собой слесаря —
Отпрет замки немецкие.
— Ах вы, девушки-подруженьки!
Заплетайте косу русую,
Чтобы моему разлучнику
Не расплесть, не расчесать ее!
— Не печалься, княгиня-душа!
Привезу с собой свахоньку:
Расплетет она косу русую,
Увезет тебя с собой, душеньку!*

(Невеста причитала): 303. *Уж вы свет мои голубушки,
 Мои милые подруженки!
 Уж вы станьте-ка, голубушки,
 Что стеною белокаменной.
 Не пускайте-ка, голубушки,
 Вы чужого-то чуженина
 Со чужой-то дальней стороны.
 Благослови, Боже Господи!
 Пресвятая Богородица!
 Уж мне встать да подняться
 На свои ноги резвые,
 На чулочки на бумажные.
 На башмачки сафьянные.
 Что ленитесь вы, половички,
 Не ломайтесь, переводинки!
 Что по вам-то не медведь идет,
 Не медведица-то лютая,*

304. *Ехали мы, княжие дружки,
 Со хорошим со поездом,
 Со удалым добрым молодцем
 Темными лесами,
 Черными грязями,
 Чистыми полями
 Зелеными лугами,
 Быстрыми реками.
 И видели мы куний след.
 И довел нас куний след
 До высокого терему.
 Здесь ли было сватовство?
 Здесь ли было питье и обрученье?
 Здесь ли нашу молодую княгиню
 Обшивали, обмывали,
 В цветное платье наряжали?
 «Здесь!»
 На то наш низкий поклон.
 Я еду, княжий дружка,
 К молодой княгине
 С дорогими подарками*

(Девушки):

*Идет красная девица,
 Не тяжеле я прежнего.
 Отчего ж это случилось?
 Резвы ноженьки подогнулись,
 Белы рученьки опустились,
 Голова с плеч покатила,
 Во устах речь помешалась?
 Уж спрошу я, сиротинушка,
 У всего-то роду племени,
 У милых своих подруженек,
 Что позволят ли голубушки
 И прикажет ли мне дядюшка
 И кормилица тетушка
 Принимать мне гостинички
 От чужого-то чуженина,
 От чужа сына отцовского?*

*На золотых блюдах.
 Дайте мне путь-дорожку
 Пройти к вашей молодой княгине.
 Если есть у нее ножки —
 Пущай подойдет.
 Если есть у нее ручки —
 Пущай возьмет.
 Если любит нас —
 Пущай поцелует.
 Выходи из-за кути, из-за занавеси,
 Молодая красна девица.
 Если слепая —
 Бадог подадим,
 Если хромая —
 Тележку подкатим.*

(Невеста выходит из кути и берет подарки, но чаще это делают подруги).

*Приняла ты гостиночки,
 Не гостиночки, не подарочки —
 Там укорушку великую,
 Там работушку тяжелую.*

Невесту перед отправлением в церковь родители благословляли хлебом с солью и иконой.

Когда невесту выводили из-за стола, она тащила за собой скатерть, чтобы ее подруги вышли замуж.

- (Диалог дружки с девушками):
305. *Не здесь ли было сватовство?*
 — *Здесь!*
Не здесь ли было просватовство?
 — *Здесь!*
Не здесь ли было вино пито?
 — *Здесь!*
Не здесь ли было по рукам бито?
 — *Здесь!*
Не здесь ли наше сужено?
Не здесь ли наше ряжено?
 — *Здесь! Здесь!*
Не здесь ли наша невеста
Во кути за занавесой?
 — *Здесь!*
Не вяжет ли она мережки?
Не ставит ли она дорожки?
Не хочет ли она направить ножки
Уловить нашего князя молодого,
Вашего гостя дорогого?
 — *Хочет!*
Не сидит ли у вас на печке
Старуха-кашлюнья?
Не заплевала бы она
нашего князя молодого,
- Вашего гостя дорогого?*
 — *Нет! Нет!*
Нет ли у вас жеребцов легливых,
Коров рогливых,
Быков будливых?
Чтобы нашего князя молодого
Коровы не забудали,
Жеребцы не залягали!
Нет ли у вас собаки кусасты?
Свиньи горласты?
Собак на цепь привяжите,
Свиней во хлев загоните!
Наш князь молодой,
Ваш гость дорогой
Едет на семидесяти семи верстах,
На семидесяти семи лошадах
По-под частыми звездами,
По-под синему обволоку,
По-под младому месяцу,
По-под красному солнышку.
Он нас посылает,
Он нас наряжает,
Он велит частехоньку ходить
Да ретиво говорить.
- В диалог с дружкой вступает брат невесты:
- Сватушка любезный, по что ты приехал,*
По рожь али по пшеницу?
 — *Я приехал не по рожь, не по пшеницу,*
А по красную девицу!
А красная-то девица
Мне родная сестрица.
Со мной говори,
А в ковшик-то положи!
У моей-то сестрицы
По рублю косица,
- (Дружка кладет деньги в ковш)

Одна бровь —
 Сто рублев,
 Один взгляд —
 Пятьдесят!
 Со мной говори,
 А в ковшик-то положи!
 Сватушка любезный,
 Мое-то место дорогое,
 Стоять князю молодому!
 Со мной говори,
 А последний пятак положи!
 Сватушка любезный,
 У меня речей-то — вома!
 Тебе со мной говорить-то дома!
 Уж со мной говори, последний раз клади!
 (Отец): *Перед чем стоишь?*
 (Жених): *Перед хлебом, перед солью.*
 (Отец): *Еще перед чем?*
 (Жених): *Еще перед божьей милостью.*
 (Отец): *Еще перед чем?*
 (Жених): *Сужена передо мной.*
До венца рабой, после венца женой.

(Дружка опять
кладет деньги
в ковш)

(Отец):

(Жених):

(Отец):

(Жених):

(Отец):

(Жених):

Жених кладет ковригу и образ в скатерть, заворачивает и дает дружке. С ней он трижды обходит свадебный поезд.

Еще один вариант приговора дружки:

307. *Приехал дружка,
 Ляксандр Акимов сын,
 Авдотын муж!
 Откройся ворота,
 Пропустите друженьку!
 — У нас колода повалена,
 Ворота не открываются.*

(Дружка):

*Колоду оттащите!
 Ворота откройте!
 Друженьку пропустите!*

(Дружка

проходит в дом):

*Раздайся, народ,
 Расшатся, народ.
 Друженька идет!*

*Скок через порог —
 Едва ноги переволок!
 Господи Исуси,
 Вперед не суйся
 И сзадю не оставайся,
 В этих девиц не влюбляйся.
 Здешные девицы —
 Красные блудницы.
 Раздайся, народ,
 Расшатся, народ,
 Друженька идет!
 Чтобы на ножку не ступить,
 Кого бы за титечку не схватить.*

У друженьки правая рука очень глупа,
Хватает все ниже пупа.
У нашего хозяина в потолке гвоздь,
Я приехал, дружка — гость.
Не могу от свата отбиться,
Придется за стол садиться.
А кто поедет с новобрачной,
свашенька?

Пожалуйста, выйди, свашенька, сюда.
Вот я, друженька, приехал, привез
Шубу-шубурец из семидесяти овец.
Швец-портной сшил,
да немножко не дошил!

Двенадцать крючочков пришил,
А петельки двенадцатой не пришил.
Вот я и привез шубенку,
Извольте, пожалуйста, принять,
Петельку пришить,
Да новобрачной княгине
под ножки подложить,
Чтобы пока везу,
Не заморозить ножки ее.

(Когда за столом нужно разрезать хлеб и мясо,
дружка говорит):

Встает дружка на резвые ножки,
На сафьяновые сапожки,
На высокие каблучки,
На медные гвоздики.
Эй, поварушенька,
твои белые рученьки,
Повыйди, повыступи
из своей каморочки,

Из-за тесовой переборочки ко мне,
Ко друженьке, подходи смелей,
Говори резвей.

(Поварушка):

Что, друженька?

(Дружка):

Да вот, дорогая моя поварушенька,
Я в дружках не бывал,
Вашего деревенского обычая не знал,
Ножими и вилочки с собой не взял.

Так ты, поварушенька, будь любезна,
Подай нам ложку! Я, конечно, посидел
Да поглядел, от бога грешно
И от людей смешно!
Вот я и прошу подать ложку!

(Поварушка):

Дорогой друженька,
будь любезен, с собой вози!

(Дружка):

А ты, моя дорогая поварушенька,
Хвостом не виляй,
А вилочку с ножиком мне подавай!
В ну-ка, сватушка дорогой,
выйти ко мне на повои.

(Сват):

Что, дорогой друженька?

(Дружка):

Да вот, дорогой сватушка,
мы сидим за столом,
По рюмочке выпили,
А рюмочка ваша
Встала в горле колом.
Ты помни, сватушка,
Почаще ходи с рюмочкой, не забывай!
Без троицы и дом не строится,
Без четырех углов не ставится!
Вот, дорогой мой сватушка!
Первая рюмочка встала колом,
Вторая пойдет соколом,
Третья не задела,
Четвертая сама полетела!
Поварушенька, повыйди,
Повыступи из своей каморочки,
Из-за тесовой переборочки!

(Поварушка):

Что, друженька?
Чего у тебя там не хватает?

(Дружка):

Да вот, поварушенька,
Того да другого не хватает!

(Поварушка):

Ну, сейчас, друженька,
принесем да подадим!

308. *Гости браны, гости званы!*

Господа поезжаны!

Что же вы не веселы,

Буйны головы повесили?

Тетушки-пивоварушечки,

Поднебесные кукушечки!

Дружка пить хочет —

Говорить не может.

Подайте скорей

Чарой да малой —

Чем поят лошадей!

Сватушка полну чару наливает,

А дружка до дна выпивает.

Вверх доньшком поворачивает

И по доньшу поколачивает.

310. *Не от ветру, не от вихорю*

Сине море сколыбалось,

Сине море да Хвалынское.

Со синя моря Хвалынского

Летят белые лебедушки

На батюшков на широкий двор,

Во матушкин во высок терем,

Во мою-то белу горницу.

Как по батюшкову широку двору

Кармазинные сукна расстилаются,

По матушкиным по новым сеням —

Что атласы да бархаты.

Прилетели белы лебедушки

Во мою во белу горницу,

Среди полу становилися

Они крест клали по писаному,

Поклон вели по-ученому:

На все стороны да поклонилися,

мне, молодой, да наособицу,

Они идут, да они жалуют

Ко мне в куть да за занавесу

С дорогими со гостиницами,

С дорогими со подарками.

Во тоске я не услышала,

309. *Вот тебе жена —*

Богом создана!

Люби ее, не обижай

И в обиду не давай.

Ложитесь вдвоем —

Вставайте втроем!

На каждую ночь

Сына и дочь!

Во слезах я не увидела —

То какие белы лебедушки?

То мои кумы-подруженьки

С дорогими со гостиницами,

С дорогими со подарками.

Вам спасибо, милы подруженьки,

Вам на блюде на золотом,

Вам на блюде на серебряном.

Милые да вы мои подруженьки,

Вздумали вы меня откармливать

На отходе да дивьей красоты,

На отходе да трубчатой косы,

Во последнем поре-времечке —

Мне во дивьем-то во житье-бытье,

Вы напрасно да беспокоитесь:

Поить-то меня — не отпоите,

Кормить-то меня — не откормите,

Как коня да сухопарого

На лугах, лугах на зеленых,

На травах, травах шелковых,

На цветочиках лазоревых,

Как серу утицу подстреленную,

Со правым крылом отшибленным.

Свадебный поезд с невестой.
Воспроизведение обряда

Коней свадебного поезда украшали лентами и звонками-громочками. Первыми в свадебном поезде ехали дружки и уже за ними — невеста с крестной матерью или свахой. От венца молодые ехали уже вместе. На пороге дома их встречали родители жениха, благословляли хлебом, солью и иконой, а гости осыпали зерном и хмелем.

311. *Ты ластка касатая, ты ластка касатая,
Да перепелица сизая, да перепелица сизая,
Да зачем рано вылетала, да зачем рано вылетала,
Да все из теплого гнездышка, да все из теплого гнездышка,
Да из тепла голубиного, да из тепла голубиного,
Да из бела лебединоного, да из бела лебединоного,
Ты Анна, ты Аннушка, ты Анна, ты Аннушка,
Да ты Анна Афанасьевна, да ты Анна Афанасьевна,
Зачем рано выходила, зачем рано выходила,
Да из-за брусчатой грядочки, да из-за брусчатой грядочки,
Да из-за бердчатой завесы, да из-за бердчатой завесы,*

Большое свадебное застолье — «княжий стол», «красный стол», «большой стол», «даровой», «каравайный обед» — начиналось лишь после приезда родни молодой. Такой стол устраивали вечером в день свадьбы или на другой день. Свадебные столы устанавливали вдоль лавок «глаголем» или ставили два стола поперек половиц, между столами оставляя промежуток. Молодые сидели в красном углу, для остальных соблюдалось четкое разделение на мужские и женские места, обязательно в строгой последовательности родства. Часто для молодых ставился специальный стол под матицей.

Приготовлением еды к свадебным столам занимались исключительно женщины и обязательно — замужние. Выносили к столу, делили и раздавали угощения главные чины на свадьбе — дружка, тысяцкий и др. Подавали угощения в строгом порядке: холодное (окорок, голова баранья, студень), горячее (похлебка из гусиных потрохов), жареное (плечо, середка, поросенок, гусь), каша, пшеник, сальник, сладкий пирог, пряник. Кульминационными моментами свадебной трапезы были деление и раздача свадебного хлеба — каравай — и подача к столу «горячего». Делил каравай дружка. Первую долю от свадебного хлеба получали молодые, чаще это была середина. Одна половина делилась между родственниками жениха, а другая — между родственниками невесты. Все, чем был украшен каравай, делилось между девушками.

Раздача «горячего» сопровождалась обычаем целоваться во время пира. По народным представлениям горячая пища, с огня, безопасна сотрапезникам (она очищена) и обладает особой оплодотворяющей способностью.

За свадебными столами очень много пели величальных песен, цель которых вызвать взаимное расположение и уважение родов жениха и невесты. Прежде всего величали молодых. В песнях жениха и невесту называли князем и княгиней, сравнивая с голубем и голубкой, с месяцем и солнышком. Большое распространение в этих песнях получил мотив переправы: через речку переходил жених и переводил свою суженую.

Переправа через реку — завершение подвига, обретение нового статуса, новой жизни. Обязательно величали и других участников свадьбы. Особо отмечались непременные участники обряда, от которых многое зависело: дружки и подружья, свахи и сваты, тысяцкий, крестные. Если на свадьбу приглашали священника — не забывали и его повеличать. Величали холостых парней — «добрых молодцев», девушек, молодых женщин, женатых мужчин, пожилых женщин, супружеские пары или все большое семейство. Обязательно величали и вдов. Все, кого величали, должны были одарить девушек-певиц. И если они с этим затыгивали, девушки могли спеть и корильные песни, высмеивающие скудость опеваемых.

316. *Возвезжал Васенок
На крутую гору,
возвезжал Михайлович
На крутую гору!
Затрубил во трубочку
Во серебряную!
Подал весточку
Родному батюшке,
Родной матушке:*
- «Батюшка мой, батюшка мой,
Я еду домой!
Еду домой,
Еду домой с молодой женой,
С дорогими гостями,
С молодой женой!
Гости мои, гости мои,
Мной зазванные!»*
317. *Вы встречайте, родители,
Вы встречайте, приятели,
Вы меня, да молодую,
Вы меня, молодешеньку!
Не одна с горки съехала!
Ряднешенька приехала!
Не сама гостей зазывала,
Зазывал братец-батюшка!
Вы здоровы, родители,
Вы здоровы, приятели, —
Не здорова от дома ехала,
Не здорова приехала,
Три потери потеряла!
Первую-то потерюшку —
Своего добра коня!
Я вторую потерюшку —
Я свою-то русу косу,
Я свою девью красоту,
Я свое украшенище!
Третью я потерюшку —*
- С косы алу ленточку!
Вы собирайте, родители,
Вы свои да большие столы.
Вы стелите, родители,
На столы дубовые
Вы скатерочки браные,
Браные, перетканные!
Вы снесите, родители,
Вы снесите, приятели,
На столы на дубовые
Только еды сахарные,
Только вина наливные!
Вы своих любимых гостей,
Вы моих супротивников!
Вы угощайте, родители,
Вы угощайте, не взыскивайте,
Чтобы не было мне, молоде,
Чтобы мне, молодешеньке.
Мне от них укорение!*
318. *Да Наташенька изменица,
Ивановна лицемерщица.
Обманула красных девушек*.
Говорила: «Не пойду замуж,
Да не пойду я, не подумаю,
Никого я не послушаю!»
Да что приехал добрый молодец,
Да Иван да Андреевич,
Да расхвалил свою сторонушку:
«Что ты, наша сторонушка,*
- Да на горы село построено,
Частоколом огорожено,
Да пиеной поле засеяно,
Медом-патокой улитое».
Да на горы село не строено,
Частоколом не горожено,
Да пиеной-то поле не сеяно,
медом-патокой не улито,
А улито горячим слезам могучим*

* Все строчки, начиная с третьей и кончая предпоследней, повторяются по два раза.

319. *Князь у нас хорошенький,
Князь у нас пригоженький,
Князь у нас пригоженький —
Что Иван-то Васильевич,
Что Иван-то Васильевич!
Ты не во саду сидишь,
Ты не во зелёном, —
За столом дубовым,
За столом дубовым,
За скатертям бранным,
За скатертям бранным,
За рисом сахарным,
За рисом сахарным,*
- Всё не соловьи поют,
Всё не соловьи поют, —
Тут поют все девицы,
Тут поют все девицы,
Души красные — певицы,
Души красные певицы,
От тебя даров хотят,
От тебя великих:
Пирожка пшеничного,
Пирожка пшеничного,
С золотой гривеночкой,
С золотой гривеночкой.
Со пивной братынечкой!*
320. *Не были ветры, не были ветры, —
Навеяли, навеяли.
Нежданы гости, нежданы гости
Понаехали, понаехали.
Подломилась, подломилась
Сени новые, сени новые.
Распривели, распривели
Красну девицу-душу,
красну девицу-душу,
Василису-ту, Василису-ту
Свет Никифоровну,
свет Никифоровну.
Растужится, расплачется
Красна девица-душа,
красна девица-душа:
«Кто у меня, кто у меня
Соловей во саду, соловей во саду?
Кто мне состроит,
кто мне состроит
Сени новые, сени новые,
Сени новые, сени новые,
Косевчатые, косевчатые?
Кто меня станет,
кто меня станет
В утрях рано будить,
в утрях рано будить?»*
- Сговорит, спрговорит
Добрый молодец, добрый молодец,
Добрый молодец, добрый молодец
Егор Антонович, Егор Антонович:
«Не плачь, не тужи, не плачь,
не тужи,
Красна девица-душа,
красна девица-душа,
Я у тебя, я у тебя
Соловей во саду, соловей во саду,
Я тебя стану, я тебя стану
В утрях рано будить,
в утрях рано будить,
Я тебе построю, я тебе построю
Сени новые, сени новые,
Сени новые, сени новые,
Косивчатые, косивчатые.
Сколько городов, сколько городов
Я ни езживал, я ни езживал,
Этакой девицы, такой девицы
Не нахаживал, не нахаживал,
Сколь она статна,
сколько на статна
И сколь хороша, и сколь хороша!
Лицо-то у ей, лицо-то у ей —
Будто белый снег, будто белый снег,*

Щечки у ей, щечки у ей —
 Будто алый цвет, будто алый цвет,
 Брови-то у ей, брови-то у ей —
 У черна соболя, у черна соболя!
 Очи-то у ей, очи-то у ей —
 У ясна сокола, у ясна сокола!
 Звон-от был, звон-от был —

Яренгский звон, Яренгский звон.
 Славна-то была, славна-то была
 У Никифора дочь, у Никифора дочь,
 У Никифора дочь, у Никифора дочь,
 У Леонтьевича, у Леонтьевича».
 Как и по саду, саду,

321. По зеленому саду
 Ходит голубь, ходит сизый
 С сиз голубушкой.
 У голубя у сизого
 Золотая голова,
 У голубушки —
 Позолоченная.
 Наш-от голубь, наш-от сизый —
 Что Иван-государь,
 А голубушка —
 Пелагеюшка.

Приходили и судили
 Товарищи его.
 Товарищи его
 Все завидывают его:
 «Еще чья это жена,
 Еще что чья молода?
 Кабы эта жена
 У меня, молодца, была,
 Я б не был, не журил,
 А румян-белил купил».

322. Ой, я вью, вью, да ель-елю*.
 Окол нового города,
 Круг стены передовья,
 Там трои были ворота,
 Ворота были стекольчатые,
 Берега были хрустальные,
 Подворотенка рывчатая.
 Это кто берега утесал,
 Это кто ворота устрогал?
 Утесали всё бояра,
 Устрогали всё сватовья.
 Тут не знала-то Анна-душа,
 Тут не ведала Ивановна.
 Почему ж она уведала,
 Чтой узрила, усмотрила
 Из висока нова терема
 Сквозь околенку бела стекла?
 А душа — красна девица,

* Припев
 повторяется
 после каждой
 строки.

Да и Анна Ивановна.
 Из окошка косивчатая
 Тут сама ли сдивовалася:
 У единого боярина
 Голова была зачесана,
 Русы кудри призавиты.
 Зачесала ему голову
 Его матери сударыня,
 А завивала кудри
 Сестрица родимая.
 Поздравляем, Иван-господин,
 Иван да Михайлович,
 Со душой да со девицей,
 Да со Марьей Ивановной.
 Ой, я вью, вью, да ель-елю.

323. Там по селям, по сеничкам,
По частым переходичкам,
Там ходила-разгуливала
Там честная боярышня.
Во правой руке носила
Два подноса серебряных,
На подносах носила
Два стакана позолоченых.
Она сама выговаривала:
«Уж вы гости, вы гостюшки,
Да избранны добры молодцы,
Посидите малешенько,
Да я пойду ли потихошеньку
Я до светлой до светлицы,
Да до столовой новой горницы,
Да там сидят ли бояра,
Да там сидит ли мой милый друг,
Удалой добрый молодец
Иван да Иванович». Уж он пьет, упивается,
Своей супругой похваляется:
«У меня ли Анна умная,
Да Васильевна разумная,
У ней походочка павлиная,
Тиха речь лебединая,
Очи ясного сокола,
Брови черного соболя!»
Да удалого доброго молодца
Ивана Ивановича
Поздравляем свет молодца
Со супругой своей,
Да свет Анной Васильевной!
324. Тысячкой ли ты тысячкой,
Да разудалый да добрый-от молодец!
Да ты сидишь ли, да тысячкой,
Да во большом углу,
Да в честном месте?
Да на тебе ли кунья шуба,
Да над тобой ли да божья милость?
Да ты уж кушаешь ли, тысячкой,
Да ты гусятину со перцем,
Да лебедину да со чесноком?
Да ты уж любишь ли, да тысячкой
Да ты Феклу любишь в золоте?
«Да это все-то ведь я люблю,
Да это все-то, да душа моя». Проздравляем, Степан-господин,
Со своей госпожой,
С госпожой да Феклушкой,
Со Феклушкой да Ивановной.
325. Еще кто у нас на свадьбе богат?
У нас тысячко на свадьбе богат.
У тысячка бородушка шелковая, —
Кому это бородушку целовати?
Кому эту бородушку миловати?
Жене эту бородушку целовати!
Жене эту бородушку миловати!
У нас тысячко на свадьбе богат.
А людей у него — теремами,
Капиталу у него — сундуками,
А скота у него — табунами.
У нас тысячко на свадьбе кудреватый!
Из кольца в кольцо кудри вьются.
У нас у тысячкого денег много!
Рубль на ребрышко становился.
К красным девушкам торопился.
Красным девушкам деньги надо
На шелковые да на шали,
Что на хромовые да на ботинки.
У нас тысячко на свадьбе богатый
Еще денег у него кошелями, —
Он рублем ворота отпирает.
Он по гривне нищим бросает:
«Ой вы нищие, убогие,

*Вы молитесь Богу за меня,
За жену мою хорошую,
За моих за милых детонек,
За скота да за рогатого, —
Что за весь да благодатный дом!»*

326. — *Переезжая свашенька,
Переезжая княжая!
Соколица перелетная!
Ты покуль, сваха, ехала?
— Уж я ехала-споехала,
По рекам чистым ехала.
— Уж ты сваха, ты свашенька,
Уж ты чем реки дарила?
— Уж я дарила-сподарила
Я большой белой рыбицей,
— Уж ты сваха, ты свашенька,
Ты покуль, сваха, ехала?
— Уж я ехала-споехала,
По темным лесам ехала.
— Уж ты сваха, ты свашенька,
Уж ты чем лес задарила?
— Уж я дарила-сподарила
Дорогими я подарками:
Я кунницами, лисицами,
Я черными соболицами.
— Уж ты сваха, ты свашенька,
Ты покуль, сваха, ехала?
— Уж я ехала-споехала*

327. *Уж мне дайте-тка добратися
До свата перелешника,
До живого до разлучника
Ты ходил, да злодий большой сват,
Ты ходил, да все учащивал,
Не в пору ходил, не вовремя,
Поутру ходил ранешенько,
Да в вечере позднешенько,
Не путями, не дорожками,*

*Серебро, на ребро становися,
По дубовому столу прокатися,
К красным девушкам прикатися!
Тысячко, казны не жалейте!
«Принимайте, девушки, не робейте!»*

*По полям чистым ехала.
— Уж ты сваха, ты свашенька,
Уж ты чем поле дарила?
— Уж я дарила-сподарила
Я пшеною белояровой.
— Уж ты сваха, ты свашенька,
Ты покуль, сваха, ехала?
— Уж я ехала-споехала,
По селу, сваха, ехала.
— Уж ты сваха, ты свашенька,
Уж ты чем село дарила?
— Уж я дарила-сподарила
Я поклонами низкими.
— Уж ты сваха, ты свашенька,
Ты покуль, сваха, ехала?
— Уж я ехала-споехала,
Я во храм божий ехала,
Я во церкву-то матушку,
— Уж ты сваха, ты свашенька,
Уж ты чем церкву дарила?
— Уж дарила-сподарила
Удалым добрым молодцем,
Я душой красной девичей.*

*Все тропами телячьими,
Лазеями собачьими.
Говорил злодий большой сват
Про чужу дальню сторону.
На чужой дальней стороншке
Три двора скота рогатого,
Три конюшни стоялые,
Все кони неезжалые
Три анбара хлеба полные,*

Три колодца дубовые,
 Все водица ключевая.
 Не тебе бы свату сватати,
 На печи бы тебе сидети,
 Колпаком сажу меряти.
 Чтобы тебе, большой сват,
 В разнопыльне провалитися,
 В киселе обваритися,
 Молоком захлебатися.
 Чтобы тебе, большой сват,
 Сто чирей да тебе на голову

328. Друженька хорошенький,
 Друженька пригоженький!
 Как на друженьке кафтан
 Голубой, парчевый,
 Как на друженьке штаны
 Черны бархатные,
 Как на друженьке чулки
 Белы шелковые,
 Смазные башмаки,

329. Во присаде яблонька
 Да не сильно расцветала,
 Ой ли, ой люли,
 Ой люли, люли, люли*.
 Не сильно расцветала,
 Немножко породила.
 Немножко породила,
 Усего три яблочка.
 Усиво три яблочка,
 Усиво три спелого.
 Как первое яблочко,
 Яблочко Петр сударь.
 А еще то яблочко,
 Яблочко свет Пелагья.
 А еще то яблочко,
 Яблочко свет Аннушка.
 А еще то яблочко,

* Припев
 повторяется
 после каждой
 двух строк.

Девяносто чирей в бороду,
 Да еще да тебе, большой сват,
 Да еще чирей под горлышко
 Вместо красного запонка.
 Мы возьмем свата под руки,
 Поведем да свата на гору,
 Посадим свата на дровни
 И спихнем да свата под гору.
 Да и сломим свату голову.

Пряжки с искорками,
 Вон повыскакали.
 Как на шейке-то платок,
 Будто аленький цветок,
 Во кармане-то другой,
 Итальянский голубой.
 Друженька хорошенький,
 Друженька пригоженький!

Яблочко — Степанида.
 А еще то яблочко,
 Яблочко — Иван сударь.
 А еще то яблочко,
 А еще то яблочко — Марьюшка.
 Не любила Марьюшка
 Ни вина, ни меду пить.
 Только любила Ивановна
 У милого на ручках спать,
 На ручках белешеньких,
 К сердечку близешенька.
 Ой ли, ой люли,
 Ой люли, люли, люли.

330. *Уж ты винная ягодка,
Виноградная веточка,
Наливной хорош яблочек,
Душа красная девица
Александра Алексеевна!
У тебя лицо белое,
Белее снегу, белее белого.
У тебя щечки алая,
Алее маку, алее алого.
У тебя очи ясные,
Как у ясного сокола.
У тебя брови черныя,
Как у черного соболя!
Тебе кто голову чесал?*
- Тебе кто косу заплетал?
— Мне чесала головушку
Родимая матушка;
Заплетала русу косу
Сестричка родимая,
Заплетала, приговаривала:
«Ты расти, моя сестрица,
Добрым людям на похвальбу,
Лихим людям на завидость,
Чтобы добрые люди хвалили,
Лихи люди завидовали,
А пуще всех бы завидовал
Удалой добрый молодец,
Свет Дмитрий Иванович».*
331. *Не разливайся, мой тихий Дунай,
Не потопляй свои зеленые луга!
В тех лужочках ходит олень,
Ходит олень — золотые рога;
Мимо тут ездит удалый молодец,
Свет Афанасий Григорыч сударь:
«Я те, олень, из ружья застрелю!»
— «Не бей, не стреляй, удалый молодец,
Свет Афанасий Васильич сударь!
В некое время сгожусь я тебе:
Станешь жениться, на свадьбу приду,*
- Широкий двор весь коврами устелю,
Новые сени рогами освечу,
Во новой горнице сам попляшу,
Всех гостей взвеселю,
Пуще всех — невесту твою,
Душечку красну девицу,
Свет Степаниду Андреевну,
Чтобы она не тужила ни о чем,
Чтобы она и не плакала,
Не лила слезы по белому лицу,
По белому лицу, по румяным щекам».*
332. *Степана-то дом на семи верстах стоит
Да виноградье, да красно-зеленое*!
Да у Михайловича да на семидесяти столбах,
Да кругом этого дома был железный тын,
Да кругом этого дома был железный тын,
Росла трава-мурава, цветы лазоревые,
Там стояла ли береза кудреватенькая,
Да там стол ли шатер белополотняный,
Да там сидела ли девица да душа красная.
Да она шить-вышивать да мастерица была,
Да она шила-вышивала трои пялышки злачены:
Да перво пялышко шила она во сто рублей,*

* Припев
повторяется
после каждой
строки.

Второ пялышко шила да во тысячу рублей,
 Третье пялышко шила — ему не было цены.
 Да первый угол вышивала — красно солнце со лучами,
 Второй угол вышивала — ясный месяц со звездами,
 Сине море со волнами, со белыми кораблями,
 На середку вышивала Божью церковь со крестами.
 Тут уж шел-прошел да детинушка молодой,
 Он куницами-лисицами обвесился,
 Он черными да соболями опоясался.
 Не былыми словами, да похваляется:
 «Если б жил, если б был да на одной сей стороне,
 Я бы эту березу под корень бы срубил,
 Я бы этот шатер до подошвы разнес,
 Я бы эти трои пальцы прибил бы, прикомал,
 Я бы эту девицу за себя бы взамуж взял.
 За себя бы взамуж взял, да во божью церковь свел,
 Во божью бы церковь свел да закон божий принимал,
 Закон божий принимал да чуный крест целовал».
 Да здравствуй, Степан да Михайлович,
 Со душой прекрасной девицей, да Евгенией Филипповной.
 Да виноградьё, да красно-зеленоё.

333. *Во тереме гусли лежали,
 Да лежали, да лежали, да лежали,
 Во высоком звончатые возгудали,
 Возгудали, возгудали, возгудали.
 Еще некому в гусли играти,
 Да играти, да играти, да играти,
 Во высоком звончатými возгудати,
 Возгудати, возгудати, возгудати.
 Еще Сергея-то света да дома нету,
 Дома нету, дома нету, дома нету.
 Еще Петровича да не случилось,
 Не случилось, не случилось, не случилось,
 Он у ласковой тещи, у тещи,
 Он у тещи, он у тещи, он у тещи,
 Да он сидит за дубовыми столами,
 За столами, за столами, за столами,*

Да за бердчатненькими скатертями,
Скатертями, скатертями, скатертями,
Он ведь сахарны яства воскушает,
Воскушает, воскушает, воскушает,
Свою душечку Нину вспоминает,
Вспоминает, вспоминает, вспоминает,
Николаевну да звеличает,
Звеличает, звеличает, звеличает,
«Без ее-то мне хлеб-соль не естся,
Мне не естся, мне не естся, мне не естся,
Еще сладкие меды да не пьются,
Да не пьются, не пьются, не пьются,
Городски калачи не едятся,
Не едятся, не едятся, не едятся».
Еще зять-от со двора да поезжает,
Поезжает, поезжает, поезжает,
Еще теща да зятю наказует,
Наказует, наказует, наказует:
«Уж ты зять-то, мой зять, зять любимый,
Зять любимый, зять любимый, богоданный,
Ты садись на коня, да не качайся,
Не качайся, не качайся, не качайся,
По улице поедешь — не валяйся,
Не валяйся, не валяйся, не валяйся,
Ко двору приезжай — не корупанься,
Не корупанься, не корупанься, не корупанься.
Что дите-то у меня ведь молодое,
Молодое, молодое, молодое.
Еще Нинушка да ласковое,
Ласковое, ласковое, ласковое,
Ведь не знает ни склонов, ни поклонов,
Ни поклонов, ни поклонов, ни поклонов,
Она с бражниками не живала,
Не живала, не живала, не живала,
Она бражников в очи не видала,
Не видала, не видала, не видала,
Она света Сергея увидала,
Увидала, увидала, увидала,
Она Петровича усмотрела,
Усмотрела, усмотрела, усмотрела».

334. *Во саду ли во вишенье
Сидела мала пташечка,
Пташечка-канареечка.
Летел сокол по вишенью,
Он завидел в саду пташечку,
Пташечку-канареечку,
Посадил пташечку во клеточку
За серебряну решеточку.
Ехе-хе, да ей тошнешенько,
Ехе-хе, да ей горчешенько!
Сидит пташечка во клеточке
Среди да лета теплого
Без травы да без шелковья,
Без воды да без ключовья.
Во высоком новом тереме
Сидела красна девица*
- За столами за дубовыми,
За столесенками кедровыми,
За яствами за сахарными,
За питьями за медвяными.
Наезжал тут добрый молодец,
Увозил он красну девицу,
Посадил ее во горницу,
За стекольчату оконницу,
За шелкову занавесочку.
Эхе-хе, да ей тошнешенько,
Эхе-хе, да ей горчешенько!
Без родимого без батьюшки,
Без родимой-то без матушки, —
Сидеть девице во горнице
Среди да лета теплого
Без кумушек да без подруженек.*
335. *Что не винная река протекла,
Что не винная, не сахарная,
Она все города прошла,
Что Казань-город, Астрахань,
Что Сибирь-город, богатую Москву.
Как по той по винной по реке
Тут бежит-плывет суденышко,
На суденышке хозяин молодой,
Удалый добрый молодец,
Свет Петр Алексеич сударь.
Он по суденышку похаживает,
Он работников наряживает:
«Вы работнички, работнички мои,
Вы работнички, удалые молодцы!
Пригребайтесь ко крутому бережку,
Ко желту мелку сыпучему песку.
Опускайте в воду якорю.
Уж мы выйдем на зеленый на лужок,
Мы раскинем бел полотняный шатер,
Мы расставим белодубовы столы,*
- Мы расстелем гранетуровый платок.
Мы разрежем бел-круписчатый калач
Станем девушек приманивать!»
Не где взялась красная девица,
Свет Лизавета Васильевна:
«Тебе Бог помощь, удалый молодец!
Я пришла к тебе не шатричка смотреть,
Не калачика кушати,
Я пришла к тебе во карточки играть»
Она играла день одиннадцать часов,
Проигралась красная девица-душа,
Проиграла свою русую косу
Со альми со ленточками.
Проигрался удалый молодец,
Свет Осип Антонович сударь,
Проиграл свои карманные часы
Со цепочкой серебряною,
Того больше он выиграл
Душу красную девицу,
Свет Лизавету Васильевну.*

336. *Полно, полно вам, ребята,
Чужо пиво пить,
Не пора ли вам, ребята,
Своего наварить?
У нас солод-то на овине,
А хмель на тычине,
На тычине, на тычине,
На самой вершине.
Тычинушка тонка гнется,
А хмель выше вьется.
Тычинушка подломилась,
А хмель опустился,
Опустился, повалился*
- На сырую землю,
На землю сырую,
Траву муравую,
На траву на мураву
С алыми цветами.
Девчоночка прибежала,
Хмелек собирала,
Хмелек собирала,
Цветы сорывала.
Цвели, цвели цветы алы,
Один всех алее,
Были, были друзья милы,
Один всех милее.*

За два, три дня до свадьбы, а чаще в день свадьбы привозили приданое невесты. Вот что вспоминала 87-летняя жительница деревни Яконово Н.И. Чунева: «Молодые уж от венца пришли, уж они за столом сидят, сватьюшка — крестная ейна привозит сундук с приданым. Она кричит “Выходите, татарин с товаром приехал”. Ее угостят, сперва поднесут ей винца, а потом уж и сундук тащат, потом ее и посадят. А то чужие или родная тетка привозит. На дровнях сундук-то большой накладывают. Тут и полшубки, и шубники, и приздничны, и буднишные одежды — все тут же. Перво хлеб-соль положат. Это благословенье — косячок отрежут в тот угол, копеек 20, надо белую монету, серебряную. В этот угол тоненькую новинку, в тот ситцу, чтобы все велось. Потом хорошее, буднишное, полшубок старый на гумно бегать» (запись 1969 г.).

Утром, на второй день свадьбы, когда будили молодых, били горшки, бросали деньги, солому, сор и заставляли невесту мести пол. Мели обязательно поперек половиц, к печке. В этот же день делали «мягкий стол». Свекровь выносила к столу горшок с кашей с криком: «Ой, жарко, жарко!» Невестка должна была подарить ей отрез на платье или платок.

В Костромской области был распространен обычай «чернить» молодых — пачкать лица сажей. Свахи, держа в руках полотенце и миску с водой, помогали им умываться. Гостей тоже старались вымазать сажей и тогда их умывали молодые и брали за это выкуп. В некоторых деревнях Калининской области на второй день по улице ходили ряженые. Здесь было много озорства, шума и веселья.

На второй или третий день свадебные застолья продолжались в доме родителей молодой. Хлебины, отводы, яичница, к теще на блины — так в разных районах называли эти столы. Как уже видно из названий, непременно угощениями были блины или яичница. Их готовила теща для своего зятя. Если его избраница была девствен-

ницей, он осторожно отрезал кусочек от края яичницы или блинов, а тещу одаривал деньгами. Если же теща «не сумела сохранить дочь», зять вырезал круглое отверстие в яичнице или блинах, и угощение с позором уносилось обратно.

После свадьбы женщины деревни приглашали молодуху на «обсидки». «Приходи к нам на обсидки, мы принимаем в свою компанию». Вечером молодуха брала вино, тарелку студня и угощала женщин.

В течение года, по большим праздникам — на Масленицу, Пасху — в субботу и в Фомино воскресенье, в Петров день молодожены посещали родителей молодой и семьи других родственников, которые были у них на свадьбе. Молодые обязательно должны были привозить в качестве подарков угощения (позже стали дарить какие-то вещи: платок, полотенце и т.п.). Угощения или подарки — это своеобразный выкуп, который должен был заплатить молодой общине, откуда взял жену.

Похороны

Как о рождении, так и о смерти в народе было свое представление: «Бог дал — Бог и взял», то есть — это Божье разумение.

Смерть мыслилась не прекращением существования человека, а лишь переходом его в другой мир. Считалось, что человек живет и после смерти, но только невидимо для живых.

Смерть человека, проводы его из одного мира в другой были обставлены похоронными обрядами. Из всех семейных обрядов, пожалуй, менее всего подвергся изменениям именно похоронный обряд. Как и в календарных обрядах, наиболее устойчивыми оказались ритуальные действия, связанные с культом умерших предков. Похоронный обряд так же, как и другие семейные ритуалы, включал целый комплекс действий: очистительные, обереги, ритуальная еда, одевание. Поэтому в гроб клали все вещи, которые покойному якобы были необходимы на том свете: лук, стрелы, лошадь, которую тут же убивали, позднее клали еще и одежду про запас и многое другое. Женщине в гроб клали гребешок, мыло, соль и другие предметы.

Покойный, по поверью, мог причинять зло оставшимся в живых, если его рассердить, если же почитать, уважать, то он мог и помогать. Поэтому похоронный обряд носил магический характер. Покойника нужно было расположить к себе, задобрить. На кладбище, при похоронах несли кутью и первую ложку сыпали на могилу. Уходя, оставляли на могиле поминальные блины, пироги, иногда и водки немного. Придя домой, поминали покойного за столом. При этом обязательной была ритуальная еда: кутья, блины, кисель.

На столе для покойного ставили отдельный прибор, клали кусочек хлеба, наливали рюмку водки. Представление о «душе» ничуть не мешало ее материализации. Так, почти повсеместно, когда в доме кто-то умирал, на окно (окно открывали) ставили миску с водой и вешали полотенце, или на угол дома вешали белую тряпочку, чтобы душа, покидая дом, могла умыться и утереться.

Когда топили впервые после смерти родственника баню, на первый пар приглашали покойника, несли ему веник и белье. Но у обряда была и еще одна функция — «отвести смерть» от живых. Для этого выносили гроб в ряде мест через окно. Если несли через двери — старались не задеть гробом за косяк, перепрягали лошадей на обратном пути с кладбища.

Обязательным элементом похоронного ритуала считались (да и считаются в некоторых местах сейчас) причитания, или причеты. Причет, причитание, плач — это особый жанр народной поэтической обрядовой лирики и занимает совершенно самостоятельное место среди других фольклорных произведений.

Первоосновой причета явилась непосредственная эмоциональная реакция человека на обрушившееся на него несчастье. То был прежде всего крик души, вопль, выражавший горе и отчаяние и лишь со временем принявший вербальную (словесную) форму, раскрывающую причину этого горя.

Причет похоронный при расставании с умершим — едва ли не самый древний вид обрядовой лирики. Уже в Библии имеются указания на особых плачевников и дается пример причитаний. Известны и плачи древних египтян, записанные на папирусах. У индийцев их можно найти в «Махабхарате», у греков в «Илиаде», у скандинавов в «Эддде». По покойнику плачут в Африке и в средневековой Европе, короче говоря, — во всем мире и во все времена, о которых человечество помнит.

В летописях имеются более полные записи об обрядовых захоронениях дружинников и князей. Рассказывая о похоронах Изяслава Ярославича, летописец говорит, что сын его Ярополк «идяше по нем, плачяся с дружиною своею: “Отче, отче мой! Что еси пожил без печали на свете сем, многи пакости приим от людей и от братья своя? Се же погипе не от брата, но за брата своего положиа главу свою”. Не менее ярък пример мужского плача Глеба Владимировича, Муромского князя, оплакивавшего брата Бориса: «Лучше бы ми умерети с братом, неже жити на свете сем (...) Где суть словеса твоя, я же глагола к мне брате мой любимый? Ныне же не услышу тихого твоего наказания».

В 1288 г. при погребении Владимира Васильевича княгиня его «беспрестаи плакашеса, предстоящи у гроба, слезы из себя изливающи, аки воду (...) Наипаче же плакахуса по нем лепшие мужи володимирстии, рекуче: лучше б нам было, господине, с тобою умерети (...) уже солнце наше зайде ны и во обиде всем остахом».

Сущность причета, его магическая сторона сводилась к тому, чтобы умилистить, задобрить покойного. В причете никогда не говорят о покойном плохо. В народе эту мысль можно услышать часто: «О покойнике плохо не говорят» (разумеется, без какого бы то ни было магического осмысления).

Но эта традиция, идущая от предков, — «задобрить» покойного, нашла свое отражение и в причете, который сопровождал каждое обрядовое действие: с момента, когда покойного, обмытого и одетого в «погребальное» (старики в деревнях, как правило, задолго еще до смерти шили себе одежду, в которой просили их похоронить, а некоторые на чердаке держали и уже изготовленную домовину-гроб), клали на скамью под иконы, ногами к дверям.

Вдова, дочь, мать — вопили, когда покойника клали в гроб, когда приходили соседи, когда выносили из избы, когда несли к церкви на отпевание и когда выносили на погост, у могилы. Причитания звучали, когда возвращались с кладбища и останавливались у крыльца дома покойного. Далее вдова причитает на могиле мужа при каждом посещении, из которых обязательными были второй день, девятый, двадцатый, сороковой, а также дни поминовения усопших, установленные церковью, — так называемые Родительские субботы. В субботу перед Масленой неделей, в субботу

второй недели Великого поста, в субботу третьей и четвертой недель Великого поста, Троицкую и Дмитриевскую (15 [28] октября) субботы, а также на Радоницу — во вторник Пасхальной недели. Ходили на погост поминать родителей и усопших и на двенадцатые праздники: Рождество, Масленица, Преображение, Успение и другие. Умершего человека не только не забывали, но он как бы постоянно, навечно оставался с живыми. Это была духовная связь («вечная память») между детьми, отцами и дедами. И если в XI—XIII веках князья справляли тризны по усопшим, то простые крестьяне шли на кладбище с узелками, где была ритуальная еда и просто еда, сидели вокруг могил, женщины, как правило, кидались поперек могилы, и причитали, а потом, закусив и оставив часть еды на могиле, шли домой, рассаживались за столы с обильной едой, и тут уже песни пелись всякие.

В различных регионах была своя манера причитывать, свое построение художественных образов, метрики. Северные причитания — это развернутые повествования, в которых находили место не только обычные вопросы к покойнику: «Куда ушел?», «Зачем оставил?», «Что делать теперь без тебя?» или «Как я буду теперь?» и т. д., но также и диалоги, элементы других фольклорных жанров. Северные причитания насыщены описанием природы и обычной обстановки труда и быта, окружающих покойного при жизни. На Украине, в Белоруссии, в средней России причет состоял главным образом из жалоб на постигшее несчастье и выражался в форме вопросов и обращений к умершему на фоне обычных бытовых деталей.

Фольклорист Д. И. Успенский находил, что «причитания ближе всего подходят к обыкновенным женским рассказам и к некоторым лирическим песням». Причет похоронный раскрывал структуру внутрисемейных отношений крестьянства и для города был нехарактерен. Муж, отец — глава семьи, ее опора, его слово — закон. На нем вся тяжелая работа. Он — пахарь, сеятель, косец, заготовитель дров на зиму, в его ведении лошадь. Даже в миску с едой нельзя было опустить ложку раньше отца. Мать ведет дом, печет хлеб, жнет, дергает и обрабатывает лен, ухаживает за скотом. Дети в меру сил помогают матери.

В этой ситуации смерть главы семьи, хозяина дома, мужа, отца превращалась в катастрофу для семьи и хозяйства, и ее художественное преломление в причете требовало привлечения всех сил земных и небесных. Не каждый человек обладает «даром речи», тем более художественной. Помимо родных, оплакивать усопшего приглашали какую-нибудь известную в округе причетницу, плакальщицу-причитальницу.

Свои художественные образы причетальница черпает из природы, из жизни, из различных жанров фольклора. Слова, образы, эпитеты, сравнения, обороты, даже отдельные фразы несомненно заимствованы из песен, которые в большом количестве знала крестьянская женщина чуть ли не с детства. В умении оригинально и уместно все эти образы применить, скомпоновать и заключался талант плакальщицы. Поэтому каждая женщина, присутствуя при похоронном обряде, прислушивалась к плачам, невольно запоминая наиболее яркие образы и фразеологизмы.

Природа, выступая фоном при описании горя, своим жизнеутверждением, яркостью еще больше его подчеркивала:

*Вот придет-то лето теплое,
Закокует-то в бору кокушечка,
А я выйду, горька горюшечка,
На прекрасное крылечко,
Загорю я, сироточка,
Заболит мое сердечушко.*

Описание тяжелой участи сироты на фоне радостной сверкающей весенней природы проходит через многие причеты. Но бывает и иное построение художественного образа — на основе прямого параллелизма. На фоне природы развивается и мотив «ожидания» — «откуда ждать тебя?»:

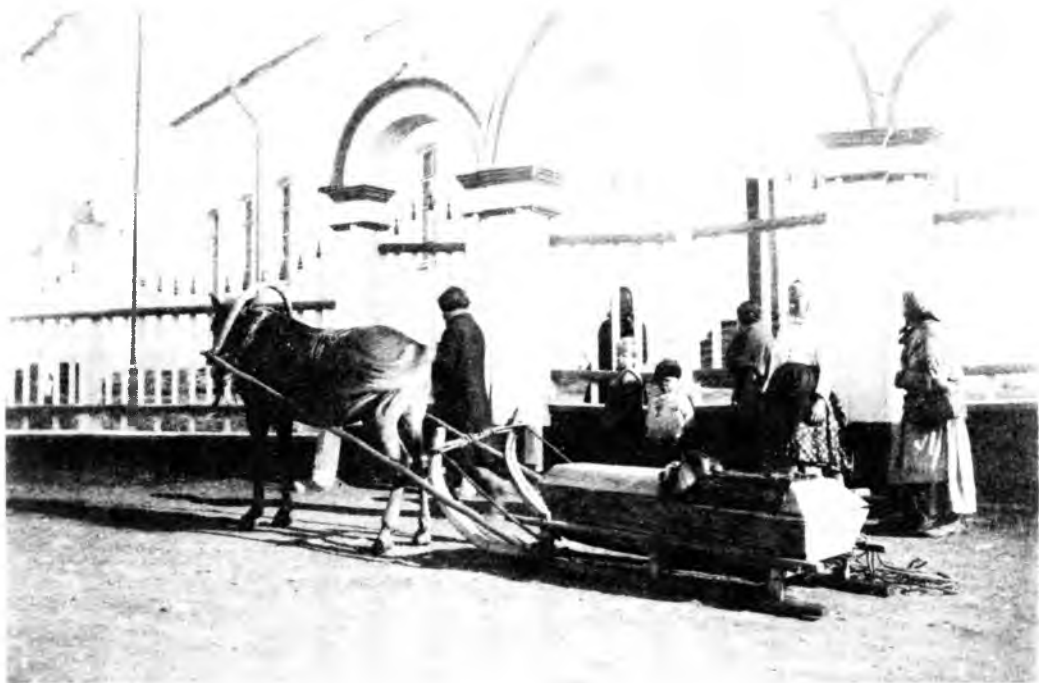
*Не с востоку, не с западу,
Не с которой сторонушки!*

Причитания вызвали крайнее неодобрение церкви, так как похоронный обряд включал целый ряд элементов, имевших языческий характер. Тут и открытое выражение наивысшей степени отчаяния, вопли, обращение к усопшему (а это церковь считала грехом) и — в конце — обильная еда и пляски. Никакой ортодоксальной веры не присутствовало в плачах. Поэтому «Стоглав» в 1551 году (гл. 4, вопрос 23) запретил причитания. Подобное же запрещение было и в указе Петра I в 1715 году (хотя имеются сведения, что и его после смерти оплакивали и причитывали). Но запреты не помешали активно просуществовать причетам до тридцатых годов нашего века.

В причитаниях рисовалась сама жизнь крестьянина, его скудное хозяйство и тяжелый труд, нищета. Если в песне каждое слово имеет свое определенное место — недаром говорит пословица: «из песни слова не выкинешь» — и сюжеты песен определяются теми или иными эпизодами обряда, то в основе причитания лежит импровизация (подсказанная эмоциональным настроением причитывающего) на тему об умершем, погибшем, утонувшем, уходящим в рекруты.

Чем талантливее исполнительница, тем стремительнее полет ее фантазии, тем ярче образы, взятые из окружающей природы и деревенской жизни, оригинальнее сочетания словесных формул, сочетаний отдельных слов, словообразований.

Далеко не каждый мог освоить этот трудный, требующий творческого дарования жанр народно-поэтического творчества. Отсюда возник особый социальный статус плакальщиц. Эти талантливые люди высоко ценились как в древнем мире, так и в более поздние времена в русской деревне. Исполнительницами, как правило, были женщины, хотя имеются сведения и об исполнителях мужчинах, в особенности в древние времена.

Привоз покойника в церковь.
Петрозаводский уезд Олонецкой губернии. Колл. МАЭ РАН, № 1363-147

В причитаниях широко использовалась символика птиц. Вдова, горющая женщина, сравнивает себя с кукушкой — птицей, не имеющей гнезда. Со смертью главы дома «опустело гнездышко», «подломились стены белокаменны, — отпало мое право крылышко». Как вылет из гнезда «на чужую дальнюю сторону» рисуется в плаче вынос покойника из дому.

Мотив надежды на свидание раскрывается в той же символике. Возвращение умершего на землю представляется как прилет птицы — кукушки, голубя, ласточки, сокола или просто птицы. Иногда мотив «возвращения» подается так, что не сам умерший возвращается с того света, а птица приносит о нем весть, служа посредником между мирами. Этот мотив сочетается с мотивом «грамотки», которую приносит птичка или ветер.

Все эти художественные приемы талантливо используются лучшими плакальщицами, такими как И.Федосова, Н.Богданова, Н.Симеусова, А.Чуева, А.Нечасва, А.Калганова и другие.

Начиная с середины XX века, причитания почти не бытуют. Последними причитаниями можно считать плачи-причеты, когда в деревню приходило извещение о гибели воина (отца или сына) во время Великой Отечественной войны. (Чтобы создать у читателя представление об этом безвозвратно ушедшем в прошлое жанре народной лирики, мы приводим несколько наиболее ярких причитаний полностью).

Плач по покойному мужу

Все слова причитания произносятся речитативом, громко, с надрывом и рыданиями, вдова покойного сидит на стуле или скамейке рядом с телом усопшего. Она в черной кофте и юбке, на голове низко повязан черный платок. Рядом с ней сидят дети (если они есть). Все изба наполнена народом. На лавках более близкие, у дверей — соседи, пришедшие посочувствовать вдове и послушать, как она причитает.

337. *Укатилось красное солнышко
 За горы оно да за высокие
 За лёсушка оно да за дремучие,
 За облачка оно да за ходячие,
 За чисты звезды да подвосточные!
 Покидает меня, победную головушку,
 Со стадушком оно да со летиною,
 Оставляют меня, горюшу горе горькую,
 На веки-то меня да вековечные!
 Нёкак рóстить-то сиротных мне-ка детушек!
 Будут по миру оны да ведь скитатися,
 По подоконью оны да столыпатися,
 Будет улочка ходить да не широкая,
 Путь-дороженька вот им да не торнешенька.
 Без своего родителя, без батюшка
 Приизвуются-то буйны на них ветрушки,
 И набаяются-то добры про них людюшки,
 Что ведь вольные дети безуненные,
 Не храбры да сыновья растут безотние,
 Не красны да слывут дочери у матушки!
 Глупо сделали сиротны малы детушки,
 Мы проглупали родительско желаньице,
 Допустили эту скорую смеретушку.
 Мы не заперли новых сеней решетчатых,
 Не задвинули стекольчатых околенок,
 У ворот да мы не ставили приворотчичков,
 У дубовых дверей да сторожателей,
 Не сидели мы у трудной у постелюшки,
 У тяжела, крута складного зголовица,
 Не глядели про запас мы на родителя, на батюшка,
 Как душа да с белых грудей выходила,*

Очи ясные с белым светом прощались;
Подходила тут скорая смертушка,
Она крадчи шла, злодейка-душегубица,
По крылечку ли она да молодой женой,
По новым ли шла сеням да красной девушкой,
Аль калекой она шла да перехожею;
Со синя ли моря шла да все голодная,
Со чиста ли поля шла да ведь холодная,
У дубовых дверей да не стучалася,
У окошечка ведь смерть да не давалася,
Потихошеньку она да подходила
И черным вороном в окошко залетела.
Мы проглупали, сиротны малы детушки,
Отпустили мы великое желаньице!
Кабы видели злодийную смертушку,
Мы бы ставили столы да ей дубовые,
Мы бы стлали скатерти да тонкобранные,
Положили бы ей вилки золоченые,
Положили б востры ножички булатные,
Нанесли бы всяких ествушек сахарных,
Наливали бы ей питьица медвяного,
Мы садили бы тут скорую смертушку
Как за этие столы да за дубовые,
Как на этии на стульица кленовые,
Отходячи бы ей низко поклонялися
И ласково бы ей тут говорили:
«Ай же ведь скорая смертушка!
От Господа распятого, знать, создана,
От Владыки на сыру, знать, землю послана
За бурлацкима удалыма головушкам!
Ты возьми, злодей скорая смертушка,
Не жалею я гулярна цветна платьица;
Ты жемчужную возьми мою подвесточку,
С сундука подам платочки лавантеровы,
Со двора возьми любимую скотинушку,
Я со стойлы-то даю да коня доброго,
Со гвоздя даю те уздицу тесмянную,
Я седёлышко дарю тебе черкасское,
Золотой казны даю тебе по надобью!
Не бери столько надежной головушки,

Не сироть столько сиротных малых детушек,
 Не слези меня, победной головушки!»
 Отвечала злодей скорая смеретушка:
 — «Я не ем, не пью в домах да ведь крестьянских,
 Мне не надобно любимой скотинушки,
 Мне со стойлы-то не надо коня доброго,
 Мне не надо златой казны бессчетной, —
 Не за тым я у Владыки света послана!
 Я беру, да злодей скорая смерётушка,
 Я удалые бурлацкие головушки.
 Я не брезгую ведь, смерть да душегубица,
 Я ни нищим ведь есть да ни прохожим,
 Я ни бедным не брезгую убогим».
 Тут споговорит вдова благочесливая:
 «Видно, нет того на свете да не водится,
 Что ведь мертвые с погоста не воротятся,
 Хоть не дальняя дорожка — безызвестная,
 Не лесные перелески — мутарсливые.
 Глупо сделали сиротны малы детушки —
 Не сходили мы во улочки рядовые,
 Не дошли да мы до лавочки торговья,
 Не купили лист бумаженьки гербовья,
 Не взыскали писарёв да хитромудрых,
 Не списали мы родителя-то батюшка
 На портрет да его бело это личушко,
 На эту на гербовую бумаженьку
 Его желты бы завивные кудерышки,
 Его ясно развеселое бы личушко,
 Прелестны бы учтивые словечушки,
 Велико бы родительско желаньице!
 Как подрастать станут сиротны малы детушки,
 По сеням да станут детушки похаживать,
 Из окошечка в окошечко поглядывать,
 На широкую на улочку посматривать:

Плача навзрыд, вдова прижимала к себе детей, которые тоже начинали плакать в голос.

Приходить стане разливно красна веснушка,
 Повьтают снежочки со чиста поля,
 Повьнесе ледочки со синя моря.
 Как вода со льдом ведь есть да поразойдетя,

*Быстры риченьки с гор да поразольются,
Протекут да вець мелки малы риченьки
Во это в океян да сине морюшко,
Как пойдут наши суседи спорядовые
На трудну на крестьянскую работушку,
Будут пахари на чистых на полюшках,
Севцы да на распашистых полосушках,
Малы детушки на мать станут поглядывать,
Сироту да меня, вдовушку, выпрашивать:
«Ты послушай, сирота же вдова матушка!
Уже где да есть родитель-то наш батюшка?»
Тут я б выняла гербовый лист-бумаженьку,
Показала бы сердечным малым детушкам!»
Еще скажут-то сироты малы детушки:
«Кто же по́йде на распашисты полосушки?
Как у нас да вець, родитель наша матушка,
Нету пахаря на чистых полосушках,
Сенокосца на луговых нету поженках,
Рыболовушка на синем нет Онегушке!»
Тут я спáнуся, кручинна вся головушка,
За свою да за надежную сдержавушку.
Ушибать стане великая тоскичушка,
Унывать стане ретливое сердечушко:
Да как ростить-то сиротных малых детушек?*

Обращаясь к соседям, вдова падает им в ноги и продолжает:

*Поклоню да свою буйную головушку.
Покорю свое печальное сердечушко
Я со этой вышины да до сырой земли,
Своим милым спорядовым суседушкам.
«Не откиньте-тка вдову вы бесприютную
Со обидныма, сиротныма детушкам,
Да вы грубым словечком не обидьте-ткась,
Да вы больным ударом не ударьте-ткась!
Как пойдут мои сиротные к вам детушки
По вашему крыльцу да по перёному,
Не заприте-тка новых сеней решетчатых,
Допустите в тепловито свое гнездышко,
Ко дверям да вы на двёрную на лавочку,
Да вы милостину им тут сотворите-тка,*

Сиротам моим несчастным малым детушкам,
Вы на добрые дела их научите-ткась!»
Как допреж сего, до этой поры-времечка
Была в живности любимая семеюшка,
Маломощному соседу не корилася,
Была гордая ведь я да не поклонная
Я с соседями была да несговорная!
Не начаяла я горя, не надиялась,
Что разлукушки с законной со державушкой,
Что останусь, сирота — вдова несчастная,
Я со этой станцией неудольной.
Со малыма, сердечныма детушкам!
Как жила я с надежной головушкой,
Была счастлива ведь я да все таланная;
Вдруг, знать, счастье-то соседи обзавидали,
Добры людюшки меня да приобаяли,
Чёрны вороны талан, знать, приограяли,
Видно, участь ту собаки приобаяли!
Как по моему великому несчастью
Тут проклятая злодийка-бесталанница
Впереди меня злодийка уродилася,
Впереди меня в купели окрестилася.
Как жила я у желанных родителей
Во своем да я прекрасном девичестве,
Изнавешена была я цветным платьицем,
Изнасажена была я скатным жемчугом.
Мои милые, желанные родители
Тут повыбрали судимую сторонушку,
Мне по разуму млада сына отецкого;
Отпущали на судиму как сторонушку,
Отдавали за млада сына отецкого,
Знать, не участью-таланом награждали,
Знать, великим несчастьем наделяли!
Уж как это зло великое несчастью
Впереди меня злодейно снаряжалось,
На судимую сторонушку справлялось,
Во большом углу несчастью садилось,
Впереди да шло несчастье ясным соколом,
Позади оно летело черным вороном!
Впереди оно, несчастье, не укатится,

*Позади оно, злодийно, не останется,
Посторонь оно, злодийно, не отшатится!
Кругом-около несчастье обстолпилось,
Всем беремечком, злодийно, ухватилося
За могучие оно да мои плечушки!*

При выносе покойника вдова вопит:

*Не спешите-ткась, спорядные суседушки,
Вы нести мою надежную семеюшку
Со этого хоромного строеньца!
Ты прощайся-ка, надежная головушка,
С этим добрым хоромным строеньцем,
Со малыма сердечныма детушкам,
Ты со этой-то деревней садовитою,
Ты со волостью этой красовитою,
Ты со зтыма спорядныма суседушкам!
Вы простите, спорядовы вси суседушки,
Мою милую, надежную семеюшку,
Вы любимую законную сдержавушку
Во всех тяжких его да прегрешеньцах
Сесветным его да все живленьцем.
Вы не спомните, спорядные суседушки,
Уж вы злом его не спомните-тка, лихостью!*

Затем, обратившись к вдове-соседке, если она оказывается при этом, продолжает:

*Я гляжу-смотрю, печальная головушка,
На тебя смотрю, спорядную суседушку,
На тебя да я, вдову благочесливую!
Отдали ходишь, суседушка, гуляешься,
Со мной на речи, победнушка, не ставишься,
На сговор со мной, печальна, не сдаваешься.
Видно, в живности, надежная головушка,
Ты в прохладной живешь, да видно, жирушке.*

А если есть дети — прибавляет:

*Знать, не растишь ты сиротных малых детушек,
Видно, нет в сердце великой кручинушки,
Нет обидушки в ретливом, знать, сердечушке!
Не попустишь ты, суседушка, зычен голос,
Ни умильного, складного причитаньца,
Знать, боишься ты великого несчастьяца,*

Уж какого е злодейна бесталаньница!
 Знаю-ведаю, кручинная головушка,
 Про твое да горе-горькое живленьице;
 Ведь ты растишь-то сиротных также детушек,
 Во маётной, во бобыльской растишь жирушке!
 Не одны родители хотя нас отродили,
 Одним участью-таланом наделили!
 Да ты слушай же, несчастная суседушка,
 Хоть головушка твоя да безначальная,
 Сердечушко твое да беспечальное;
 Мы с тобой, да свет спорядная суседушка,
 Во несчастный день во пятницу засеяны,
 В бесталаный день во среду вспорожены;
 Как во ту пору родитель спородила,
 Когда кузнецы во кузницах стояли,
 Часовые на часы да прибиралися,
 Как булат это железо разжигали,
 Как железны эти обручи ковали
 На наши на несчастные сердечушка,
 На нашу на победную утробушку.
 Да ты слушай же, горюша бесприютная!
 Кабы знала ты, спорядная суседушка,
 Про мою да про велику бы невзгодушку,
 Про эту бы несносную обидушку!
 Как сегоднешним господним божьим денечком
 Без воды да резвы ножки подмывает,
 Без огня мое сердечко разгоряется,
 Ум за разум у несчастной забегает,
 Буйна голова без ветрышка шатается!

Когда могилу зарюют, вдова припадает к земле и вопит:

Приукрылся нонь надежная головушка
 Во матушку ведь он да во сыру землю,
 В погребя ведь он да во глубокие!
 Призарыли там надежу с гор желтым песком,
 Накатили тут катучи белы камешки!
 Прозабыла я, кручинная головушка.
 Доспроситься у надежной у державушки:
 Когда ждать в гости любимое гостибище?

Во полночь ли ждать по светлому по мисяцу,
Али в полдень ждать по красному по солнышку?
Аль по утрышку да ждать тебя ранешенько,
Аль по вечеру да ждать тебя позднешенько?
Не утай, скажи, надежна мне головушка;
Ухожу своих сердечных малых детушек
Я на эту на спокойну малу ноченьку,
С горя сяду под косевчатым окошечком,
Со обиды под туманное околенко,
Сожидать буду надежну тя головушку.
Покажись, приди, надежная головушка,
Хоть с-под кустышка приди да серым зайушком,
Из-под камышка явись да горонсталюшком!
Не убоюсь, бедна кручинная головушка,
Тебя устричу на крылечике переноем,
Отворю да я новы сени решетчаты,
Запуцу да в дом крестьянску тебя, жирушку.
Ты по-старому приди да по-досюльному,
Большаком ты в дом приди да настоятелем.
Видно, нет того на свете да не водится,
Что ведь мертвые с погоста не воротятся,
По своим домам оны да не расходятся,
Едина стоит могулишка умершая!
У меня, да у печальной бы головушки,
Кабы было золотой казны по надобью,
Я бы наняла ведь плотничков-работничков,
Я бы сделала кивоты белодубовы
Я на эту на могилушку умершую,
Чтобы белым снежком не заносило бы,
Частым дождичком могилы не залило бы,
Мурава-трава на ней тут выростала бы
Всяки разные цветочки расцветали бы!
Я бы почасту туда стала учащивать,
Я бы подолгу ведь там стала усеживать!
У меня, да как печальной бы головушки,
В полном возрасте сердечны были детушки,
Они б ставили кресты животворящие
На этой бы могилушке умершей,
На родителя-кормильца света батюшка.

Возвратившись с погоста, вдова останавливается у крыльца своего дома и рыдает, причитая:

Я приехала, печальная головушка,
 Я от этой церкви божьей посвященной,
 Я со этой могилушки умершей,
 Там оставила любимую семьюшку,
 Я во матушке оставила сырой земле!
 Нонь гляжу-смотрю, печальна горепашница,
 Я на это на хоромное строеньце,
 Повону — стоит палата грановитая,
 Понутру — стоит тюрьма заключевная,
 На слезах стоят стекольчатые окошечки,
 При обидушке косевчатые окошечки,
 Отшатилось крылечко перёное
 От этого хоромного строеньца,
 Разрешетились новы сени решетчатые;
 Мне нельзя пройти, кручинной головушке,
 Во это хоромное строеньце!
 Повзыщу пойду любимую семьюшку
 Я по этому хоромному строеньцу,
 На этом ли сарае колесистом,
 Во этом ли дворе я хоботистоем, —
 Не залагат ли он ступистой лошадушки,
 Не поезжат ли во темны леса дремучие?
 Не могу найти, печальная головушка!
 Вы сжалуйтесь-ка, спорядные суседушки,
 Засмотрите-тка печальную головушку,
 Не покиньте сироту вы горе горькую?
 Со сердечныма малыма детушкам!
 Сирота ведь я, горюша бесприютная,
 Нонь позябну я холодной, студеной зимой,
 Нонь помучусь я голодной смеретушкой;
 Нигде нету-то талой талиночки,
 Ни в ком нету мне великого желаньца:
 Как-то жить буде, печальной мне головушке?

По приходе домой около дверей вопит:

Вы послушайте-тка, братцы богоданные,
 Не заprite-тка новых сеней решетчатых,
 Не задвиньте-тка стекольчатых околенок,
 Допустите до хоромного строеньца!

*Вы возьмите-тка победную головушку,
Вы во двор меня, горюшицу, коровницей,
Вы во зимное гумно да в замолотчики,
Вы во летные меня да во работники.
Золотой казны вы мне да не платите-ка,
Только грубым словечком не грубите-тка,
К дубову столу меня да приапустите-ка,
Не обидьте вы печальную головушку!
Не прошу да я, победна горепашница,
Со полосыньки у вас да я долиночки,
Ни с по поженки у вас да я третиночки,
Половины со хоромного строеньца
И ни паю со любимой скотинушки.
Я о том прошу, победная головушка:
Вы обуите столько резвы мои ноженьки,
Вы оденьте столько белы мои плечушки,
Вы подберите победную головушку!*

Наедине, когда стоскуется, рыдая, приговаривает:

*Мне пойти было, кручинной головушке,
Мне во эти мелкорубленные клеточки,
Мне-ка взять было ключи да золоченые,
Отомкнуть было ларцы да окованные,
Мне-ка вынять там жилеточки шелковые,
Мне-ка взять да столько цветно его платьеце
На свои мне-ка на белы эти рученьки,
Приложить было ко блеклому ко личушку,
Мне прижать было к ретливому сердечушку!
Тут присесть было к стекольчату окошечку!
Во руках держать да цветно его платьеце,
Поглядить да на восточную сторонушку,
Мне ко этой божьей церкви посвященной,
Поглядить да на путь широку дороженьку,
Тут не идет ли-то надежная головушка,
Не оденется ль во цветно он во платьеце,
Не пойдет ли ко владычному ко праздичку,
Не возрадуется ль ретливое сердечушко
У меня, да у победной уголовушки!
Ты приди теперь, надежная головушка, —*

Единым теперь ведь я да единешенька, —
На сегодняшний Господний Божий праздничек.
Я приму тебя за гостюшка любимого,
Угощу тебя, желанную семеюшку!
Не могу дождать, кручинная головушка!
Кладу платица на стопочки точеные,
Кругом-около, горющица, похаживаю,
Я по цветному по платицу подрачиваю.
Снаряжусь пойду, кручинная головушка,
Ко этому владычному ко праздничку,
Повзыскать пойду надежную семеюшку
Я во этих толпах да молодецких;
Прибирать стану, постылая головушка,
Я по белому его да всё по личушку,
Я по ясным его да ведь по очушкам,
Я по желтым по завивным кудерышкам,
Я по возрасту, надежу, да по волосу,
По походочке его да по щепливой,
По говорюшке его да по учливой.
Не могу прибрать, кручинная головушка,
Не изо ста ведь я, да не из тысячи
Сопротив своей любимой семеюшки!
Как пойтить мне ко владычному ко праздничку,
Подивуют мне-ка добрые ведь людюшки,
Что забыла, знать, любимую семеюшку —
Все гулят да у владычных у праздничков
Во любимой во снарядной покругушке,
Знать, приманиват удалых добрых молодец,
Знать, на радости она да на весельице,
Нонько годушки пошли да все бедовые,
Как бессовестный народ пошел мудреной!
Пораздумаюсь, победная головушка,
Отложу да я, горюша, Божьи празднички,
Буду Господа-Владыку ведь я знать,
Поминать стану любимую семеюшку,
Потоскую над косевчатым окошечком,
Я поплачу на брусовой лучше лавочке!
Знать, судьба моя, горющицы, несчастная,
Горька участь-то моя, знать, бесталанная,
Видно, жить мне без надежной век семеюшки,

Знать, коротать мне, горюше, свою молодость!
Мне не дать спеси во младу во головушку,
Суровства да во ретливое сердечушко,
Мне в веселый час, горюше, не смеяться,
Мне кручинной быть, горющице, не плакать;
Светов братцев не гневить надо,
Богоданных сестриц да не сердить надо!
Я без ветрышка, горюша, нынь шатаюся,
На работушке, победна, призамаюся;
Надо силушка держать да мне звериная,
Потяги надо держать да лошадиные;
Столько живучи без милоей семеюшки,
Я со этой со великой со кручинушки
Я бы выстала на гору на высокую,
Со обиды пала в водушку глубоко бы;
Лучше матушка земля да расступилась бы,
Туды я, бедна горюша, приукрылась бы, —
Тут не ржавело б ретливое сердечушко,
Тут не ныла бы сесчастливая утробушка.
Получила я, победная головушка,
Нелюбимое словечико вдовиное;
Как несчастной вдовой да называют,
Быв холодной водой да поливают!
Не рядела бы, победная головушка,
Я народу бы, горюша, некрещеному
Во победном жить сиротском во вдовичестве!
Как посла твоей любимой семеюшки
Уже шесть прошло учетных неделюшек —
Мне-ка за шесть-то учетных кажет годиков!
Притрудилась на крестьянской я работушке,
У мян силушка теперь да придержалася,
С горя рученьки мои да примихалися,
Во слезах да ясны очи примутилися,
Добры людюшки того да надивилися.
День и ночь хожу на трудной на работушке,
Не в покою тут ретливое сердечушко,
Не во радостях кручинная головушка,
Я во этой во великой во досадушке!
Я приду да с во крестьянской как работушки,
Я по вечеру а приду, бедна, поздешенько;

Вся в собраннице любимая семеюшка —
 Светушки да тут все братцы богоданные
 Со своима со любыма семеюшкам;
 Со серденыма рожоныма со детушкам;
 Как во светлую собрались оны светлицу,
 Во столовую во нову оны горенку,
 Круг стола сидят оны да круг дубового,
 Оны пьют сидят теперь да угощаются.
 Уж как я, бедна кручинная головушка,
 Отрешённа от любимой от семеюшки,
 Отряхнулась я от светлой новой светлицы,
 Отрешилась самоваров я шумящих;
 Не за чаем-то ведь я да угощаюся —
 Я горячима слезами обливаюся,
 Я крестьянской работой забавляюся!
 Закреплю свое ретливое сердечушко,
 Тут я ставлю им столы да всё дубовые,
 Да я слажу им тут ужины вечерние,
 Потихошеньку к дверям да подходить стану,
 Я с-за тульица, с-за липинки поглядываю,
 Из-за дверей да разговорухи держу;
 Сговорю да светам братцам богоданным:
 «Скоро ль идете за стол да хлеба кушать!»
 Засвирипятся ветляны тут нешутухи:
 На меня, да на кручинную головушку:
 «Что торопишься за ужину с вечернюю?
 Знать, спешишься на спокойну темну ноченьку?»
 Оны искоса ведь вси тут запоглядывают,
 Со всей лихостью оны да разговор держат:
 «Не устали твои белые там рученьки:
 Не работушку сегодня работала е,
 За кудрявой деревиночкой стояла все,
 На красное солнышко поглядывала;
 Скоро ль солнышко ко западу двигается,
 Скоро ль красное за облако закатится,
 Со работушки вдова да в дом пришатится?»
 Им не в честь моя крестьянская работушка;
 Потихошеньку, горящица, похаживаю,
 Всё по этому хорошему строеньицу,
 Вся усадится любима тут семеюшка

Как за стол да хлеба кушать,
Круг стола стану, горющица, похаживать,
Приносить да стану ествушка сахарние,
Словно белка, на не шутушек поглядывать
Один умной да мой братец богоданный
Он спроговорит единое словечушко:
«Ты, вдова, наша невестушка родимая,
Что похаживашь, сноха наша любимая,
Ты садись-ка ведь за стол да хлеба кушать!
Тоже дольщицка ведь ты — да не подворница,
Ты участница участку деревенскому.
Ты ведь пайщица любимой скотинушке,
Половинщица хоромному строеницу!
Ты садись, бедна, за стол да хлеба кушать!»
Тут возрадуюсь, победная головушка,
Благодарствую я братцу богоданному:
«Спасет Бог да сватушка братца любимого
На твоём да на великом на желаньице,
На прелестных, на ласковых словечушках!»
Тут за стол сяду, горющица, смелешенько,
Я поём да тут, обидна, веселешенько,
Устелю да тут пуховы им перинушки,
Уберу я со стола да со дубового, —
Тут я сяду под косевчато окошечко.
Успокоится любима вся семейшка.
Был великая вода тут разливается,
Под окном сижу — слезами обливаюся!
Тут не сном да коротаю темну ноченьку,
Я победным своим разумом смекаю все:
Как наутро будет по ранному заутрышку
Разрядят ли на крестьянску хоть работушку,
В добродумье ли ветляные нештушки
Со спокойной станут темной оны ноченьки?
Уж я бедна кручинная головушка,
Быв упалой, как загнаный серой заюшка,
По мостиночке с утра стану похаживать,
Я на светушков на братыцов поглядывать.
Стану спрашивать, кручинная головишка:
«Мне куда поти на крестьянску на работушку?
На луга ли мне й пойти ль да сенокосные?»

*На поля ли мне пойти ли хлебородные?»
Разрядят да светы братцы богоданные.
Как пойду, бедна кручинная головушка,
Я на трудну на крестьянскую работушку,
Проливаю тут я слезы на сыру землю,
Я правою ногой горючи заступаю,
Чтоб не видели суседы спорядовые,
Что заплаканы ведь ясны мои очушки,
Что утерто мое бело это личушко;
Не сказали бы тут братцам богоданным,
Не шепнули бы ветляным нештушкам,
Все остудушки в семье не заводили бы,
Оны в грех бедну вдову да не вводили бы.
Встричу стритятся суседи спорядовые,
Я поклон воздам, обидна, понизешеньку,
Говорю, бедна горюша, веселенешко;
Не подам виду во добрые во людюшки,
Что иду, бедна горюша, при обидушке!
Веселым иду, горюша, веселешенька;
Не в укор да буде братцам богоданным
От этих от спорядных суседушек!
Я путем иду — с суседмы взвеселюся,
Светов братьицев ведь я да одобряю,
Злых нештушек ведь я да восхваляю;
А что дается в ретливом сердечушке,
Кабы знали про то людюшки да ведали!
Хоть иду, бедна горюша, веселешенька,
Без огня мое сердечко разогрется,
Без смолы моя утроба раскипляется,
Без воды да резвы ножки подмывает!*

В городе, когда умирал кто-либо из близких людей, родные, разумеется, плакали, горевали и, бывало, сильно, но выражать свое горе в громких стенаниях, воплях считалось неприличным. В деревне — наоборот. Плач, причет, рыдания были нормой. Оплакивание усопшего проходило публично: в присутствии всех собравшихся в избе, а на кладбище — и всей деревни. И чем громче и длиннее причет — тем лучше. Приводимое здесь причитание, записанное от знаменитой сказительницы И. А. Федосовой, содержит полторы тысячи строк (здесь оно дается с купюрами).

Кладбище в деревне Межеги.
Олонецкая губерния. Колл. МАЭ РАН, № 1363-107

Если соседи пытались унять, утешить вдову, она просила не мешать ей причитать и так выплакать свое горе, и просит соседей помочь ей жить без мужа дальше. На что одна из присутствующих соседок «отвапливает», отвечает, что они никогда не оставят ни ее, ни ее детей, обращаясь к покойнику, как бы дает в этом клятву, одновременно прося его на том свете передать привет ее родным. Только на время отпевания умолкают вопли, а потом вдова опять начинает причитать, благодарит священника и всех, кто участвовал в отпевании, что хорошо отпели и помогли душе ее мужа.

Если вдова молодая, она заверяет покойного мужа, что всю жизнь будет хранить ему верность, а одна из соседок, тоже причитая, дает ей наставление, как ей теперь себя вести: не наряжаться, не ходить на гулянья, не «кокетничать» с мужчинами, чтобы люди не осудили. Детей воспитывать честными и трудолюбивыми, обращаться к соседям за советами по любым вопросам, если в том будет потребность.

На другой день, приближаясь к погосту, вдова причитала, что теперь ее жизнь идет по трем путям: в «лавочку торговую», в церковь и на «могилу умершую», то есть навещать могилу мужа, что хотела бы с ним и в могиле не расставаться, но братья мужа напомнили, что ее ждет работа и «малы детушки», и она смиренно приняла эти напоминания.

Причет по отцу

338. *Голубочек мой родимой батюшка,
Куды же ты снарядился,
Во которую стороночку,
Откуль я стану ждать.
Прилетят-то мелки пташечки,
Сяду-то я, горька сироточка,
Я ко окошечку ко косящату,
Посмотрю я в ту стороночку,
Не летит ли мой родимой батюшка,
Не зворкует ли жалобнешонько,
Не скажет ли он мне тошнихонько.
Я сижусь-то, горька сироточка,*
- У окошечка-то косящата,
Я осталася одна сироточка,
Закокует в бору кокушечка,
Загорюю то я, горюшечка,
Загорюю я, горька сироточка,
Я без батюшка, без родимого,
Без дитятков, без родимых.
Уж как были бы у меня дитятки,
мне не так бы было прискорбно,
Осталась-то я все однешенька,
Уж как был бы родимой батюшка,
Уж как не было бы мне печалюшки.*

Причет по матери

339. *Моя родненькая матынька,
Не сердись-ка на меня ты на сиротушку,
Что стелила я, сиротонька,
Тебе на житье вековечное,
На вековечно-бесконечное.
Стелила я тебе постелюшку не мякешеньку,
Не мякешеньку, не хорошошеньку,
Не сердись-ка, моя родненькая матынька!
И что ты на кого же ты меня оставила, сиротинушку?
И что хоша приде ко мне, сиротинушке,
Велико большо горюшко,
Только не к кому сиротушке
Пришануть буйной головушки.
Подожду-то я, сиротинушка,
Что любимой весны красныя,
Весны красныя с летом теплым:
Как повыеду, сиротинушка,
Во любимо чисто полюшко на тяжелую работушку,
Прилети-тка-си, моя родненькая матушка,
Любимую серую кукушечкой,
И сядь-ка-сь ты на белую березушку,
Ко мне, сиротушке, поблизешеньку.
И узнавать буду, сиротинушка,
Не по крылышкам, не по перушкам —
По твоей по буйной головушке.*

Причет вдовы по мужу, погибшему на водопаде Кивач при сплаве леса

340. *Села-то я, бедная, подумала,
Я раздумалась своим да умом-разумом:
Как на исходе-то холодная, студеная зимушка,
Наступает-то гульлива да разлизна красна веснушка,
Приходит-то тепло красное вот летушко,
Как потают вот пушистые снежочки,
Разнесет-то хрустальныи ледочки,
Поразольются озера, бережочки;
Как пойдут да добры людюшки, пойдут да поразьедутся
По всем-то по разным сторонушкам,
По всяким-то оны да по наживушкам;
Как мой-то законная семейшка
Куда удалится ли отправится, али при доме останется?
Подходил-то мой законная семейшка ко косивчату окоешку,
Он садился на брусову белу лавочку,
Он садился, призадумавши,
Приклонил-то свою младую головушку,
Утопил да свои ясныи он оченьки.
Говорила я, кручинная головушка:
«Ты чего сидишь теперь да призадумался,
Чужих басен ты чего же приослушался,
У молодухек ли ты да разговорушек,
Ли у девушек жупливых жалких писенок,
Ли у старушенек ли ты да повестушечек?»
Отвечал в ответ удалая головушка:
«Ничего я не ослушался, уж я только призадумался.
Как тебе-то нет заботушки в головушке,
А у мян много есть заботушки в головушке.
Как долит-то вот великая заботушка
И крушит мою младую головушку,
Холодит мое ретивое сердечушко.
Вот зима теперь кончается, и весна да приближается.
Денежки теперь да придержалися,
Хлебушки у нас теперь приелися,
И наживушки теперь да не привидится, а работы не присльшитися.
Я не знаю сам теперича, не ведаю,
Мне куды идти теперь да на наживушку,
Мне в которую отправиться сторонушку.*

Уж я сдумал-то своим да умом-разумом:
Теперь люди-то на сплав да отправляются,
Да на выгонку беревенну снаряжаются,
Либо мне туда вот с ними да отправиться.
Там работушка ведь сручная,
Там ведь плата есть хорошая,
Там есь лебушки готовые,
Ли отправлюсь, добрый молодец».
Говорила я, кручинная головушка:
«Не ходи-ка ты на эту наживушку, —
Хоть много-то туда да отправляются,
Да много и назад не возвращаются.
Там наживе есь не славная, а работа там задорная,
Там ведь служба беспокойная;
Та работушка тебе будет несручная,
К той работушке-то вы да непривычный,
Там да никогда вы не бывали,
Той работы и в глаза вы не видали,
Там по утрышку вставать надо ранешенько,
До красного до праведного солнышка,
А по вечеру ложиться спать поздешенько
Не на мягкую постелюшку, а на матушку сыру землю;
А постелюшка та — травонька муравая да мягкие мошочки,
А сголовьице-то — сини камешечики.
Надо цельный день по бережку похаживать,
По всем-то по сторонюшкам посматривать,
Скорешенько поскакивать, поскорее-то подбегивать;
Надо бегать по холодной ключевой воде,
Скакать надо прискакивать по лесам да по бревешечкам,
За порядком-то посматривать
Да бревешечки направлять по ключевой свежей водушке,
Их от бережков отпихивать, по реке их вход налаживать,
Там хоть реки не широкие — есте длинные, безмерные,
Там места есте опасные,
Переплывы есте узкие, места да каменистые;
Там пороги есть свирепые,
Там вода бежит сердитая.
Вода бежит, сыграется, сердито колыбается,
В падуны она стекается;
В падунах места топучие,

*Подходы туда трудные,
Бревна идут по водушке, задеваются за камешки,
Бревно с бревном встречается,
Там заломы набиваются, те заломы есте страшные.
Подходить надо со трудностью, избавлять да их — с опасностью.
Подбегать надо смелешенько, избавлять надо скорешенько,
Не стоять да не постаивать, других да не поджидывать,
Не дорожить своей младоей головушкой,
Своей жизнью да сесветнойей.
Поскорешенько канат надо подхватывать,
Ко деревцам на бережках привязывать,
Сквозь люлечку канат надо протягивать,
Поспешать надо во люлечку взаскакивать,
Крестить надо глаза да на святителей,
Избавлять надо бревешки поскорешенько со залама-то великого,
Поддевать надо баграма да умнешенько!
Тут осмелить надо младую головушку.
В тую пору, в тое времечко много силы надо — ловкости,
Много удачи прибавити — со залама бревна сбавити,
Впредь по водушке отправити.
А как и то есте случается, что головки там кончаются.
Как задрожат да ручки белые,
Как не выхватит-то силушки в могутных во плечушках,
Как, может, скружит ихну младую головушку —
Тут повернется-то люлька на канатике.
Тогда падают удалые головушки
В кипучую, в сердитую во водушку.
Тогда жизнь да их кончается и головушки решаются.
Отвечал в ответ удалая головушка:
«Везде-то всегда люди вот бывают,
А без суда-то смертей не получают.
Я на реченьку пойду да не на дальнюю, я на самую на ближнюю,
Я на сплавку Кондопожскую, на реку пойду на Суньскую.
Я пойду туда близешенько, придет весть да вам скорешенько».
Снарядила я удалую головушку, отправила законную семеюшку.
Пошел-то он в пугистую дороженьку,
Он пошел-то на добычу, на наживушку;
Уж мы с им да расставались, уж мы с им да распрощались...
Туды сошли наши удалы добры молодцы,
Поступили-то они да на работушку,*

На спешную работку, не на свичную;
Стали они, молодчики, работати,
Денечки вечериком коротати,
Там длинешеньки денечки казались,
Им работка там не ндравилась.
По реке Суне отправились, по быстрой они наладились,
Как по бережкам стали они похаживать, леса стали направлять.
Подходили ко местам они опасным,
Ко кряжам они ко крутым, ко порогам ко быстрым,
К падунам семисаженным, ко Гирвас под названием.
Тут они заломы избавляли, впредь леса они по Суны отправляли,
Вдоль по речке продолжались, к Пор-порогу приближались;
Тут вода да разыгралась,
Встрету бревна да стретались и заломы набивались,
Тут молодчики спешилися, за багры они хватались,
Тут оны да подловчилися, за заломы принимались.
Вдруг леса да избавлялися, вниз по реченьке спускалися.
Тут пошли они по-старому, погнали леса по-прежнему;
Шли по крутым по бережкам, шутили разны шуточки,
Спевали-то они да разны песенки,
Шли по реченьке, смеялися, к Кивачу да приближались.
Как Кивач — место опасное:
Тут река бежит свирепая, а вода есте сердитая,
Тут есть место кряжевитое, тое место каменливое.
Как тут бревна поверталися, тут заломы набивались,
Заломы-то великие, леса тут да бесчетные, на сумму-то огромную.
Как молодчики в тот час да ужасалися,
Круг залама-то они стали побегивать,
В головах стали они почесывать,
Стали они багорики похватывать.
«Вы, робятушки, старайтесь-ка, вы за трости принимайтесь-ка,
Вы за люлечку хватайтесь-ка!»
Хватали-то канатики скорешенько, брали-то они люлечку живешенько.
Протягали сквозь люлечку канатики смоленые,
Причалляли они трости да ко бережкам,
Скакали-то скорехонько во люлечку,
Стали люлечку близешенько подаживать,
Самы стали «дубинушку» покрикивать,
Самы стали багорца-то направлять да за деревцы захватывать.
Хоть было-то у их ловкости,

*А не хватило только силушки,
Как подрезало у них да ножки резвые,
Задрожали-то у них да ручки белые,
Закружились-то младые головушки,
Тут упали-то багорышки со рученок,
Тут свернулась-то у них да эта люлечка,
Тут упали-то удалые головушки
В кипучую, в холодную во водушку,
Тут тонули-то наши добрые-то молодцы,
Тут пришла им скоро неначаянна смертушка.
Видно, Богом та смеретка им да сужена
Да самы ихны головушки на суд пришли,
Их забило во глубокую, во холодную во водушку,
В глубину их утащило непомерную;
Приломало им тут белые-то рученьки,
Придавило ихны младые головушки,
Протащило их по быстрой по реченьке;
Их бросало-то на крутые на бережки.
Тут нашли да их товарищи,
Поднимали их на белые на рученьки,
Уж как что-то на себе да пригодилось,
В том в земелюшку молодчики ложились.
Им — ни гроба и ни савана, ни досок да посторонних,
Не наладили векового-то им да одеяныца,
Домовишечка не сделали векового,
Ни петья божья церковного, да ни звону колокольного,
Да не призвали попа — отца духовного.
Как пришло нам письмо-грамотка нерадостна,
Извесьтице пришло да невеселое —
Нет во живности нашей-то удалой головушки,
Что пришла ему скорая, неначаянна смертушка.
Тут сужахнулось ретивое сердечушко.
Как-то стану жить я, беднушка-горющица,
Как возвращать рожонных, сердечных малых детушек
Во вдовиной, во победной, в сиротской во жирушке?
Хоть жирушка была да мни-ка нужная,
Дак я жена да была мужняя;
А уж как нынеча-тепереча сказать да тяжелешенько,
Ко сердеченьку принять да обиднешенько, —
Нелюбимое вдовиное словечко я теперь да получила,*

Я осталась вот, победная головушка,
 Я во скудной, во нужной во жирушке:
 Не осталосе именица, богачесьва,
 Не осталося у нас да золотой казны;
 Уж как быдто с корабля да с безызвестного
 Мы остались, победы беспоместные,
 быдто в полюшке шатучи деревиночки
 Мы победные остались сиротиночки,
 От бережка отчалили — ко другому не приехали.
 Не поверю я, победнушка, ни письму да я ни грамотке,
 Я ни верному известьицу,
 я сама туда отправлюся, на место на погибшее,
 К Кивачу да ко названному, к падуно да ко утоплуму;
 Стану я по реченьке похаживать
 Да у людишек выпрашивать, у товарищей выведывать:
 «Вы скажите-ка, пожалуйста, говорите, не тяните-ко,
 Ужель есть еще во живности
 Моя-то законная семейюшка да удалая головушка?»
 Охти мни, бедной горющице, сама знаю, сама ведаю —
 Письмо-грамотка неложная, а известье не подложное;
 Уж как век того не водится — со мертвых живы не родятся.

Плач по дочери

341. Как сегодным долгим годышком
 Перед этой злой обидушкой
 Унывало все ретливое сердечушко
 У меня да у позяблой бедной матушки!
 Говорила мне-ка белая лебедушка:
 «Я не знаю же, родитель мой, межонный день,
 Что болят да крепко резвы мои ноженьки,
 Что устали нонь девочки мои рученьки,
 Изменился белый свет да со ясных очей!
 Хоть дождусь-то я темной этой ноченьки,
 Хоть я лягу на тесовую кроваточку,
 Все болит да моя буйная головушка!
 Ты будить придешь, родитель жалостливая,
 Кое-как да на постели я размаюся,
 Погляжу тут на косевчато окошечко:
 Вьют витрышки на широкой на улличке,
 Погодушка стоит во чистом поле!»

*Я не знала, бедна мать, горька детинная,
Что разлукушка с сердечным буде дитяtkом!
Было совестно сказать да во добры люди,
Что грузна-больна белая лебедушка!
Тут по моему великому несчастью
Вдруг склонило ю тяжело неможенънице,
Сустигала злодий скорая смеретушка;
Я сидела тут по темным у ей ноченькам,
Провожала с ей господни белы денечки,
Я забросила крестьянскую работушку,
Прозабыла всю любимую скотинушку,
Поднимала от пуховой ю перинушки,
Я держала ю на белых своих рученьках.
Говорить да стала белая лебедушка:
«Не могу сидеть, родитель жалостливая,
Не глядят да ясны очушки на белый свет.
Я трудным да нонь, лебедушка, труднешенька!»
Приносить стану тут ествушки сахарние,
Стану потчевать сердечко свое дитяtkо:
«Чего хочешь, моя белая лебедушка,
По уму сложу те питьица медвяные!»
Говорить стане сердечно мило дитяtkо:
«Не спешишь, моя родитель жалостливая,
Не ходи да ты во лавочки торговые,
Не бери ты мне-ка сладкого еденьца,
Ты не трать, мое желанье, золотой казны,
Не тревожь ты добрых многих этих людюшек,
Не труди меня при трудное постелюшке;
Просит Господи в великом согрешеньце,
Може, даст Господь доброго здоровьица
И наставит мне-ка долгого он векушку!»
Уже день за днем, как река, течет;
Приходить стала разливна красна веснушка,
Стало синее Онего разливаться,
Мое дитяtkо от нас да удалятся.
Быв как дождинки уходят во сыру землю,
Как снежочки быдто тают кругом-наокол огней,
Вроде солнышко за облачко теряется,
Так же дитяtkо от нас да укрывается!
Как светел месяц поутру закатается,*

*Как часта звезда стерялась поднебесная,
Улетела моя белая лебедушка
На иное, безвестное живленьце!*

Когда оденут: *Ой, долит меня детинная тоска неугасимая:
Ночь крутят мою касату милу ластушку,
Во умершее крутят да ю платьице!
Я пойду с горя во светлую светелочку,
Со обиды по ларцам я окованным,
Я повыну ейно цветно это платьице,
Приложу да ей на белые на грудюшки;
Уж я эту жемчужную подвесточку
Положу да я на младу ей головушку,
По подвесточке розову косыночку;
Я заглажу ейны русые волосушки,
Уберу да я завивну ейну косыньку
В дорогие золотые эти ленточки;
По русой косы кладу цветы алые,
Я накину тут соболью ж ту шубоньку
На девочки ей на были на плеченьки!
Полубуйтесь-ка, род-племя любимое
Покрасуйтесь-ка, советны-дружны подружки,
Со сторон глядя, суседи спорядовые!
Ой, тошным да мне, победной, тошнешенько!
Не цветно ноньку басисто на ей платьице,
Не приляже к ей жемчужная подвесточка,
Ю не греет-то соболья ноньку шубонька!
Убирают мою белую лебедушку
Во эту ночь колоду белодубову!
Не жалею я, победная головушка,
Ни этой пуховой я перинушки,
Ни эта соболина одеялица;
Устелите-тка перину хорошоохонько,
Вы оденьте-тка лебедушку теплешенько,
Отрядите мое дитяtko любешенько!
Распоролы бы нонь грудь да мою белую,
Посмотрели бы во матерну утробушку;
Быв огнем мое сердечко разгорается,
Как смола, кипит в несчастной утробушке,
Ушибат столько злодийная обидушка!*

К покойнице: *На полете лебедь белая,
Ой, куда летишь, касатушка?
Не утай, скажи, сугрева моя теплая;
Как пчела в меду, добротинка, купалася,
Как скачен жемчуг по блюду рассыпалася;
У стола была любимая стряпёюшка;
За ставом да дорогая была ткююшка;
За тамбуркой досужа рукодельница,
Вышивала всяки разны полотенечки;
Столь зарилися многи добры людюшки,
Все ласкалися удалы добры молодцы;
Ведь наряжена, кажись, была покрутушка,
Освобожена гостина неделюшка;
Говорили вси советны-милы подружки;
«Счастливая ты девушка, таланная,
Цветным ты платьем изнавешена,
Тяжелой ты работой не огружена,
Бранным ты словечком не огрублена;
Вопрягу тебе ступистая лошадушка —
Днем ездить по унылым по свадебкам,
Вечеру да по смиренным беседушкам!»
Не начáлась я, горюша, не надиялась!
«Сыто идется дитя, да долго выпится».
Хоть повыстану по ранному я утрышку,
Потиху приду во светлую светелочку,
Тихомолком ко тесовой я кроваточке,
Сотворю да тут Иусову молитовку,
Принакрою соболиным одеялышком.
Я поглажу ю по младой по головушке:
«Да ты спи же, моя белая лебедушка,
Во своем пока прекрасном ты девичестве,
На этой на пуховой ты перинушке!»
Знать, что ведало ретливое сердечушко,
Что не долго буде ейного живленьица!
Как сегодным долгим годышком
Было ранее у ней да пробужденьице;
Не охотило сердечно мило дитятко
Ходить-издить по унылым по свадебкам,
По летным ходить да по игрищечкам,
По зимным тихомерным беседушкам,*

Тосковало за девочьим рукодельцем,
 Быв в гостях да у породны именной,
 Не поспела бедна мать полюбоватися,
 На дитяtko свое да насмотритися,
 Воспокинула ю белая лебедушка!
 Не утай, скажи, касата моя ластушка,
 Ты на чье нас покидаешь доброумьце?

К родственникам: Спасет Бог вас, порода родовитая,
 На вашем великом желаньце!
 Вы любили наливную мою ягодку,
 Почитали мою белую лебедушку,
 Почасту брали в любимое гостибьще:
 По этой студенной холодной зиме
 Да вы пошлете крылата ясна сокола
 На этой ступистой вы лошадушке,
 На дубовых вы санках самокатных.
 Она гостьницей бывала двунедельной,
 Почасту была беседницей воскресной;
 Как приидет со любимого гостибьща,
 Все хвалилося сердечно мое дитяtko:
 Было мистечко во светлой, скаже, светлице,
 Мне почет-то был, скаже, во большом углу!
 Вы на улице голубоньку стретали,
 Через два поля вы гостью провожали;
 По уму ей были кушанья снаряжены,
 По устам ей были питьица составлены,
 По рукам ей красна ложечка положена!
 Теперь все прошло-миновалось,
 С родом с племенем она порассаталася,
 С отцом с матушкой распроситалася,
 Нонь далече от породы отшатилася!
 Не прииде к вам белая лебедушка
 На гостиную уречную неделюшку!
 Еще слушай же, порода именная!
 Попеняю вам, любимы милы сроднички!
 Столько гневалося сердечно мое дитяtko,
 Как лежало при болезной постелюшке, —
 Не пришли вы к ей, белой лебедушке,
 Засмотрить да вы при крутом ю зголовице.

Знать, боялись вы тяжела неможенъница,
Устрашились, а видно скорой вы смеретушки?
От суда Божья, род, да мы не денемся,
От смеретушки ведь нам да не убежать!
Знать, что нѣ весто вам было не вестимо
Про ейно тяжело неможенънице?
Памятила моя белая лебедушка,
Сождала крепко милых она дяденек!
Хоть я писемок, горюша, не писала,
Пословечно да я людям наказала,
Что трудна очень белая лебедушка,
Тяжела она, при скорой смеретушке,
Не посмили вы, спащливы, прийти дяденки,
Подоброумить мою белую лебедушку;
Что вы подолгу теперь снаряжаетесь,
Что вы потиху ко мне сподобляетесь?
Недосужна, знать, пора было времечко?
Аль умножила крестьянска вас работушка?
Кажись, порушка теперь не рабочая,
Времечко, кажись, не сенокосное!
Аль умножила станица малых детушек,
Что вам не было слободной поры-времечка
К нам прийти о владычном божьем праздничке,
Ни о светлом Христове воскресеньице?
Чем разгневала вас белая лебедушка?
Знать, дубовые полы да притоптала?
Скамеечки кленовые присидела?
Хрусальны она стекла приглядела?
Знать, добрых она коней притомила?
Ваших детушек она ли притрудила?
Знать, дубовы ваши санки прикатала?
Цветно платьице у вас да приносила?
Поразгневалась белая лебедушка
На вас она, спащливых своих дяденек,
Сождаюча родима засмотреньица;
Была в живности белая лебедушка,
Говорила мне, печальной головушке:
«Засмотрели б как спащливы меня дяденки,
Принесли бы оны доброга здоровъица,
Я поправилась с болезной бы постелюшки,

Я бы стала со тяжела неможенница,
 От этого я складного зголовица!»
 Да вы слушайте-тка, род-племя любимое!
 После моего сердечного как дитятка
 На вашей прогульной славной улочке
 Владычный господен буде праздничек,
 Там гульбищечко буде со прокладбищем,
 Гулянице буде со весельцем,
 Приберутся души красны девицы,
 Еины милые сестрицы сдвуродимые,
 Тайны милые советны-дружны по́дружики,
 Они к вам во любимое гостибище,
 Станут шуточки лебедушки шутить,
 Всяки разны будут игры представлять,
 Тут вспомните сердечно мое дитятко
 Вы при милых, советных ейных по́друсках!
 Была первая любимая затейщица
 На все разные игры на забавные,
 Взвеселяла вас, спецливых родных дяденек,
 Спотешала все сердечных ваших детушек!

При выносе: Ты прощайся-ка, рожено мое дитятко,
 С добрым хоронным построеницем,
 Ты со новой любимой своей горенкой,
 Со зтыма млыма подруженькам,
 Со зтыма удалыма ты молодцам!
 Вы простите, жалостливы млы сроднички,
 Ты прости-прощай, порода родовитая!
 Ко белому лицу прикладывайтесь-ка,
 Ко сахарним устам прилагайтесь-ка!
 Вы простите-тка поля хлебородные,
 Вы раскосисты луга сенокосные!
 День ко вечеру последний коротається,
 Красно солнышко ко западу двигается,
 Все за облачку ходячую теряється,
 Мое дите в путь-дорожку отправляется!
 Вы идите-тка, попы — отцы духовные,
 Отомните божьи церкви посвященные!

После отпевания: *Наглядитесь-ка, победы мои очушки,
Хоть во этой божьей церкви посвященной
Про запас вы на сердечно мило дитяtko,
Во умершее во бело это личушко!
Все поны — отцы духовны сдивовались,
Пономарь звонит во колокол — мешается,
Попы-отцы книги зачитаются!
Херувимский оны стих уж допевают,
Умерший венец уж прилагают,
Под праву руку бумагу кладавают,
На вековое живленье отправляют!
Спаси Господи попов — отцов духовных,
Что священны вы церкви отмыкали,
На престоле божью книгу отворяли,
Не жалели вы свечи да воску ярого,
Вы подсвечники на церковь выносили,
Честно-именно лебедушку отпили!
Как берут да мою белую лебедушку
Со этой дубовой со скамеечки
На право плечо удалы добры молодцы,
По лево плечо советны-дружны подружки;
Тут несут оны колоду белодубову
Со этой божьей церкви посвященной
На Крещенскую на славну оны улличку,
На эту на Микольску славну буяву;
Отпускают мою белую лебедушку
По этим оны браным полотенечкам
Во могилушку, мой свет, во сыру землю!
Я прошу еще попов — отцов духовных:
«Вы глубоко погребя покадите-тка,
Не жалийте демьяна да вы ладану!»
Ты прости, моя белая лебедушка,
Во сем меня веку да веку будущем,
Ты во тяжком великом сгрешеньице,
Будет словечком тебя да приогрубил!
Прозабыла я, печальная головушка,
Попросить еще сердечно свое дитяtko,
Как раздать куды любимая покрутушка,
Сотлиет нонь в ларцах да цветно платьице,
Забусют жемчуги нонь перебранные!
Я кладу ейну жемчужную подвесточку*

Во эту божью церковь посвященную,
Ко этой пресвятой да Богородице,
Я своей души кладу да на спасенье,
Я по дитятке на вечно поминание;
Вси шелковые платочки заграничные
Я раздам да по удалым добрым молодцам,
Пусть-ка держат о владычных божьих праздничках,
Пусть-ка носят кругом шеи молодецкой!
Я вси алые девочки ейны ленточки
По душам раздам по красным по девушкам,
Пусть спасают оны белую лебедушку,
Взвеселяются на тихих беседушках!
Раздарю да я колечка золоченые
По милым, сердечным ейным подружкам,
Пускай носят-то на белых оны рученьках,
Поминают свою дружну разговорщицу!
Я подобрю всю породу родовитую,
Я полажу всех сердечных милых сродничков,
Сарафаны я раздам им мелкоскладные!
Вы придите, сироты да бесприютные,
Вы обидные вси дочери безотные!
Я дарю да вас по розовой косыночке,
Я за то дарю обидных вас головушек,
Что сиротки вы победы-бесприютные.
Вам не от кого ждать себе покрутушки!
Я еще дарю вас, белых лебедушек,
За ваше за великое желаньице, —
Привитали вы к касатой моей ластушке,
Засмотрели во болезной ю постелюшке,
Взвеселяли во тяжелом неможеньице,
Проводили вы касату мою ластушку
До этой Божьей церкви посвященной,
Вы несли да ю на белых своих рученьках,
На своих несли на младых головушках!
Уж вы слушайте, сиротны малы детушки!
Вы ходите-тка к победной мне скорешенько,
Засмотрите-тка, позяблую, частешенько,
Во обидушке меня разговорите-тка;
Погляжу на вас, победная головушка,
На свою да как я белую лебедушку!

Проводы рекрутов

По общему трагическому настрою к похоронному обряду был близок обряд проводов мужчин в солдаты.

Рекрутская повинность была введена Петром I в 1699 году, когда возникла необходимость собрать большое регулярное войско против шведов. Само слово «рекрут» появилось в 1705 году (до этого армия состояла из «даточных людей»), в 1877 году наименование «рекрут» было заменено на «новобранец». Каждая крестьянская община поставляла определенное число рекрутов возрастом от 20 до 35 лет. Срок службы был пожизненным. В 1736 году появилось первое послабление: разрешено было оставлять одного из братьев для ведения хозяйства, иногда оставлять кормильца. Лишь в 1799 году срок службы был ограничен 25-ю годами, а в 1834 году официально снижен до 20 лет. Служба в 15 лет была установлена только при воцарении Александра II. Начались и другие послабления. Можно было откупиться. С 1874 года срок службы сократили до семи лет. Оставляли престарелым родителям кормильца. Но все эти послабления были полностью в руках старосты и чиновников, распорядившихся набором по своему усмотрению и учитывавших возможность получить мзду от богатых крестьян.

Обряд проводов рекрутов — «печальный пир» — в русской деревне был несложным. Он начинался с того момента, когда в деревне становилось известно на кого в суеме (на сходке) пал жребий. Тогда в доме рекрута начинали готовить, накрывали стол. В дом сходились соседи. Приглашалась вопленица. Рекрута усиленно поили водкой, «чтобы заглушить горе». Он ходил по избе, а мать или вопленица причитала.

Оплакивание рекрутов, плачи, сопровождавшие расставание с уходившими на службу, хотя и менее древние, чем похоронные, уходят в века. Уже у Гомера Андромаха, простившись с мужем Гектором, оплакивает его, «слезы ручьем проливая». Известен плач Ярославны в «Слове о полку Игореве». В сказании о князе Михаиле Черниговском можно прочесть: «разумев княгиня его, яко князь [...] в орду поиде, и восплакався горьким гласом: увы мне, како отъиде живот мой, остави ми уединенну вдовою и дети своя сиры. Почто аз прежде не умрех?» Русские рекрутские плачи имели прямое сходство с похоронными. У них был тот же эпический склад, та же эмоциональная сила, они основывались на душераздирающем горе... Существенное их различие состояло в том, что рекрутские плачи в меньшей мере имели тот магический смысл, какой имели похоронные плачи при их зарождении. Как живых мертвецов оплакивали матери и отцы новобранца-рекрута, уходящего из обычной семейной и трудовой жизни с ее радостями и горестями. Уходящий мог и не вернуться со

службы — быть убитым в сражении, забитым шпицрутенами, умереть от болезней, голода и холода. Эта неизвестность делала расставание еще горше. И если умершему в загробной жизни предвещались покой, тишина и избавление от всякой болезни и боли, то рекрут уходил навстречу всем этим лишениям. Жестокое обращение, плохое питание, дрянное обмундирование, — все это пожизненно, на 20—25 лет. Как точно выразила И. Федосова, «жива эта разлука пуше мертвой».

Причитать, выть, вопить было обязательным в обряде проводов рекрута. Но в различных местах размер и характер причетов был различен. Наиболее обширным, ярким он был на Севере. В причете традиционен не текст, а умение использовать уже существовавшие образы, формулы, словосочетания, вопросительные и восклицательные предложения. И чем талантливее вопельница, тем ярче ее причитание. Если близкие не рассчитывали на свои силы, нанимали известных в округе вопельниц, которые могли продолжить словесную вязь причета, и притом на высоком эмоциональном накале, столько времени, сколько требовали обстоятельства. И. Федосова, описывая все тяжести военной службы, причитает:

*Не дай Господи на сем на белом свете,
Уже жить да в грозной службе государевой!*

На многие годы теряется след новобранца, но И. Федосова находит поэтический способ общения с родной деревней. Она предлагает рекруту чаще смотреть на птиц перелетных и с ними передавать о себе весточку, но «не на гусей-лебедей смотри — это птица горделивая, а ты гляди-смотри на печальну малу птиченьку, горе-горькую кокушечку из сыра бора». Весточку-письмо же «не пиши чернилами, да все кручиною» и «запечатай ты сего да ведь тоскичушкой». Птица-вестник — излюбленный образ в фольклоре. Прямо к птичкам обращается вопельница Е. Денисова из Старорусского района в своем причитании о рекруте:

*Уж вы большие птички, не маленькие,
Уж вы слетите, серенькие пташечки...
Уж на чужую на красну сторонушку.
Во неверную земелюшку...
Вы снесите-ка письмо-грамоту
Вы удалым нашим головушкам.*

Трезво видит плакальщица причину разорения народа в этих «судьях неправедных»:

*От ихнего теперь неправосудья.
И на часу да все законы составляются,
И на минутой все статьи да рассуждаются;
И мужиков-то все судить да добираются.
И их наглядно, несчастных, разоряют,
И пошли годышки ведь нонь да все бедовые.*

Различные эмоции, а стало быть, и слова находились у вопельницы для плачей «О холостом рекруте», «О женатом рекруте», «О невольнике», «О доброхоте», потому что вокруг каждой из этих категорий рекрутов создавалась своя драматическая ситуация. Холостой рекрут оставлял родной дом, родителей, любимую девушку, товарищей; женатый — помимо дома и родителей еще и жену, а часто и детей; «невольники» — это те, кого отдавал помещик из своих соображений или сход деревенский за какую-либо провинность. Наконец, находились и «доброхоты», которые шли в рекруты за деньги, чтобы помочь родителям, семье, или же, когда жребий доставался семейному брату, — добровольно шел холостой. «Как взговорит да и меньший сын: “Да не плачьте ж вы, да и родные: Я иду за вас охотою”».

Помимо горя, вызванного расставанием, рекрут переживал еще и нестерпимое унижение, когда в «приеме» ему сбрасывали усы и стригли на голове волосы. Это воспринималось как позор, надругательство не только над конкретным человеком, но и над устоями, традицией отцов и дедов. Не случайно узнаем мы из причета, что рекрут просит мать, жену, любимую девушку собрать его русые кудерьки, «завязать в платочек» и хранить как память о нем, как талисман, залог его жизни.

Бесправным и безысходным было положение неграмотного крестьянина, даже когда над ним свершалась явная несправедливость — отбирали единственного в семье кормильца. Борьба с местными властями была делом безнадежным для бедняка, хотя богатый крестьянин мог откупить сына-рекрута за большие деньги. Поэтому в причитаниях судьи, совершавшие набор, всегда «неправосудные».

После всех прощаний и плачей родители благословляли новобранца иконой святого Николая Чудотворца, который считался символом бесстрашия и покровителем воинов, и под общий плач рекрут садился в повозку или сани и уезжал из родной деревни.

Плач, причет не умолкали, пока рекрут находился в избе родителей.

Причитание матери

342. *Сесть было мне, горящице,
Бедною да горе-горькою,
Мне под красное окошечко,
Мне на лавочку дубовую;
Ко прибоенке кленовою,
К своему да сыну милому,
К сыну милому, любимому,
Мне в остатние, в последние;
Уж ты мило мое дитяtko,
Ты бессчастное родилося,
Бессчастное да бесталанное,*

*Куды спешисься да торописься
Из своего ты дому благодатного,
Изо светлой изо светлицы,
Из новья да новы горницы?
Без тебя, да мило дитяtko,
Отемнеет светла светлица,
Опускает дом-подворьице;
Ты пойдешь, да мило дитяtko,
Не в любимую да путь-дороженьку,
Не в любимую — во дальнюю,
Во дальнюю да во печальную,*

Ты во службу-то во царскую,
 Во царскую да государскую,
 Во солдаты новобранные.
 Так ты послушай, мое дитяtko,
 Что я тебе буду наказывать,
 Пословечно наговаривать:
 Когда стоскнется тебе, сгорюхнется,
 Так ты пойдешь, да мило дитяtko,
 На учење-то великое,
 Так примечай-ка, мое дитяtko,
 Со которыя сторонушки
 Так подует ветер буйной-от.
 Как с полуденной подует-то,
 Так гляди-тка письма грамоты
 От меня-то, от горющицы;
 Так напишу я, бедна-горькая,
 Напишу письмо-грамоту
 Я не на гербовой бумаге,
 Не пером да не чернилами, —
 По горю да горючим слезам;
 Ты возьми, да мило дитяtko,
 Ты возьми да письмо-грамоту,
 Ты возьми да на белы руки,
 Ты прижми да к ретиву сердцу, —
 Что пришло мне письмо-грамотка,
 С моей родимой стороны,
 От родимой от матушки,
 От кормильца-то от батюшка,
 От соколов от братьев милых,
 От голубушек милых сестер,

От соседей, от соседушек
 И от соседних милых детушек.
 Ты скажи-тка, мое дитяtko,
 Когда посулишься в дорогй гости:
 О господнеем о праздничке,
 Поутру ли ты ранешенько,
 Вечеру ли ты позднешенько,
 Или среди бела дня.
 Так я буду ждать да дожидатися,
 Выходить буду частешенько
 Я на красное крылечушко,
 Я глядеть буду, поглядывать,
 Что нейдет ли мое дитяtko,
 Из дальния да из дороженьки,
 Из городов-то понизовниих,
 Понизовниих, у крайниих,
 Из солдатов новобрашних.
 Ты простись, да мило дитяtko,
 Ты с соседям и с соседушкам
 И со красным со девушкам,
 Поблагодари, да мое дитяtko, —
 На беседе на смиренной
 Как они тебя да прилещали,
 Неприятным словам да называли,
 Они некрутом считали.
 Как ты придешь, да мило дитяtko,
 Во своей во дом да благодатный-от,
 Ты придешь больно не весел,
 Буйну голову повесил.

343. Ты прощай-ка, мое рожное милое дитяtko,
 Моя любимая удалая, наживная головушка.
 Как обневолили тебя не в порушку, да не во времечко,
 Моего полетного, ясного сокола,
 Из-под моего правого крылышка.
 Ты пойдешь, моя любимая удалая, наживная головушка,
 На чужую дальнюю сторонушку,
 Что ль по дальней широкой дороженьке;
 Шириной дорожка — тридцать сажень,

Долиной дорожка — конца-краю нет.
Ты вспомни-ка свою любимую домашнюю крестьянскую жирушку,
И ты вспомни-ка меня, престарелую, многопобедную головушку,
И как придут-то честные, годовые, воскресные, владычьи празднички,
И как наступят любимые веселые крестьянские гуляньица,
Хороводы да игрища;
Как пойдут-то молодые, удалые добрые молодцы,
Что ль твои ли сотоварищи, —
Уж как я, многопобедная головушка,
Я, горюша горе-горькая,
Как я сяду-то под свое любимое косяцато окошечко,
Я покую кукушицей,
И как вспомню про тебя, мое рожоное дитяtko,
Моя наживная, удалая головушка,
Мое солнышко закатное,
Моя звездочка ненаглядная.
Ты не дай-ка, Боже Господи,
Нам живого расставаньица
С моим милым, любимым дитяtkoм.
И как есть-то мне мошнешенько,
И как есть-то мне больнешенько,
Моему сердцу ретивову.
И как придет-то теперь времечко,
Что ль весна придет да красная,
Придет летушко ли теплое,
Как-то стану я, многопобедная головушка,
Со своим со милым рожоним дитяtkoм,
Как я стану обрабатывать
Свою землю хлебопашеством,
Свои поженки прокосные,
И луга-нивы продольные,
Все поречья и все заречья,
Все мелки кусты-кустарнички,
Все лазуревые алые цветики?
И ты любимая удалая головушка,
Ты уведошь меня, бедную,
Мать горюшу горе-горькую,
Писемцом либо грамоткой,
Или ласковым словечушком.
И ты не помни, мое ли мое,

*Всех житейских моих грубостей,
И ты вспомни-ка, рожное,
Мои ласковые словечушки.
И как я, многопобедная,
Я, горюша горе-горькая,
Попрошу царя небесного
И земного вседержителя,
Чтоб открыл он тебе ученьице
И всю службу государеву.*

344. *Не дожждаться мне тебя, дитятко,
Не дожждаться мне тебя, родимое,
Уж кака я горька горюшенька,
Напримаюсь я голоду-холоду,
Без тебя-то, мое дитятко,
Пойду-то я во чисто поле,
Все-то поле запустеет,
Заголодую-то я без тебя,
Без тебя-то, мое дитятко;
Ведь уж дело-то мое старое, —
Не похороните вы меня,
Ростила-то я безо всякой пользы,
Остаюся я без зернышка,
Остаюсь горька сироточка.*
- Думала, что кормилец-поилец будет,
А обрушилась вся моя домашность
Без дитятка без родимого.
Дождусь ли, нет я тебя?
Дождалась бы я тебя, родименькой,
Обрадовалось бы мое сердечушко,
Схоронили бы меня по крайности.
Уж ты сыночек мой любезный,
Лучше бы я тебя похоронила,
Легче было бы моему сердцу перенести.
Отпало мое крылушко,
Отвалилась стена каменная,
Остаюсь-то я без дитятка,
Остаюсь я без родимого.*

345. *Не балуйте-тка, вы, буйны ветры-ветрушки,
На мою что на кручинную головушку.
Не здымайте-тка сыпуч песок
Мне во слезны очи-очушки!
Да и как, горюше, мне не плакати,
Да и как еще, печальной, не вздыхати?..
Что везут-везут ли мого ладушка,
Что берут-берут да во солдатушки,
Что стригут-стригут да во некрутушки;
Отрывают от крестьянской него жирушки,
От бассчастной его семеюшки!
Не могу я слезыньки сдержати,
Самокатные росинки утирати...
А робятушки мал мала меньше,*

Их в игольчато ушко-то ведь не зденешь,
 С собою в полюшко их не поведешь...
 И зачем я их, горюша, спородила,
 Что несчастьицем я их да наделила?..
 И я со горя да со кручинушки
 Ужо сяду под косевчато окошечко:
 Я тебя, желанна, буду споминати,
 Горе горькое свое что проклинати!
 И спожидать тебя я стану на побывочку
 Во мою ли в одинокую во жирушку.
 А ты весточку-то радостну пришли,
 На гербовой бумаженьке мне отпиши.
 И веселым я стану веселешенька,
 Приберу я избушку чистешенько,
 Я робятушек приобужу ранешенько,
 Уберу я их да хорошошенько..
 И тебя стретать-то выду в полюшко,
 За широкое за то овраженько,
 Где дороженька, что лента, расстиляется,
 За лесами за дремучими теряется.
 И не красно солнышко-то распекает,
 И не светел месяц на землю зияет, —
 То родимый ладушка во дом что ворочается
 И со малым детушкам-то он поздорвывается...

346. Уж вы большие птички, не маленькие,   У удалых головушек про их житье
 Уж вы слетите, серенькие пташечки —   несчастное,
 У вас маленькие легонькие крылышки —   Несчастное, про военное:
 Уж на чужую вы красну сторонушку,   Что позагнаны удалы головушки
 Во неверную земелюшку,   Во чужую-то дальню сторонушку,
 На восход красного солнышка.   Разлучены они с молодыми женами
 Уж вы слетите, серые пташечки!   И со своими-то малыми детушками;
 Вы снесите-ка письмо-грамоту   Они не слышат там и ни звона-то
 Вы удалым нашим головушкам.   колокольного,
 Расскажите, маленькие пташечки,   И пить-то не пьют церковного,
 Вы удалым нашим головушкам,   Не в своих они живут горницах,
 Что это писано у нас, горемычных,   Да не на мягких спят постелюшках,
 Не пером и не чернилами,   Не на пуховых-то на подушечках!
 А все писано горючими слезами.   Жалко удалых нам головушек,
 Еще спросите, серые пташечки,   Что они мыкают горе лютое.

Причитала вопельница и от имени новобранца:

347. *Ох-и ти! Цветочек баской, яблучек,
Ты ли, родимый ты брателка,
Тебе малешенько житье
Да и здесь на здешней стороне,
Как у своих-то кормилицей
У батюшки и у матушки,
молодцем-то удаленьким,
Соколом-то крылатеньким,
Как приведет-судит Господи
На чужу дальню сторону,
Как во службу-ту царскую,
Во службу государскую,
С городу, да и на город,
Дак еще дадут тебе, брателка,*
- Що шинельку суконную,
Дадут-то сабельку восторую,
Ружье-то троествольное.
Тебе же, родной брателка,
На чужой-то сторонушке
Насквозь ночки-то темные
В караулах-то стояти,
Приотциплет-то рученьки
От ружья троествольного
И от сабли-то острые.
Да подай тебе Господи
Дак там и службу-ту легкую
И науку-ту скорую!*

Причитание жены по мужу-рекруту

348. *Свет-то ты да родный добрый молодец,
Удалая ты моя головушка,
Покидаешь ты меня со малыми, со глупыми.
Кто их будет поить-кормить? Кто взлеет их?
Ведут тебя, добрый молодец, во солдатушки,
Как связали твои белые ручушки,
Как окутали скорые ноженьки;
Не тебе было, другу милому, не тебе быть в солдатушках!
Не тебе, удалая головушка, государю служить!
Ведь смиренная был ты у нас беседушка;
Ах, ведут тебя к страсти, к ужаси,
На чужу дальнюю сторонушку!
Уж откуда мне будет молодешеньке,
Со которого пути, со дороженьки,
При котором-то при празднике,
При восходе ль светла месяца,
При закате ль солнца красного
Дождаться тебя или грамотки,
Деточкам заочного благословеньца,
Добрым людям понижайший поклон?
Работничек ты был, заботничек,*

*Навалились на нас лихие люди,
 Что лихие люди, начальники;
 Кто тебя на чужой стороне приголубит, доброго молодца?
 Кто пригреет, кто пожалует?
 Ни родных, ни друзей, ни приятелей!
 Один ты, удалой, далеко залетел,
 Далеко-высоко в поднебесии.
 Как примашутся крылья-ноженьки,
 Как признаются белы рученьки к строевому ружью.
 Приглядятся ясные очки на чужую реку.
 Как ни день-то, ни ночь вам покою нет;
 Ночь темна настанет — на часах стоять,
 А белый день придет — во поход идти
 Под злодея нашего, под недруга,
 Под француза, недруга злого-лютого!
 Ох, тошным-то тошно молодешеньке
 Остаться без мила друга сердечного!
 Ах ты белый мой, ты румяный мой,
 Ты кудрявая головушка и широкая бородушка,
 Как наливной яблочек, ты, созрев, добрый молодец,
 Покатился с яблони, покинул меня!*

Проводы казака на службу были намного сдержаннее: жена с ружьем через плечо вела коня и несла плеть, сам казак нес на руках младшего сына, старший сын нес отцовскую пику и шашку, а мать с отцом вели позади коня. Мать причитывала, но жена-казачка, провожая мужа, не должна причитать и плакать.

Причет вопельницы

349. Был один-то, один, у отца, у матери, Все один-единный сын. Как его-то берут, разудалого, Берут в службу царскую, По указу его, разудалого, Берут государеву. Как со вечера добру молодцу, Ему приказ отдан был; С полуночи-то, душа добрый молодец, Он собираться стал; На белой-то заре, душа добрый молодец,	А он стал коня седлать; На восходе-то солнца красного Стал он со двора съезжать. Провожают его, разудалого, Его все — отец и мать; Провожают его, еще разудалого, Его весь и род и племень. Позади идет его горяшенька, Его молода жена, Молодец-то жену уговаривал: «Воротися, жена, воротися, душа,

*Воротися, лебедь белая!
Впереди-то у нас все огни горят,
Огни горят неугасные».*
— «Уж ты миленький сердечный друг,
Не уговаривай меня, не обманывай!
Это горит-то и пылает
У тебя, молодца, ретиво сердце».

— «Воротися, жена, воротися, душа,
Воротися, лебедь белая!
Позади-то у нас вода поляя».
«Уж ты миленький сердечный друг,
Не удерживай меня, не обманывай!
Это из твоих очей молодецких
Слезы катятся, как река льются!»

Когда рекрут выходил на улицу «погулять», попрощаться с товарищами, начинали звучать песни. Их пели и сами рекруты, и их друзья, парни и девушки. Рекрутские песни имели своеобразную окраску. Они полностью были подчинены моменту, и их тематика раскрывала не только психологический настрой самого рекрута, его переживания, но и причины, почему парень попадал в рекруты. Причины были разные: господская воля; гнев родителей; наем (до женитьбы и после) и т.д. Многие песни рассказывают о том, как нежат родители сына перед его отъездом, как пытаются откупиться, как братья бросают жребий (по совету отца, кому идти в солдаты, чтобы отцу успокоить свою совесть — не он, мол, назначил, а жребий таков).

Песни

350. *Мать ты наша матушка,
Весточка нерадостна,
Весточка нерадостна —
На весну солдатчинка.
Отводили молодоцов
От матушек, от отцов.
Как женытых ведут —
Сзади жоночки бегут.
Холостых-то ведут —
сзади матери бегут.
Как наемчиков ведут —
Сзади любушки бегут.
Нас и вяжут, нас и бьют,
Во солдатушки ведут.
Во прием нас приводили,*

*Во станочки становили.
Как циркульничек идет,
Бритву, ножницы несет.
Еще хлопнули ножням
Над русым над кудрям.
Погодите, братцы стричь:
Дайте любушке взойтить!
Еще любушка взойдет —
Волос к волосу сберет,
Во шкатулку уберет,
Горючим слезам улет,
Сама заплачет, вон пойдет!
Закричали Яше: «Лоб!» *
Фенюшка оземь — хлоп!*

*Новобранцам,
принятым, брили лоб.
стригли волосы.

351. *Из столицы было слышно
Про рекрутский про набор*:
Нам родители писали,
Чтоб мы ехали домой,
Нас три братца собралось,
На почтовый двор зашли,
Взяли троечку лихих,
С нами кучер молодой, —
Молодой кучер Ванюша
Держал троечку на вожжах.
Наша тройка бежит бойко
С нам, несчастным седокам.
Близко к дому подъезжали,
Залились горьким слезам,
Во своей домичек входили,
Замертво мать наша лежит.
Наши кровные сестрицы
Все по лавочкам сидят.
Наши жены молодые*

* Каждая
вторая строка
повторяется
два раза.

352. *У мужика было богатого
Да и три сына были хорошие.
Вот и вышло на них несчастье —
Да невольщина-некрутчина!
Да и старшего сына жаль отдать,
А среднего не хочется,
Что идти ль не идти сыну меньшему.
Как и меньший сын расплачется:
«Ох, и я ль вам не родный сын?»
Как возговорит-то и батюшка:
«Ах, и дети мои вы родные,*

*Поджана руки стоят.
Наш отец-то, старик старый,
На лежаночке лежит,
На лежаночке лежит,
Во слезах речь говорит:
«Уж вы дети, мои дети,
Однокровные сыновья,
Вы сходите по лесочек
Бросьте жребий поскорей»
Доставалось меньшому
Во рекрутский во набор.
Прощай, город и столица,
Прощай, родина моя,
прощай, жена молодая,
Еще матушка родна.
Я уеду — не приеду
За Дунай-реку гулять,
За Дунай-реку гулять ли,
Царю белому служить».*

*Ах, идите-тка во зеленый сад
Да вы срежьте по жеребью,
Ну вы бросьте-тка жеребий!»
Как досталось сыну старшему.
Старший сын пригорюнился,
Молода жена его расплакалася,
Малы дети разрыдалися.
Как возговорит да и меньший сын:
«Да не плачьте ж вы, да и родные;
Я иду за вас охотою».*

353. *Да не кукушица да она во сыром бору она скуковала*,*

* Каждая строка повторяется
два раза.

*Как удалой молодец сам сидит да горюет,
Сам он слезно плачет.
Лучше бы родная матушка меня бы не родила,
Да где родила-то родная матушка, тут бы и сгубила,
Полтора годочка бы ведь родна матушка белой грудью
Не кормила,
Да ровно два годочка родна матушка в люльке бы да*

Не качала,
 Сорока недель родна матушка во утробушке б да
 Не носила,
 Десяти недель да родна матушка ты меня б
 Че пленала,
 Злом-несчастьицем бы родна матушка меня, добра молодца,
 Не наделила,
 Злой бы солдатчиной родна матушка не наделила.

354. Полно-то, полно нам, братцы, да крушиться,
 Перестанем горе горевать*.
 Ох, лучше будем мы, братцы, братцы, веселиться,
 Да с горя песни будем запевать.
 Ой, да запоем-ка мы песенку ли такую
 Да про солдатское, братцы, житье,
 Ох, мы в солдатушках жили, жили, да не тужили,
 Да мы-то не скучили с тоской.
 Ох, и долго-то, долго мы мокрые да стояли
 Да повеленья, братцы, дожидались
 Ох, и повеленьица, братцы, дожидались,
 Да и дожидались мы, братцы, повеленья
 Закричали, братцы, все: «Ура!»

* Каждая вторая строка
 повторяется два раза.

355. «Что ж ты, добрый молодец,
 Невеселый такой?»
 — «Как же мне, доброму молодцу,
 Веселому быть?
 Меня, добра молодца,
 Во солдаты меня берут.
 Во солдаты, во солдатушки.
 Ворона коня дают,
 А средний братка мой
 Коника выводит,
 А младший братка
 Коника седлал,
 А сестрица-лебедушка
 Плеточку в руки подала,
 А сударыня-маменька
 Через три поля вела,

А на четвертом полюшке
 Стала спрашивать сынка:
 — Что ж ты, сын-сыночек мой,
 Когда в гости приедешь?
 — Сударыня моя маменька,
 Выйди на круту гору,
 Посмотри, моя сударыня,
 В подзорную трубу,
 Что не увидишь, сударыня,
 Синя морюшка там,
 Среди синя морюшка
 Серый камешек лежит,
 Как же серу камешку
 К бережку ему не плыть,
 Так же мне, добру молодцу,
 Родной стороны не видать».

356. *Вот далеке ли, вот далеке ли в поле на раздольицу,
Что не белая-та березонька к сырой земле клонится,
Не шелковая ковыль-травушка в поле расстилается,
Она стелется-расстилается, полынь горькая трава.
Что только горьчей тебя, моя травинька, горьчей во всем поле нет!
Горьчей тебя в поле, травушка, одна служба царская,
Служба царская тебя ль, травушка, всё государева.
Что не полно ли вам, солдатушки, горько на часах стоять.*

357. *Не ясен сокол по воздуху летает, —
Ох, молодой рекрут с квартирки выезжает.
Не отец его, не мать ли провожает, —
Вот провожала душенька красна девица,
По названью рекрута сестрица.
Девка плакала ли, жалобно рыдала,
Вот во солдатушки любого провожала,
На прощаньице платочек подарила,
Родной матушке сказала: «Уронила!
Не одна ведь во садочку я гуляла,
Вот не одна ведь я платочек потеряла!»
За то матушка ли девушку ругала,
Ох, на беседушку ей больше не спускала.*

Песенной темой была и трагическая судьба солдата-беглеца. Невыносимые условия царской службы приводили к тому, что плохо одетые, вечно голодные, озябшие солдаты бежали с мест службы (в ряде плачей даже звучит призыв к побегу!), но зачастую беглец не находил укрытия и защиты даже в родном доме, так как это могло иметь тяжелые последствия для всей деревни. Как поется в песне «Вились, вились мои кудерцы...», родители отвечают промокшему и продрогшему беглецу: «*Да мы, мы боимся Госуда... ах, да Государя. (...) Он с тобой, с тобой нас засудит...*» «*...Красно солнышко (...) тебя обогреет (...) Да ветерком тебя обсу... ах, да обсушит*».

Нередко в песнях встречается символический образ Дунай-реки, к которой обращаются за разрешением сложных жизненных вопросов. Так, в песне «Не ясен ли соколики полетывал» братья идут именно «*За Дунай-реку гулять, Уж мы бросим, братовья, свои разны жеребья*» — и река должна решить, кому быть рекрутом. Не исключено, что обращение к магической Дунай-реке является отражением древнейших славянских верований.

Своеобразный арсенал художественных образов рекрутских песен горького трагического содержания выражался в параллелизме. Переживанием героя, его духовной драме соответствует весь мрачный колорит окружающей его природы, предзна-

менований, мрачных предчувствий: *«Мне сон привиделся нехорош: Конь меня разнес», «Поднялась погодушка со всего света, Сбила сдула шапочку с буйной головы...»* Песня короче причета, и потому эпитеты, метафоры, выступают более ярко: ветер, как правило, будет студёный, сильный, туман — густой и т.д. *«За ветром-то мне, молодцу, ничего не слышно. За туманом-то мне, молодцу, ничего не видно...»*

Душевная горечь рекрута отождествлялась с образом степной травы — полыни: *«...растillaется полынь горькая трава. Что только горьчей тебя в поле, травушка, — одна служба царская»*. Если речь в песне пойдет о саде, то и он будет осмысляться в свете происходящего: *«Что один-то был зелёный сад — и тот стал засыхать, Что одно у меня тепло гнездышко — и то разорили, Что один в меня мил сердечный друг — и тот отъезжает»*. В песнях упоминаются самые различные города России — Петербург, Москва, Вологда, Данилов, Иркутск, Саратов и многие другие. Это говорит о повсеместном распространении обряда проводов и соответствующего ему фольклора.

358. *Вились, вились мои кудерцы
Да ви... вились они, завива... ах, да завивались,
Нонечи мои кудерышка
Да ста... стали назад развива... ах, да развиваться.
Слышат, слышат мои кудерцы
На себя таку невзгоду, ах, да невзгодушку,
Что великую невзгодушку.
Да про... про большое, про солда... ах, да про солдатство.
Знать-то, знать-то мне-ка молодцу,
Да ве... верно, быть мне во солда... ах, да во солдатах!
Молодой солдат на часах стоял,
Его ре... резвы ножки зя... ах, ножки зябнут
От казенна светла ружьщица,
Его, его белы ручки щиплет.
Государь ли ты наш батюшка,
Ты сме... смени с карау... ах, да с караула.
Не сменишь ты меня, батюшка,
Я сбегу, сбегу с караула, ах, да с караула.
Сбежал, сбежал добрый молодец,
Сбежал, сбежал, право, с карау... ах, да с караула.
Тем лесом бежал я, бежал,
Весь, весь я оборва... ах, да оборвался.
Чистым полем бежал, бежал я,*

Да весь, весь я обмочился, ах, да обмочился.
 Я пришел, пришел ко батюшку,
 Я по... под окошком колоти... ах да колотился:
 «Ты родитель мой ли батюшка,
 Да ну... пусти меня обогре... ах, да обогреться!
 Ты родимая моя матушка,
 Да ну... пусти меня
 Обсуши... ах, да обсушиться!
 — «Ты родимо наше дитячко,
 Да мы, мы боимся госуда... ах, да государя.
 Государь-от наш батюшка.
 Он с тобой, с тобой нас засудит, ах, да нас засудит.
 Ты поди-ка, наше дитячко,
 Ты во чи... ты во чистое во поле, ах, да ты во поле,
 Вот взошло, взошло красно солнышко,
 Да оно, оно тебя обогре... ах, да обогреет,
 Со восточной со сторонушки
 Да ветерком тебя обсу... ах, да обсушит».
 Пошел, пошел добрый молодец,
 Да сам, да сам слезно он запла... ах, да он заплакал:
 «Спасибо тебе, батюшка,
 Да на теплом тебе на ночле... ах, да на ночлеге.
 Благодарствуй, родна матушка,
 На мягкой, на мягкой тебе посте... ах, да на постели!»

359. Как у ласточки у касаточки
 На лету крылья примахались;
 Как у душечки красной девицы
 На ходу ноги подломились...
 У дородного доброго молодца
 В три ряда кудри завивались,
 Во четвертый ряд по плечам лежат,
 Ой, во пятый ряд с плеч валились.
 Ой, почувяли черны кудри
 Что невзгодушку великую,
 Что служить службу государеву.
 Повели тут добра молодца
 В канцелярию государеву;
 Записали добра молодца

Во драгуны государевы.
 Ой, не жаль-то мне черных кудрей,
 Только жаль мне своей стороны...
 На сторонушке три зазнобушки:
 Ой, как первая зазнобушка —
 Расставался я с отцом, с матерью,
 С отцом, с матерью, с молодой женой,
 С сиротами робятами,
 С моими малыми детками...

360. *А вы прощайте-ка, женки да бабы,
 Да нам-то тепере, хорошие, не до вас,
 Да во солдатушки, молодцев, везут нас,
 Да везуть лесом удаленьких, везут темным,
 Везут дремучими молодцев островами.
 Ох, не возите молодчиков во деревню,
 Ведите прямо удаленьких во приемну.
 А я приемны-то, молодец, не боюся,
 Ай золотой-то казной, молодец, откуплюся.
 Ох, золота казна молодцу не заменена,
 Вот не заменит удалого молодца.
 Ой, становите молодчика на кружочек
 Да брейте-то волосы-то кудри у меня.
 Ох, погодите немножечко, не стригите,
 А пуцай родненькая маменька придет,
 Да бел платочек она мне ведь принесет,
 Да кудерышка мои она да соберет.*

361. <i>Расхороша наша барыня Что Арина-то Ивановна: Разорила крестьян в солдатушки, Во молоденьки рекрутики. Охотники наперед идут, Невольнички позади тянутся,</i>	<i>Охотнички песню взгаркнули, Невольнички слезно всплакнули, Свою сторону вспомянули: «Сторона ль моя, сторонюшка, Гульливая наша, прохладливая».</i>
---	--

362. *По славной-тс по Питерской дорожке,
 Вот туда шли-прошли рекрута молодые.
 Вот туда шли-прошли рекруг:а молодые.
 Ох, за ними отцы-матушки родные,
 Ох, за ними отцы-матушки родные.
 Ох, позади брели-шли бледны жены молодые,
 Ох, во слезах пути-дороженьки не видят,
 Во рыданице словечка не промолвят.
 Воспроговорил молоденький рекрутик:
 «Вы не плачьте, отцы-матери родные,
 Не печальтесь, бледны жены молодые,
 Ох, вот не пройти ведь вам Россиюшки за нами,
 Не смочить пути-дороженьки (дождями),
 Вот не наполнится сине море реками,
 Если смочить путь-дороженьку слезами,
 Вот принаполнится сине море реками».*

363. *Соловейка кукушечку уговаривал:*
 — Полетим, кукушечка, во мой зелен сад!
 Во моем ли во садику зелен виноград,
 Во моем ли во садику молодчик гулял,
 Молодец молодешенький, не весел он был.
 Чего добру молодцу веселому быть?
 Что журит-бранит барюшка, не зная за что.
 Нарек, нарек батюшка во солдаты отдать,
 А мне, доброму молодцу, не хотелось.
 Хотелось, молодцу, хоть годок дома прожить,
 Хоть годок дома прожить, во Москве побывать,
 В Москве, в Москве побывать, солдатушек поглядеть.
 Солдатушки-братушки во строю стоят,
 Во стою-строю стоят, по ружью держат.

Гуляли рекруты не только по своей деревне. Вместе со своими товарищами выезжали в соседние деревни на нескольких санях или телегах, и везде рекрута угощали. В данном случае напиться допьяна не считалось ни позором, ни грехом. Как пелось в песне: «*Мы гулять-то не гуляем, свое горе заливаем*». Плакали рекруты и провожавшие их открыто:

*Как же нам не плакать?
 Наши дома уделели,
 И отцы-матери устарели,
 Наши женушки гуляют,
 Наши дети сиротают.*

364 *Не серчайте-ка, милье подружки,
 Не ругай, родная мать!
 Лели, лели, лели, лели,
 Не ругай, родная мать*.*

* Припев повторяется после каждых двух строк с повторением последней строки.

*Не ругай, родная мать,
 Да нам недолго погулять!
 Нам назначена дорожка,
 Сами знаете куда.
 Да во Романово идти.
 Да мы в Романово придем,
 Да ко Ладбнину на двор, —
 Там нам ужина готово
 И ведро вина на стол.
 Да уж мы выпьем и закусим,*

*Во трактир гулять пойдем!
 Да мы в трактире погуляем
 До белой до зари.
 Да как пробьет десять часов,
 Д'нас погонят молодцов!
 Да вперед сдатчики идут,
 Да в ручках мерочки несут.
 Да медны меры забренчали,
 «На круг!» — Ване закричали.
 Как захлопали ножнам,
 Да по его русым кудрям.
 Да сзади маменька стоит,
 Да слезно плачет, говорит:
 «Погодите, не стригите,*

*Дайте тятеньке прийти»
Родный тятенька придет
Да на коленочки падет.
На коленочки падет
Да русы кудри подберет.
Русы кудри подберет,
Да молодой сестре снесет,
Да молодая-то сестрица
Во подушечку зашьет.*

*Во подушечку зашьет
Да своего братца вспомянет.
«Кого в Питер, кого в Киев —
Моего братца в Москву.
Моего братца в Москву,
Да забыть горе-тоску.
Лели, лели, лели, лели,
Да забывать горе-тоску».*

Надрывно звучат и вроде бы веселые, разухабистые песни, которые поют рекруты, «гуляя» по деревне в сильном подпитии, так как и в самой песне поется: «Во питейный дом с горя зайдем».

365. *Ах гулянье, гулянье мое!
До чего меня гулянье довело!
Довело меня гулянье до конца!
На гулянье сын прогневавши отца.
Зато отдали в солдаты молодца.
Запрягли тройку коней вороных,
Отправлялись в славный город Кострому.
Кострома-город — привольна сторона,
На горе стоит приемна высокая,
Высока приемна, каменная,
Двои двери деревянные.
Как по этой во приемной
Много стуликов стоит;
А на стуликах чиновники сидят,
По-за стуликам рекрутики стоят.
Тут сказали Ване — первому в прием.
Засверкали светлы ноженки,
Повалились русы кудерьки.*

366. *Ты гулянье, гулянье мое!
До чего меня гулянье довело!
Довело меня гулянье до конца!
Через милую опротивел мать-отец!
Не за то ли в новобраны рекрута?
Уж ты мамонька родимая моя,
Подбери-ка русы кудри у меня,*

*Завяжи-ка их во платочек, в узелок,
Положи-ка их на божницу в уголок!
Во солдатах горе-горькое житье,
Горе-горькое, кукушечье!
Припилася нам болотная вода,
Прихлебалися нам постны щи,
Нам приелись ржаные сухари...*

367. *В чистом поле, в широком раздole
Выросло древо.
Это древо не плохое — беленькая береза;
Она изтонка-высока, корочкой белая.
На березе белой той сидел соловейка.
Уж он жалко распевает,
А меня ли, красну девку, печаль разбирает.
Разбирает печаль-горе: милый во неволе,
Во такой большой неволе — в рекрутском наборе.
Познавалась я с любезным ровно три часочка.
Расставалась со любезным ровно три годочка.
Познаваньe было тайно, расставаньe — явно...
Провожу дружка милого в город ли в Данилов,
До заставушки Московской, до ворот Трухмальных.
У ворот с дружкой расстались, слезми обливались.
На нас люди дивовались: что это за парка?
Муж ли то с женой, али брат с сестрой?..
Нет, не муж то со женою и не брат с сестрою, —
Молодец то удалой с девкой дорогой!
На прощанье друг наказывал,
Честью-лестью уговаривал:
«Посмирнее ты живи,
Себя, лапка, береги!»
Я наказу не послушала
И любовь с дружкой порушила...
Я с другим пошла гулять,
Нова дружка целовать!
Во гуляньице покаялась,
Горючими слезми наплакалась,
Со новым дружкой гуляючи,
Стара друга вспоминаючи.
Видно, прежний друг лучше новых двух!*

В рекрутских песнях нередко молодец просит девушку молиться за него, дожидаться его возвращения, утешает ее. В некоторых песнях описано, как рекрут идет на могилу и просит мать заступиться и за него, и за оставшуюся без защиты жену и за детей. Уходя на долгие годы от семьи, хозяйства, рекрут не мог не думать об остающихся, о том, какой это урон для всей семьи. Оставшаяся жена-солдатка в народе считалась чем-то средним между мужней женой, вдовой и девкой. Даже присловье такое сложилось: «Ни девка, ни мужняя жена». В семье мужа у нее не было никаких

прав. Она получала самый последний кусок и самую тяжелую работу. Дети и при живом отце в этой ситуации были как бы сиротами. Становятся понятными слова рекрутской песни XVIII века:

*Уж по той ли по дорожке по широкой
Еще шли-прошли солдаты новобранны.
Идучи, они, солдаты, сами плачут.
В слезах они дороженьки не видят.*

В некоторых песнях открыто звучит протест. Социальной трагедией проникнута рекрутская песня, рассказывающая о том, как при известии о наборе рекрутов «богатые мужики-мироседы» собрались на сход, чтобы вырешить, кого же отдать в рекруты, и пришли к единому мнению, что «на ряду-то живет вдова грешная с сиротою, у нее есть один сынок-сиротина. Отдадим-то мы его во солдаты!»

368. *Ты о чем, ты о чем, ты моя кукушечка, о чем ты кукуешь?
— Да ведь как же мне, кукушечке, как мне не куковать?
Что один-то был зеленый сад — и тот стал засыхать,
Что одно у меня тепло гнездышко — и то разорили,
Что один-то был соловушка, да и тот вылетает,
Что один в меня мил сердечный друг — и тот отъезжает,
Что одно красную девушку мене спокидает.
А я одна, красная девушка, дома остаюся,
Много горя-горюшка наберуся.*

369. *За славною рекою за Москвою,
За высокими горами Воробьевы(ми),
Пролегала тут широкая дорожка.
Широким-то она, дороженька, не широка,
А пробоем-то она, дороженька, не пробойна.
Уж по той ли по дорожке по широкой
Еще шли-прошли солдаты новобранны.
Идучи, они, солдаты, сами плачут,
В слезах они дороженьки не видят,
В возрыданьице словечушка не молвят:
«Что гораздо мы перед Богом согрешили,
Государя мы царя распрогневали,
Уж как отдал нас не русскому началу,
Что не русскому начальнику — немчину,
Он бьет-губит солдатшек напрасно!»*

370. *Ох, и что нынче за годы?
Тяжело больно народу:
Солдатствица частыя,
Наборушки большие.
Идет армия солдатов.
Все солдаты плачут, —
Един солдат не плачет.
И он по армии гуляет,*
- И он в скрипочку играет,
Всех солдатов утешает:
«Вы не плачьте-ка, солдаты!»
— «Что, как же нам не плакать?
Наши дома удалели,
И отцы-матери устарели,
Наши женушки гуляют,
Наши дети сиротают!»*
371. *Не ясен сокол с тепла гнезда слетает —
И добрый молодец из дому поезжает;
Не отец, не мать рекрута провожает —
Провожала душа красная девица
И названа его родная сестрица.
И на поезде таково слово сказала:
«И не куют хоть у бурлака ноги резвые,
Все во саночки садят да в дубовые
И лошадей пару вкладут коней вороных,
Ему извозчиков дают да не по разуму,
И ко городу везут да в белокаменну,
И становят его под меру государеву,
И принимают-то во службу, государеву,
И тут на стульица садят да на кленовые,
И вершала берут теперь да бритвы вострые,
И оны бреют у его да кудри желтые,
И волоса его падут да на дубовый пол,
И подбирае волоса да родна матушка!»*

Начиная с середины прошлого века все большее место стала занимать частушка под гармонь, часто бравадная.

372. *Нас и бреют — не жалеют,
И стригут — не берегут,
Под набором, говорят,
О девках плакать не велят.*
373. *Ножницы забрякали —
Отец и мать заплакали;
Шинелюшку накиннули,
Буткевич крикнул: «Приняли!»*
374. *Во солдатушки сдают —
Шинель поношенну дают,
На головушку башлык,
На левый бок германский штык.*
375. *Я под меру становился,
Поднял меру головой, —
Покатился кудерочки
На пол на тесовой.*

376. *По могилушке хожу,
Родиму матушку бужу:
«Родима матушка, вставай,
Меня в солдаты провожай».*

377. *Дни последние отгуливай,
Головушка моя.
Скоро, девушки, не будет
На беседушке меня.*

378. *Погуляю, мальчик, я
До второго декабря.
Со второго декабря
Снимут волюшку с меня.
Снимут волю-волюшку,
Позастригут головушку.*

После всех прощаний и плачей родители благословляли новобранца иконой святого Николая Чудотворца, который считался символом бесстрашия и покровителем воинов, и под общий плач рекрут садился в повозку или сани и уезжал из родной деревни. «Будьте прокляты злодеи супостатные», — посылает проклятье вслед отъезжающему начальству несчастная мать.

Приложения

Эта книга — не сборник песен, причетов, приговоров, т.е. обрядовой лирики, — это просто рассказ о жизни крестьян русской деревни (до 1917 г.) с ее обрядами, как связанными с календарем в течение всего года, так и с событиями семейной жизни, так называемыми семейно-бытовыми обрядами.

Песни, причеты, заклички, приговоры — неотъемлемая часть обрядов и потому являются органической частью предлагаемого рассказа.

Существует большое количество изданий обрядовой поэзии, наиболее существенные из них: *Афанасьев А.Н.* Поэтические воззрения славян на природу. М., 1865—1869. Т. 1—3; *Потебня А.А.* О мифологическом значении некоторых обрядов // Чтения в Обществе истории и древностей российских. М., 1865; *Пропп В.Я.* Русские аграрные праздники. Л., 1963; *Лирика русской свадьбы* / Издание подготовлено Н.П.Колпаковой. Л., 1973; *Федосова И.А.* Избранное / Составление, вступительная статья, комментарии К.В.Чистова. Петрозаводск, 1981. Поэзия крестьянских праздников / Вступительная статья, составление, подготовка текста и примечания И.И.Земцовского. Общая редакция В.Г.Базанова. Л., 1970 (Б-ка поэта, БС). Чердынская свадьба / Записал и составил И.Зырянов. Пермь, 1969; *Лирика русской свадьбы* / Издание подготовлено Н.П.Колпаковой. Л., 1973; *Русские народные песни Карельского Поморья* / Составители А.П.Разумова, Т.А.Коски, А.А.Митрофанова. Л., 1971; *Обрядовая поэзия Пинежья* // Русский традиционный фольклор в современных записях: Материалы фольклорных экспедиций МГУ в Пинежский район Архангельской области 1970—1972 гг. / Под редакцией Н.И.Савушкиной. М., 1980 и другие. Об истории собирания обрядовой поэзии см. *Азадовский М.К.* История русской фольклористики. М., 1958 и др.

Из огромного количества публикаций, начиная с XVIII века, архивных материалов, экспедиционных записей отобраны наиболее яркие художественно полноценные варианты.

Почти все тексты печатаются полностью, без сокращений.

Для удобства восприятия, разнородные по своей первичной записи тексты даны в современной орфографии.

Но наряду с этим сохранены все лексические, морфологические, синтаксические и орфоэпические особенности народной речи, как, например, «из-под кустышка», «перед нашими ворота», «у ногах», «поля печальей огорожены», искажения некоторых русских и иностранных слов. Не устранялся разнобой в произношении таких слов как коледа — коледка — коледа — коляда, авсень — овсень, лазоревый — лазуревый, колебания в произношениях ласкательных и уменьшительных слов солнышко — солнушко, гнездышко — гнездушко, березонька — березынька.

Знаки препинания расставлены в соответствии с современными требованиями. Ударения ставятся в тех случаях, где они не совпадают с общепринятыми и там, где не ясна ритмика. Припевы, не имеющие строфического строения, т.е. повторяющиеся через неравное количество строк, сохраняются. Если припев повторяется регулярно после каждой строки или двух, а в тексте более 10 строк, то припев приводится только после первой и последней строки, что оговаривается в подстрочном примечании.

Комментарии к текстам открываются указанием использованного источника с порядковым номером текста (если они пронумерованы в источнике) или страницей (если нумерация текстов отсутствует). В тех источниках, где разные разделы имеют свою нумерацию, приводятся и страница, и номер.

Место бытования текста дается в зависимости от времени записи и публикации: дореволюционное административное деление — губернии, уезды (там, где они известны) и послереволюционное — области, районы. Указывается, если известно, время записи текста, в отдельных случаях -исполнитель и собиратель.

Все даты приводятся по старому и (в скобках) новому стилю.

Календарь дает перечень основных православных праздников, связанных с русским обрядовым фольклором.

Специальный словарь поясняет (применительно к контексту) отдельные устаревшие и областные слова.

Список библиографических сокращений

- Авдеева* — Записки и замечания о Сибири / Соч...ы...ой, с приложением старинных русских песен. М., 1837.
- Агренева-Славянская* — *Агренева-Славянская О.Х.* Плачи и причитания по умершим и по рекрутам. Тверь, 1889.
- Азадовский* — *Азадовский М.К.* Ленские причитания. Чита, 1922.
- Акимова* — Фольклор Саратовской области. Книга первая / Составлена Т.М.Акимовой. Под ред. А.П.Скафтымова. Саратов, 1946.
- Андронников* — *Андронников В.* Народные песни, сказания и легенды Махловской волости Юрьевского уезда Костромской губернии // Костромская старина 1911, вып. 7.
- Аничков* — *Аничков Е.В.* Весенняя обрядовая песня на Западе и у славян. СПб., 1903. Ч. 1; СПб., 1905. Ч. 2.
- Архив РАН* — Архив Российской Академии наук.
- Архив ИРЛИ* — Архив Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН. Фольклорный архив (Ленинград).
- Архив МАЭ РАН* — Архив Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого Российской Академии наук.
- Астров* — *Астров Н.* Крестьянская свадьба в с. Загоскине Пензенского уезда // Живая старина. 1905. вып. 3/4.
- Барсов* — Причитания Северного края, собранные Е.В.Барсовым. М., 1882. Ч. 1—3.
- Богатырев* — Русское народное поэтическое творчество: Пособие для вузов / Под общей редакцией проф. П.Г.Богатырева. 2-е изд. М., 1956.
- Георгиевский* — *Георгиевский А.П.* Русские на Дальнем Востоке: Фольклорно-диалектологический очерк: Фольклор Приморья // Труды Дальневосточного государственного университета. Владивосток, 1929. Вып. 4.
- Городцов* — *Городцов П.А.* Праздники и обряды Тюменского уезда // Ежегодник Тобольского губернского музея. 1916. Вып. 26.
- Григоровский* — *Григоровский Н.П.* Крестьянская свадьба // Очерки Нарымского края. Омск, 1881. Кн. 3.
- Добровольский I* — Смоленский этнографический сборник / Составил В.Н.Добровольский. М., 1903. Ч. 4.
- Добровольский II* — *Добровольский В.Н.* Песни Дмитровского уезда Орловской губернии // Живая старина. 1905. вып. 3/4.
- Зернова* — *Зернова А.Б.* Материалы по сельскохозяйственной магии в Дмитровском уезде // Советская этнография. 1932. № 3.
- Иваненко* — *Иваненко Н.* Этнографические материалы из Орловской губернии // Живая старина. 1910, вып. 4.
- Истомин-Дютш* — Песни русского народа: Собраны в губерниях Архангельской и Олонецкой в 1886 году / Записали: слова песен — Ф.М.Истомин, напевы — Г.О.Дютш. Издано императорским Рус-

- ским географическим обществом. СПб., 1894.
- Истомин-Ляпунов* — Песни русского народа: Собраны в губерниях Вологодской, Вятской и Костромской в 1893 году / Записали: слова — Ф.М.Истомин, напевы — С.М.Ляпунов. СПб., 1899.
- Кедрина* — *Кедрина Р.К.* Обряд крещения и похорон кукушки в связи с народным кумовством // Этнографическое обозрение. 1912. № 1/2.
- Киреевский* — Песни, собранные П.В.Киреевским. Новая серия. М., 1911. Вып. 1.
- Колпакова* — Лирика русской свадьбы / Изд. подготовила Н.П.Колпакова. Л., 1973.
- КОПС* — Календарно-обрядовая поэзия сибиряков / Составили Ф.Ф.Болонев и М.Н.Мельников. Новосибирск, 1981.
- Коринфский* — *Коринфский А.А.* Народная Русь. М., 1901.
- Красноженова* — *Красноженова М.В.* Из народных обычаев крестьян деревни Покровки (Томской губернии) // Известия Красноярского подотдела Восточно-Сибирского отделения Русского географического общества. Красноярск, 1914. Т. 2. Вып. 6.
- Кривошапкин* — *Кривошапкин М.* Енисейский округ и его жизнь. СПб., 1865. Ч. 1.
- Ларионова* — *Ларионова М.* Зырянская и русская свадьба в Обдорске // Ежегодник Русского антропологического общества при С.-Петербургском университете. СПб., 1905.
- Листопадов* — *Листопадов А.М.* Песни донских казаков. 1949—1954. Т. 4.
- Лотман* — *Лотман Ю.М.* Записи народных причитаний начала XIX века из архива Г.Р.Державина // Русская литература. 1960. № 3.
- Лядов* — *Лядов А.* Русские народные песни / Под ред. Н.Бачинской. М., 1959.
- Магнитский* — *Магнитский В.* Песни крестьян села Беловолжского Чебоксарского уезда Казанской губернии. Казань, 1877.
- Макаренко* — *Макаренко А.А.* Сибирский народный календарь в этнографическом отношении. СПб., 1913.
- Некрасов* — *Некрасов П.А.* Народные песни, наговоры, загадки, скороговорки и пословицы, записанные в Александровской волости Соликамского у. Пермской губ. в 1890 и 1891 // Записки Уральского общества любителей естествознания. Екатеринбург, 1900. Т. 22. С. 118.
- ОП* — Обрядовая поэзия. Сост. В.И.Жекулака, А.Н.Розов. М., 1989.
- ОППА* — Обрядовая поэзия Пинежья // Русский традиционный фольклор в современных записях. Материалы фольклорных экспедиций МГУ в Пинежский район Архангельской области 1970—1972 гг. Под редакцией Н.И.Савушкиной. М., 1980.
- Парилов* — Русский фольклор Нарыма / Составитель И.Г.Парилов. Новосибирск, 1948.
- Песни Мезени* — Песенный фольклор Мезени / издание подготовили Н.П.Колпакова, Б.М.Добровольский, В.В.Митрофанова, В.В.Коргузалов. Л., 1967.
- Песни Пинежья* — Песни Пинежья: Материалы фонограмм-архива, собранные и разработанные Е.В.Гиппиус и З.В.Эвальд / Под общей редакцией Е.В.Гиппиуса // Труды института этнографии, антропологии и археологии. М., 1937. Т. 7.
- ПКП* — Поэзия крестьянских праздников / Вступительная статья, составление, подготовка текста и примечания И.И.Земцовского. Под общей редакцией В.Г.Базанова. Л., 1970 (Б-ка поэта, БС).

- Померанцева* — Русское народное творчество в Башкирии / Под редакцией Э.В.Померанцевой. Уфа, 1957.
- Попова* — *Попова Т.В.* Русское народное музыкальное творчество. 2-е изд. М., 1962. Т. 1.
- Пропл* — Народные лирические песни / Вступительная статья, подготовка текстов и примечаний В.Я.Проппа. Л., 1961 (Б-ка поэта, БС).
- ПСП* — Песни, собранные писателями: Новые материалы из архива П.В.Киреевского // Лит. наследство. М., 1968. Т. 79.
- ПСЯО* — Песни и сказки Ярославской области / Под общей редакцией Э.В.Померанцевой. Ярославль, 1958.
- Разумихин* — *Разумихин С.* Село Бобровки и окружающий его околоток Тверской губернии Ржевского уезда // Этнографический сборник. СПб., 1854. Вып. 1.
- Римский-Корсаков* — *Римский-Корсаков Н.А.* Сто русских песен для голоса с фортепиано. СПб., 1876.
- РНПКП* — Русские народные песни Карельского Поморья / Составители А.П.Разумова, Т.А.Коски, А.А.Митрофанова. Л., 1971.
- РНПМО* — *Пушкина С.* Русские народные песни Московской области. М., 1988.
- РП* — Русские плачи (причитания) / Вступительная статья Н.П.Андреева и Г.С.Виноградова. Редакция текстов и примечания Г.С.Виноградова. Л., 1937 (Б-ка поэта, БС).
- РСПС* — Русские свадебные песни Сибири / Сост., вступ. статья и примечания Р.П.Потаниной. Новосибирск, 1979.
- Русская свадьба* — Д.М.Балашов, Ю.И.Марченко, Н.И.Калмыкова. Русская свадьба. М., 1985.
- РЧ* — Русские частушки / Предисл. и отбор текстов Н.И.Рождественской и С.С.Жислиной. М., 1956.
- Свитова* — *Свитова К.* Народные песни Брянской области. М., 1966.
- Семевский* — *Семевский М.И.* Торопец (1016—1863) // Записки Русского географического общества. 1964. Кн. 1/2.
- СЖС* — Сибирская живая старина (Иркутск). 1915, вып. 2.
- Смирнов* — Песни крестьян Владимирской и Костромской губерний / Собраны и изданы Александром Смирновым. М., 1847.
- Снегирев* — *Снегирев И.М.* Русские простонародные праздники и суеверные обряды. М., 1937—1939. Вып. 1—4.
- СНПК* — Собрание народных песен П.В.Киреевского / Записи П.И.Якушкина. Л., 1983. Т. 1.
- Соболев* — *Соболев А.Н.* Детские игры и песни // Труды Владимирской ученой архивной комиссии. 1914. Кн. 16.
- Соболевский* — Великорусские народные песни, изданные А.И.Соболевским. СПб., 1895—1902. Т. 1—7.
- Соседко* — *Соседко Ф.Д.* Свадьба по р. Куренге // Забайкалье. 1902, № 2.
- Сухов* — *Сухов П.М.* Несколько данных по народному календарю и о свадебных обычаях крестьян Саратовской губернии // Этнографическое обозрение 1892. № 2/3.
- СФП* — Старый фольклор Прибайкалья / Составили А.В.Гуревич и Л.Е.Элиасов. Вступительная статья и примечания А.В.Гуревича. Улан-Удэ. 1939.
- Терещенко* — Быт русского народа. Соч. А.В.Терещенко, ч. 1—6. СПб., 1848.
- Тиханов* — *Тиханов П.Н.* Брянский говор // Сборник Отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук, т.76, № 4. СПб., 1904.
- ТОПФ* — Традиционные обряды и обрядовый фольклор русских Поволжья / Сост. Г.Г.Шаповалова, Л.С.Лаврентьева. Л., 1985.

- ТП* — Торопецкие песни. Песни родины М.Мусоргского / Зап., сост. и комм. И.Земцовского. Л., 1967.
- Троицкий* — Народные песни Пензенской губернии. / Собр. А.И.Троицкий // Сб. Пензенск. губ. стат. ком. Вып.6. 1905, с. 1—88.
- ТРУАК* — Материалы для изучения народного творчества Рязанской губернии. Сообщил Д.Д.Солодовников //Труды Рязанск. учен. арх. комиссии, т.25, вып. 1. 1912. Отд.1, с. 80—95.
- ТФНО* — Традиционный фольклор Новгородской области (по записям 1963—1976 гг.). Песни. Причитания. / Изд. подгот. В.И.Жекулина, В.В.Коргузалов, М.А.Лобанов и др. Л., 1979.
- ФПО* — Мартыненко О.П. Фольклор Пензенской области. / Ряз. гос. пед. ист. / Под ред. И.П.Щеблыкина. Рязань, 1977.
- ФРНП* — Фольклор русского населения Прибалтики: Сб. статей / Отв. ред. Э.В.Померанцева. М., 1976.
- ФРУ* — Фольклор Русского Устья / Подг. С.Н.Абелев и др./ Отв. ред. С.Н.Абелев, Н.А.Мещерский. Л., 1896.
- Христиансен* — Христиансен Л. Уральские народные песни. / Под общ.ред. С.В.Аксюка. М., 1961.
- ЧС* — Чердынская свадьба. / Подг. И.В.Зырянов. Пермь, 1969.
- Шейн* — Великорус в своих песнях, обрядах, обычаях, верованиях, сказках, легендах и т.п.: Материалы, собранные и приведенные в порядок Н.В.Шейном. Т.1., вып. 1 и 2. СПб., 1898—1900.
- Шереметева* — Шереметева М.Е. Масленица в Калужском крае // Советская этнография, 1936, № 2, с. 101—121.

Комментарии к текстам

Рождество. Новый год. Святки

1. *ТОФП**. № 22. Новгородская обл., Батецкий р-н, 1979 г.
2. *Шейн*, № 1032. Тула. Коровка — род печенья, которое пекли на Рождество в южнорусских губерниях.
3. *ОППБ* № 5. Архангельская обл., Пинежский р-н. 1973 г. Пели на Святки, «если подадут».
4. *ТОФП*. № 2. Калининская обл., Торжокский р-н., 1969 г.
5. *Георгиевский*, с. 31.
6. *ПКП*. № 2. *Заднее окошко* — окно для выпуска дима в задней стене курных изб. Василий Кесаринский (Кесарийский, Кесаретский).
7. *Лядов*, № 72. Пензенская губ.
8. *ПКП* № 3.
9. *Сухов*, с. 239. Саратовская губ. Песню «кричали» девушки под окнами накануне Нового года. В колядках часто встречается тема свадьбы, так как в это время знакомялась молодежь, ходили свататься. Последние 5 строк — просьба одарить за исполнение песни.
10. *ПКП*. № 1.
11. *Добровольский I*, с. 69. № 1. Смоленская губ. Закликание Мороза в Васильев вечер (под Новый год).
12. *ТОФП*. № 212. Калининская обл., Торжокский р-н. 1969 г. На Рождество и в период равноденствия закликали Мороз. С таким приговором выносили миску с овсяным киселем и ставили на улице.
13. *ОПП*. № 1. Архангельская обл., Пинежский р-н. 1970. «Женатое» виноградые — величание, которое пелось супружеской паре.
14. *Макаренко*, с. 131. Енисейск, 1907 г.
15. *Песни Мезени*. № 183-в. Виноградые «женатое, семейное», исполнялось семейной паре.
16. *СЖС*, с. 50, № 2. Верхнеленский округ. Запись М.К.Азадовского 1915 г.
17. *Добровольский I*, с. 34. № 45. Смоленская губ.
18. *ПСЯО*., с. 160. № 3. Владимирская обл., Юрьев-Польский р-н, 1938 г. «Пели, когда в Святки рядились (...) Все делают, как поется в песне: парень кладет платок на плечо, перекладывает, потом целует» (пояснение исполнительницы Т.Я.Лобовой).
19. *ПКП*. № 108. Костромская обл., Пыщугский р-н. 1961 г. *Хлебу честь отдаем*. В первой песне, с которой начиналось гадание, славили хлеб. *Страшные вечера Да Васильевские* — см. с. 15, 18.
20. *Авдеева*, с. 122.
21. *Песни Мезени*, № 184.
- 22—35; 37, 38. *ТФНО*, № 291, № 292. Новгородская обл., Хвойнинский р-н.
36. *ПСП*. с. 602. № 1. Москва, 1834 г.
39. *Киреевский*, № 1058.

* Здесь и в дальнейшем см. Список библиографических сокращений.

40. *Шейн*, № 1083.
41. *Разумихин*, с. 275.
42. *ПСП*, с. 602. № 2. Москва, Запись П.В.Киреевского, 1834 г.
43. *Шейн*, № 1127. Тульская губ. Чернский у.
44. *Шейн*, № 1095.
45. *Шейн*, № 1081. Тульская губ.
46. *Киреевский*, № 1080. Рязанская губ., Ряжский у.
47. *ТОФП*, № 6. Калининская обл., Андреапольский р-н. 1969 г.
48. *Шейн*, № 115. Тульская губ. Чернский у.
49. *ПСЯО*, с. 159. № 2. Ярославская обл., Толбухинский р-н. 1955 г. В данном случае объединено несколько обычных коротких песен, предвещающих свадьбу.
- Весна. Масленица**
50. *КОПС*, № 279. Омская обл., Тарский р-н. 1971 г.
51. *Шейн*, № 1170. Псковская губ., Великолуцкий у.
52. *КОПС*, № 284. Омская обл., Тарский р-н, 1971 г.
53. *Шереметева*, с. 114. Калужская губ. Песню поют девушки в начале Масленной недели, в понедельник, стоя на верху горы.
54. *ТФНО*, № 294. Новгородская обл., Пестовский р-н.
55. *КОПС*, № 283. Новосибирская обл., Северный р-н, 1976 г. В большинстве вариантов первая строка — *Ой ты пташечка полевая*.
56. *КОПС*, № 317. Омская обл., Павлодарский р-н, 1971 г. Последние четыре строки исполнялись после того, как хозяйка подаст блины.
57. *ФРНП*, № 221. Эстония. Западное Причудье.
58. *ТОФП*, № 195. Новгородская обл., Батецкий р-н, 1979 г. Песня эта, вероятно, контаминирована из двух песен: первый и два последних куплета — традиционная масленичная песня, в середине — плясовая, которая обычно начинается словами: *Ах вы сени мои, сени...*
59. *КОПС*, № 280. Новосибирская обл., Северный р-н, 1973 г.
60. *Тиханов*, с. 199. Брянск. Поют в Брянске только во время Масленной недели.
61. *Городцев*, с. 26. Тюменский у., 1916 г. Краткая версия известной исторической песни XVI в. о Кострюке-Мастрюке (см.: Исторические песни XIII—XIV вв. М., Л., 1960). Мотив сватовства вполне подходил к масленичным гуляньям, на которых часто устраивали смотр невест.
62. *КОПС*, № 286. Новосибирская обл., Северный р-н, 1976 г.
63. *ТФНО*. № 296. Новгородская обл., Пестовский р-н.
64. *ТОФП*. № 198. Калининская обл., Конаковский р-н, 1970 г. Пели в Прощеное воскресенье (последний день Масленицы).
65. *КОПС*, № 325. Новосибирская обл., Искитинский р-н, 1974.
66. *ТОФП*, № 203. Ярославская обл., пос. Борисоглебский, 1978 г.
67. *КОПС*, № 339. Новосибирская обл., Усть-Таркский р-н, 2970 г.
68. *ТОФП*, № 188. Калининская обл., Андреапольский р-н, 1971 г.
69. *КОПС*. № 335. Новосибирская обл., Кочневский р-н, 1974 г.
70. *Попова*, с. 116.
71. *ТОФП*, № 192. Калининская обл., Андреапольский р-н, 1972 г. Этой песней провожали Масленицу.
72. *КОПС*, № 327. Новосибирская обл., Новосибирский р-н, 1976 г.

73. КОПС, № 318. Омская обл., Павлоградский р-н, 1975 г.
74. ТОФП, № 210. Костромская обл., Нерехтский р-н, 1975 г. Пели в Прощеное воскресенье (последний день Масленицы).

Заклички весны

75. ТФНО, № 298. Новгородская обл., Мологишский р-н. Отмечена исполнительницей как детская закличка.
76. *Добровольский I*, с. 98, № 38-в.
77. *Красноженова*, № 8.
78. КОПС, № 378. Новосибирск.
79. КОПС, № 352. Новосибирская обл., Искитимский р-н, 1974 г.
80. ПКП, № 410. Рязанская губ., Сапожковский у. Поется на Сороки — 9 (22) марта.
81. КОПС, № 346. Новосибирская обл., Чановский р-н, 1977 г.
82. *Акимова*. № 189. Саратовская обл., Балтыйский р-н. *Донце с гребнем* — прялка (весной заканчивались поделки, на которых девушки пряли, вышивали, вязали).
83. *Шейн*, № 1181. Замыкание и отмыкание чего-то (в данном случае зимы) говорит о ритуальном значении закличек: это как бы заговор, цель которого — ускорить приход весны.
84. КОПС, № 454. Новосибирская обл., Тогучинский р-н, 1977 г.
85. *Шейн*, № 1175. Курская губ., Томский р-н. *А мы весну ждали, Клочки допрядали* — ранней весной заканчивали прядение.
86. *Аничков*, с. 93. Саратовская губ.
87. *Терещенко*, ч. 5, с. 12.
88. УНТРО, № 43. Рязанская обл., Кадомский р-н.
89. ТОФП, № 240. Костромская обл., Шарья, 1974 г. *Половина-то говина перека-*

тится — говенье, т.е. пост, перейдет во вторую половину.

90. ТОФП, № 230. Костромская обл., Солигаличский р-н, 1972 г.
91. ТОФП, № 232. Костромская обл., Солигаличский р-н, 1972 г.
92. ТОФП, № 231. Костромская обл., Солигаличский р-н, 1972 г. *Невеста Христа* — монахиня; старая дева.
93. ТОФП, № 238. Костромская обл., Шарья, 1974 г. Приговор ребят при обходе дворов на Средокрестие (четвертая неделя Великого поста, когда пекли «кресты»).

Егорьев день

94. ТОФП, № 259. Костромская обл., Чухлома. Песню пели подростки, обходя дома под аккомпанемент барабанки, бубна и трензелей.
95. *Архив ИРЛИ*. Р. V. к. 191, п. 2, № 35. Костромская губ., Макарьевский у., 1914 г.
96. ТОФП, № 262. Костромская обл., Нейский р-н, 1973 г. С такой песней подростки ходили по домам, выпрашивая под окнами яйца, затем шли в поля и на каждом поле ставили крестики, сделанные из прутьев.
97. *Свитова*, № 12. Брянская обл.
98. *Свитова*, № 13. Брянская обл. ПКП, № 463, где составителем исправлена строка: *Юрья вода на Марья млада*.
99. ФРНП, № 2. Литва, Швенчевский р-н.

Вербное воскресенье

100. ОП, № 325. Латвия.
101. ОП, № 326. Ленинградская обл.
102. *Архив ИРЛИ*. Р. V, к. 69. п. 15. № 271, архив О.И.Капицы. Возможно, из записей Г.Н.Потанина в Вологодской губ. Поют, стегая скот вербочкой в Егорьев день.

Пасха

103. *ТОФП*, № 312. Калининская обл., Андреапольский р-н, 1971.
104. *Шейн*, № 1193. Псковская губ.
105. *Добровольский I*, с. 180, № 21. Смоленская губ. *Святой Велик день* — пасхальное воскресенье.
107. *ТОФП*, № 309. Калининская обл., Андреапольский р-н, 1971 г. *Святой Василий* — день Василия Великого (канун Нового года; *Евдокия* — день святой Евдокии 1 (14) марта.
108. *Добровольский I*, с. 182, № 24. Смоленская губ.
109. *Добровольский I*, с. 173, № 16. Смоленская губ. «Текст записан частично с пересказа, отчего нарушена строфика. В сюжете контаминировано несколько мотивов, характерных для волочечных песен» (ПКП, с. 586).
110. *ТП*, № 13. Торопец, Калининской обл.
111. *ПКП*, № 424. Брянская обл. *В клеточку* — способ укладки снопов на поле для временного хранения.
112. *Добровольский II*, с. 347.
113. *ТОФП*, № 314. Калининская обл., Андреапольский р-н, 1971 г.
114. *ПКП*, № 477. Псковская обл. Запись И.И.Земцовского, 1964 г.
115. *ТОФП*, № 318. Костромская обл., Солигаличский р-н.
116. *Терещенко*, ч. 5, с. 23. Нижегородская губ. «Вьюнишник», пели молодоженам в субботу на Пасхальной неделе.
117. *Андронников*, с. 41. «Бабий вьюнец», пели только женщины.
118. *ТОФП*, № 317. Костромская обл., Нейский р-н, 1973 г. Этой песней окликали молодых.
119. *ТОФП*, № 322. Ярославская обл., пос. Борисоглебский, 1978 г.
120. *ТОФП*, № 186. Калининская обл., Андреапольский р-н, 1971 г. Величание

молодоженов истекшего года исполняли на вьюношное воскресенье и в Масленицу.

121. *Тофп*, № 324. Ярославская обл., Борисоглебский р-н. Песню исполняли девушки на бесадах — «вьюнились».

Зеленые святки

122. *Троицкий*, с. 20, № 22, Пензенская губ.
123. *Шейн*, № 388. Оренбургская губ.
124. *Листопадов*, № 183. Песня-диалог, которую ведут два ряда играющих, стоящие против друг друга. Первый ряд спрашивает, второй отвечает. В песне тесно переплетаются темы урожая и брачного союза.
125. *Терещенко*, ч. 6, с. 153. Хороводную песню пели около семиковой березки.
126. *ТОФП*, № 379. Костромская обл., Шарьинский р-н, 1974 г.
127. *ТОФП*, № 364. Костромская обл., Чухломской р-н, 1972 г.
128. *КОПС*, № 421. Песня широко пелась и вне обряда. *Гребень* — ритуальный предмет свадебного обряда, как и кольцо.
129. *ЦКП*, № 617. Песня пелась при завивании березки. Зачин этой песни распространен в семиковых песнях.
130. *Богатырев*, с. 167. Московская обл., Загорский р-н. Песня пелась в лесу, когда девушки водили хороводы вокруг избранной березки.
131. *Шейн*, № 1203. Владимирская губ., Шуя, 1874 г. Песня пелась, когда девушки выбирали березку — главную участницу праздника.
132. *Смирнов*, с. 30. Песню пели на троицком развивании семиковой березки.
133. *Терещенко*, ч. 6, с. 164. Песня пелась в Семик, когда девушки шли в лес завивать венки и выбирать березку, неся

- с собой ритуальную еду — пироги, лепешки, яичницу.
134. *Добровольский I*, с. 190, № 11-б. *А святой Илья — То разгон девкам.* — С Ильина дня — 20 июля (2 августа) начиналась жатва, работа в поле.
135. *Соболевской*, т. 2, № 175.
136. *ПКП*, № 604. Челябинская обл., 1932 г.
137. *Соболевский*, т. 5, № 8.
138. *ТОФП*, № 336. Ярославская обл., Борисоглебский р-н. Приговор произносили девушки во время обряда кумления.
139. *Смирнов*, с. 48. Венки завивают в Семик, а в Троицу ходят смотреть, который поблек: завитый со словами *на барашка* или *на матушку* — к смерти, *сама на себя* — к свадьбе.
140. *Кедрина*, с. 105. Песня пелась во время обряда «похорон кукушки».
141. *КУОПС*, № 420. Новосибирская обл., Карасунский р-н, 1973 г.
142. *Архив РАН*, ф. 104, оп. 1, № 523. Тверская губ., Осташковский у., 1859 г. Игровая весенняя песня. На гулянья девушки приходили с венками из цветов, которые по ходу песни перекладывали на головы понаравившихся парней.
143. *Римский-Корсаков*, № 50. Пели во время кумления девушек в лесу.
144. *ТРУАК*, № 12. Рязанская губ., Сапожский у. Троицкая песня, поется во время завивания венков и бросания их в воду.
145. *Соболев*, с. 42, № 1.
146. *Кедрина*, с. 104.
147. *ТОФП*, № 375. Костромская обл., Солигаличский р-н, 1972 г. Пели на Троицу или Семик.
148. *КОПС*, № 437. Приморский край, 1968 г. Песня весенняя плясовая. Речь идет о том, что священная вода Дуная не приняла жертвоприношения паренька — цветы льна — и передала их березе, покровительнице девушек.
149. *Добровольский I*, с. 191, № 14.
150. *Христиансен*, № 54. Пели при «раздавении» березки.
151. *ТОФП*, № 378. Костромская обл., Нерехтский р-н, 1975 г. Песню пели на Троицу.
152. *ПКП*, № 603. Челябинская обл., 1932 г. Троицкая игра: девушки встают в хоровод, вокруг большой березы, на березу влезает трое, одна называется «яры пчелы», вторая — «белый горностаи», третья — «сизый орел», четвертая девушка по ходу песни подходит к дереву и поджигает его; хоровод поет. Последние шесть строк поют девушки, которые сидят на березе, а хор подпевает.
153. *ПКП*, № 525.
154. *Шейн*, № 1259. Владимирская губ.
155. *ТОФП*, № 329. Костромская обл., Нейский р-н, 1972 г.
156. *Архив РАН*, Ф. 104, оп. 1, № 523, л. 57. Тверская губ., Корчевский у. Весенняя песня.
157. *Шейн*, № 1258. Владимирская губ.
158. *Соболев*, с. 15.
159. *КОПС*, № 491. Томская обл., Кривошеинский р-н, 1970 г.

Иван Купала

160. *Заланский*. с. 151, № 135.
161. *КУОПС*, № 505. Омская обл. Таранский р-н, 1971 г.
162. *ПКП*, № 634. Смоленская обл., Демидовский р-н, 1969 г. Песню пели в купальскую ночь у каждого дома, за что получали кулагу, мед и творог.
164. *ТОФП*, № 393, Костромская обл., Солигаличский р-н, 1972 г.
163. *Семевский*, с. 11.
165. *ПКП*, № 637. Псковская обл. Идрицкий р-н, 1967 г.

166. *ПКП*, № 635. Смоленская обл., Демидовский р-н, 1969 г.
167. *ПКП*, № 647. Смоленская обл., Демидовский р-н, 1969 г.
168. *ПКП*, № 639. Смоленская обл., Поречье. 1969 г.
169. *Добровольский I*, с. 217, № 6.
170. *КОПС*, № 501. Омская обл., пос. Люблино, 1972 г. Песня игровая.
171. *ПКП*, № 675. Смоленская обл., Демидовский р-н, 1969 г.
172. *ПСП*, с. 603, № 7. Новгород, 1834 г.
173. *ФРНП*, № 101. Латвия, Лудзенский район
174. *ФРНП*, № 100. Латвия, Краславский район.
175. *ПКП*, № 680. Сумская обл., Украина.

Жатва

176. *ПКП*, № 689. Смоленская обл., 1949 г. Песня зажиночная.
177. *Свитова*, № 43. Песня зажиночная.
178. *Шейн*, № 1277. Смоленская губ.
179. *Шейн*, № 1276. Смоленская губ.
180. *Римский-Корсаков*, № 51. Песня дожиночная.
181. *ОПП*, № 18. Архангельская обл., Пинежский р-н, 1970 г.
182. *Зернова*, с. 33.
183. *ПКП*, № 730. Псковская обл., Великолукский р-н, 1964 г.
184. *ФРНП*, № 3. Литва, Швенченский р-н.
185. *Коринфский*, с. 369.
186. *Шейн*, № 1273, Смоленская губ.
187. *КОПС*, № 564. Новосибирская обл., Тогучинский р-н, 1972 г.
188. *Шейн*, № 1281. Величальная хозяйину, чтобы угостил жниц.
189. *Добровольский I*, с. 258, № 23.
190. *ПКП*, № 721.

191. *ФРНП*, № 113. Латвия, Лудзенский район.
192. *Шейн*, № 1269. Псковская губ.
193. *КОПС*, № 562. Новосибирск, 1977 г.
194. *КОПС*, № 558. Омская обл., Тарский район.
195. *ФРНП*, № 119. Латвия, Лудзенский район.
196. *КОПС*, № 569. Омская обл., Тарский район, 1971 г.
197. *ПКП*, № 695. Псковская обл., Куньинский р-н, 1964 г.
198. *ОПП*, № 19. Архангельская обл., Пинежский р-н, 1970 г.
199. *ОПП*, № 20. Архангельская обл., Пинежский р-н, 1970 г.
200. *КОПС*, № 560. Новосибирская обл., Мошковский р-н, 1972 г.
201. *Песни Пинежья*, с. 489. Архангельская обл.
202. *ПКП*, № 70-8. Смоленская обл., Демидовский р-н, 1969 г.
203. *ОПП*, № 15. Архангельская обл., Пинежский р-н, 1970 г.
204. *ТП*, № 20. Калининская обл., Торопецкий р-н.
205. *ПКП*, № 749. Смоленская обл., Шумячский р-н, 1969 г.
206. *ЛРН*, № 23. Костромская губ., Ветлужский у.
207. *ПКП*, № 744.

Крестины

208. *Иваненко*, с. 335. Орловская губ., Дмитровский у. Заговор читала бабка-повитуха, когда выносила ритуальную кашу к столу во время крестин. *Бабка Соломонида* (день Святой Соломониды — 1 [14] августа) почитается детными и беременными женщинами, часто упоминается в заговорах.
209. *РНПМО*, № 124. Московская обл.,

- Можайский и Загорский р-ны. Записано от смоленских переселенцев. Величальная песня родителям новорожденного, исполнялась во время крестин за столом.
210. *РНПМО*, № 125. Московская обл., Можайский и Загорский р-ны (записано от смоленских переселенцев). Песню пели во время семейного застолья, где главным действующим лицом была кума.
211. *РНПМО*, № 126.
212. *РНПМО*, № 128. Московская обл., Можайский р-н,
- Свадьба**
213. *Колпакова*, № 70. Вологодская обл., Кубенозерский р-н. 1937 г. Песня пелась после сватовства.
214. *ТОФП*, № 572. Калининская обл., Торжокский р-н. 1969 г. Песню пели подружки под окнами девушки, начиная с вечера сватовства.
215. *Григоровский*, с. 16. Песня пелась на рукобитье.
216. *Некрасов*, с. 1, № 2. Пермская губ., Сликаский у. Песня пелась после рукобитья. *Посажу я свою милу дочь Во сады да во зеленые* — аллегорическое указание на то, что девушка на выданье. *Тычинки железные* — железный тын, забор. *Посадили свою малу дочь В кут да за занавесу*. После того как девушка просватана, совершали обряд богомолья и рукобитья, затем девушку уводили в кут (место в избе за печью), где она находилась и в другие моменты свадьбы, когда приезжали родственники жениха.
217. *Шейн*, № 1554. Вологодская губ., Сольвычегодский у. Песня пелась девушками на пропое, когда со стороны жениха приезжали в дом невесты, чтобы совершить обряды заключения договора на свадьбу.
218. *ПСЯО*, с. 288, № 50. Ярославская обл., Угличский р-н, 1956 г. Песня пелась на рукобитье.
219. *ТОФП*, № 578. Костромская обл., Солигаличский р-н, 1972 г. Песня пелась на рукобитье.
221. *Архив РАН*, ф. 134, оп. 2, № 169. Тверская губ. Запись А.А.Мещанинова. 1916 г. Причет исполнялся после богомолья-рукобитья.
222. *ПСП*, с. 452, № 1. Пермская губ., Красноуфимский у. Запись В.И.Далая. Плач невесты на рукобитье и пропивании. «Во все это время невеста сидит в углу перед печью вместе с приглашенными девушками, ее подружками, которые, когда отец невесты затепляет свечу, воют, т.е. поют особенным напевом» (Даль В.И. *ПСП*, с. 452).
223. *Шейн*, № 2177. Ярославская губ., Пошехонский у. Плач невесты на рукобитье.
224. *ПСЯО*, № 26. Ярославская обл., Углический р-н, 1956 г. Песня пелась после сговора.
225. *Шейн*, № 467. Вологодская губ., Вологодский у. С этой песней начинались песни-плачи невесты на сговорах.
226. *ТОФП*, № 591. Костромская обл., Нея, 1973 г. Первый причет невесты после сговора.
227. *Барсов*, ч. 3, с. 28. Причитание матери в ответ на причитание невесты после сговора. *И будут вешные ивански нам ведь венички, И будут красные петровски нам ведь ягодки!* На Ивана Купала — 24 июля (7 авг.) — собирали лекарственные травы, ходили вязать венники, от Иванова до Петрова дня — 29 июня (12 авг.) девушки ходили в лес по ягоды. *И до уречных девочих двадцать годишков*. До 20 лет девушка должна была выйти замуж.
228. *ТОФП*, № 593. Ярославская обл., Борисоглебский р-н, 1978 г. Плач невесты после просватанья.

229. *Шейн*, № 1378. Вологодская губ., Вологодский у. Плач-диалог невесты и тушки на рукобיתье.
230. *Шейн*, № 2182. Ярославская губ., Пошехонский у. Плач-диалог невесты и зловки, исполнялся на рукобיתье.
231. *ПСР*, с. 453, № 2. Пермская губ., Красноуфимский у. Запись В.И.Даля. 1833—1841 гг.
232. *Киреевский*, № 329. Тульская губ., Новосильский у. Плач невесты на сговорах. *Иль посылку дожидались — ждали особого приглашения с нарочным. Супротив креста поклонного и т.д.* Поклонные кресты ставились на перекрестках дорог, за околицей деревни.
233. *ТОФП*, № 746. Костромская обл., Нейский р-н, 1975 г. Причет невесты накануне свадьбы.
234. *ЧС*, № 48. Пермская обл., Чердынский р-н. Причет невесты перед баней накануне свадьбы. Мотив вещей снов — характерный художественный прием свадебной (обрядовой) лирики.
235. *ЧС*, № 38. Пермская обл., Чердынский р-н. Причет невесты девушкам-подругам накануне свадебного дня перед баней.
236. *Архив РАН*, ф. 104, оп. 1, № 419, л. 40. Новгородская губ., Крестецкий у. Песня пелась девушками, когда они топили для невесты баню.
237. *ТФНО*, № 303. Новгородская обл., Пестовский р-н, 1969 г. Песню пели, когда топили баню для невесты.
238. *ЧС*, № 49. Пермская обл., Красновишерский р-н. Причет невесты — обращение к сестре в бане. *Сине море Хвалыньское* — древнерусское название Каспийского моря.
239. *ЧС*, № 54. Пермская обл., Чердынский р-н. Причет невесты в бане. В песне использованы сказочные образы, идущие от сказок о чудесных помощниках.
240. *Архив РАН*, ф. 104, оп. 1, № 419, л. 41 об. Новгородская губ. Крестецкий у. Причет невесты после бани.
241. *ТОФП*, № 682. Костромская обл., Шарьинский р-н, 1974 г. Причет невесты при выходе из бани.
242. *ТОФП*, № 747. Костромская обл., Солигаличский р-н, 1972 г. Причет невесты после бани.
243. *ТОФП*, № 742. Калининская обл., Андеапольский р-н. 1971 г. Песню пели девушки, когда вели невесту из бани.
244. *ОПП*, № 62. Архангельская обл., Пинежский р-н, 1970—1972 г. Причет невесты на девичнике.
245. *Русская свадьба*, № 74. Вологодская обл., Нижний Спас. 1977 г. Причет невесты-сироты.
246. *ЧС*, № 19. Пермская обл., Красновишерский р-н, 1955 г. Причет матери невесты на девичнике.
247. *ЧС*, № 20. Пермская обл., Чурдынский район.
248. *Авдеева*, с. 133, № 12. Иркутск. Причет-диалог невесты и девушек на девичнике.
250. *ФРУ*, № 192. Якутия, Русское Устье. Причет исполнялся девушками от имени невесты на девичнике после расплетения косы.
251. *Шейн*, № 1409. Вологодская губ. Причет невесты при раздаче подарков своим подругам.
252. *Колпакова*, № 470. Архангельская обл., Каргопольский р-н. 1927 г. Причет невесты при расплетении косы на девичнике.
253. *ТОФП*, № 645. Калининская обл., Торжокский р-н, 1969 г.
254. *Шейн*, № 1389. Вологодская губ., Вологодский у. Причет невесты на девичнике, прощание с красотой. *Ко Ивану Предтече*. Речь идет о церкви Иоанна Предтечи.

255. *ТОФП*, № 755. Костромская обл., Нейский р-н, 1972 г. Причет невесты, когда ее усаживают в центр избы под матицу и расплетают косу. *Ко Усыплению ко светлому*. Имеется ввиду церковь Успения Богородицы. *Печь, печной столб* — символ родного дома.
256. *Шейн*, № 1962. Калужская губ., Малоярославский у. Песня пелась на девичнике.
257. *ТОФП*, № 874. Калининская обл., Торжокский р-н, 1969 г. Песня пелась невесте-сироте на девичнике.
258. *Ларионова*, с. 336. Тобольская губ., 1904 г. Упоминание Волги-реки говорит о том, что песня была некогда вывезена переселенцами из Поволжья. Пелась на девичнике.
259. *ТОФП*, № 913. Костромская обл., Нерехтский р-н, 1975 г. *Подлетает девья красота Да к уголочку, к твоему домику*. В некоторых районах наряжали две елочки — девья красоты, одну из которых прибивали к углу дома невесты, а другую — к углу дома жениха.
260. *ТФНО*, № 308. Новгородская обл., Старорусский р-н, 1971 г. Песня пелась чаще всего на девичнике.
261. *ФРУ*, № 191. Якутия, Русское Устье. Песня пелась на девичнике во время расплетения косы невесты.
262. *ТОФП*, № 765. Костромская обл., Нерехтский р-н, 1975 г. *Разделили косыньку на шесть долей* — после венчания, еще до свадебных столов, в куте новобрачной плели волосы в две косы (одну косу носили только девушки) и укладывали поверх головы.
263. *ТОФП*, № 587. Ярославская обл., Борисоглебский р-н, 1978 г. Песня пелась на девичнике или утром перед отправлением к венцу.
264. *ПСЯО*, с. 175, № 29. Ярославская обл., Угличский р-н, 1956 г. Песня пелась на девичнике.
265. *Шейн*, № 1984. Тульская губ., Новосильский у. Песню пели девушки на девичнике, когда появлялся жених.
266. *ТОФП*, № 890. Калининская обл., Торжокский р-н, 1969 г. Песня пелась на девичнике.
267. *ПСП*, с. 203, № 30. Псковская губ. Запись А.С.Пушкина, не позднее 1833 г., опубликована по копии П.В.Киреевского. Примечание А.С.Пушкина: «Дня за два перед девичником, кладут на блюдо ленты из косы невестинной. Брат ее или ближайший родственник носит его по улице. Это называют: красу носить».
268. *ОПАП*, № 66. Архангельская обл., Пинежский р-н, 1970 г. Песня пелась на девичнике. *Одицового сукна да холмогорского шитья*, т.е. сукна и шитья высшего сорта.
269. *ПСП*, с. 490, № 61. Запись В.И.Даля. Ровно двадцать годочков — «столько лет невесте» (примеч. В.И.Даля).
270. *ТФНО*, № 321. Новгородская обл., Боровичский р-н, 1969 г. с опеч. в строке *Отмыкайте золоты концы*: Песня пелась в различные моменты свадебной игры до венчания.
271. *ПСП*, с. 204, № 34. Псковская губ. Запись А.С.Пушкина, не позднее 1833 г., опубликована по копии П.В.Киреевского. Песня пелась, если жених приезжал издалека.
272. *Шейн*, № 1982. Смоленская губ., Юхновский у. Песню пели на девичнике после того, как невеста раздаст подарки всей жениховой родне. *Я тогда тебя пуцу. Когда косу русу расплету*, т.е. когда пройдет девичник и свадьба будет обязательной.
273. *Шейн*, № 2238. Владимирская губ., Судогодский у.
274. *ОПА*, № 129. Архангельская обл., Пинежский р-н, 1970 г. Песня пелась на посиделках и на девичнике.
275. *ФРНП*, № 133. Латвия, Лудзенский р-н. Песня пелась на вечерине.

276. *ТОФП*, № 906. Костромская обл., Нейский район. Песня пелась на девичнике.
277. *ТОФП*, № 928. Костромская обл., Шарьинский р-н. Песня пелась в конце девичника.
278. *ТФНО*, № 339. Новгородская обл., Мошенский р-н, 1969 г. Песня пелась жениху при отправлении за невестой в день свадьбы. Последняя строка говорит о том, что девушки, «опевавшие» жениха, требовали за это плату.
279. *УНТРО*, № 1. Рязанская обл., Касимовский р-н. Песня пелась утром в день свадьбы в доме жениха.
280. *Астров*, с. 432, № 1. Пензенская губ., Пензенский у. Песня пелась девушками при отправлении жениха за невестой.
281. *Архив РАН*. Ф. 104, оп. 1, № 523, л. 36—36 об. Тверская губ., Калязинский у. Песня пелась жениху перед отправлением за невестой.
282. *ПСП*, с. 474, № 36. Пермская губ., Красноуфимский у. Запись В.И.Даля. Песня пелась жениху перед отъездом из дома за невестой. Могли петь и на предсвадебной неделе.
283. *ТОФП*, № 1006. Калининская обл., Торжокский р-н, 1969 г.
284. *ТОФП*, № 1022. Костромская обл., Шарьинский р-н, 1974 г.
285. *ТОФП*, № 1020. Костромская обл., Солигаличский р-н. Песня пелась во время благословения невесты перед отъездом к венцу.
286. *Барсов*, ч. 3, с. 1643. Причет невесты в день свадьбы.
287. *ЧС*, № 84. Пермская обл., Чердынский р-н. Причет невесты утром в день свадьбы при расчесывании волос и символическом расставании с «девией красотой».
288. *ПСП*, с. 493, № 64. Пермская губ., Красноуфимский р-н, Запись В.И.Даля. Причет невесты в день свадьбы утром, во время обряда, называемого «прощание с красотой». После того, как невеста «провоет» весь причет, она снимает с головы ленту, зажигает перед иконами на божнице свечу, через нее вешает на божницу свою ленту, по ходу причета невеста, держа в руках свою «красоту», то опускает ее ниже пояса, то кладет на пол и тихо отодвигает от себя, то поднимает выше головы. Так повторяется четыре раз, пока «красота» не «вышла на улицу».
289. *ТОФП*, № 862. Костромская обл., Нейский р-н. 1972 г.
290. *ТОФП*, № 854. Костромская обл., Солигаличский р-н, 1972 г.
291. *ТОФП*, № 853. Костромская обл., Чухломской р-н, 1972 г.
292. *ТОФП*, № 855. Костромская обл., нейский р-н, 1972 г.
293. *Шейн*, № 2193. Ярославская губ., Пошехонский у. Причет невесты в день свадьбы перед приездом жениха.
294. *Шейн*, № 1352. Вологодская губ., Грязовецкий у. Причет невесты.
295. *ОПП*, № 88. Архангельская обл., Пинежский р-н, 1970 г. Причет невесты, когда отец передавал ее жениху.
296. *ПСП*, с. 4908, № 71. Пермская губ., Красноуфимский у. Запись В.И.Даля. Причет невесты в день свадьбы, когда свахи приходили к ней в кут, где она сидела с подругами, и ей расплетали косу.
297. *ТОФП*, № 900. Костромская обл., Солигаличский р-н, 1972 г. Песня пелась, когда уносили елочку.
298. *ОПП*, № 73. Архангельская обл., Пинежский р-н, 1970—1972 гг. Песней встречают женила.
299. *ПСП*, с. 204, № 35. Псковская губ. Запись А.С.Пушкина, не позднее 1833 г., опубликована по копии П.В. Киреевского. Песня пелась в день свадьбы.

300. *ФРНП*, № 136. Латвия. Лудзенский р-н. Песня пелась, когда жених входил во двор к невесте.
301. *ПСС*, № 75. Архангельская обл., Пинежский р-н, 1970—1972 г. Песня пелась, когда жених приезжал за невестой.
302. *ПСП*, с. 212, № 53. Псковская губ. Запись А.С.Пушкина, не позднее 1833 г., опубликована по копии П.В.Киреевского. «Поется, когда едут за невестой к венцу», (Примеч. П.В.Киреевского).
303. *Шейн*, № 1402. Вологодская губ. Причет невесты утром в день свадьбы, когда приезжал жених.
304. *ЧС*, № 128. Пермская обл., Красновишерский р-н. Приговор дружки по приезде в дом родителей невесты перед закрытыми дверями; девушки-подруги невесты отвечают из-за закрытой двери.
305. *ЧС*, № 127. Пермская обл., Чердынский р-н.
306. *ТОФП*, № 1096. Костромская обл., Чухломской р-н, 1972 г. Приговор-диалог между дружкой и братом-«заседником» при выкупе места рядом с невестой, утром в день свадьбы перед отправлением к венцу.
307. *ТОФП*, № 1099. Костромская обл., Солигаличский р-н, 1972 г. Приговор дружки за свадебным столом.
308. *ЧС*, № 192. Пермская обл., Чердынский р-н. Приговор дружки за свадебным столом.
309. *ЧС*, № 223. Пермская обл., Красновишерский р-н. Приговор свахи, когда провожали молодых на покой в «холодную».
310. *ЧС*, № 130. Пермская обл., Чердынский р-н. Причет невесты перед отправлением к венцу, после того как она приняла подарки жениха.
311. *ОПП*, № 87. Архангельская обл. Пинежский р-н, 1970—1972 г. Песня пелась, когда невесту выводили из-за стола, чтобы везти в церковь.
312. *УНТРО*, № 13. Рязанская обл., Шиловский р-н. Песня пелась в день свадьбы утром перед отъездом к венцу.
313. *ТФНО*, № 358. Новгородская обл., Пестовский р-н, 1968 г. Песня пелась, когда жениха и невесту вели к свадебному поезду, чтобы ехать в церковь для венчания.
314. *ЧС*, № 132. Пермская обл., Красновишерский р-н. Песня пелась при отправлении невесты к венцу.
315. *Колпакова*, № 173. Ленинградская обл., Лодейнопольский р-н, 1923 г. Песня пелась после венца, при встрече свадебного поезда или по дороге.
316. *ТОФП*, № 1284. Калининская обл., Андреаполь, 1971 г. Песня пелась, когда свадебный поезд возвращался из церкви в дом жениха.
317. *Архив МАЭ РАН*, ф. К-1, оп. 1, № 1009—1010.
318. *ТОФП*, № 1277. Калининская обл., Торжокский р-н, 1969 г. Песня пелась при встрече молодых от венца в доме жениха.
319. *Шейн*, № 1970. Смоленская губ., Юхновский у. Величальная молодому за свадебным столом.
320. *Истомин-Дютш*, с. 97. Архангельская губ., Архангельский у. Песня величальная молодой. *Яренгский звон* — колокольный звон в Яренге (название деревни, откуда родом была исполнительница).
321. *Колпакова*, № 319. Башкирия, Белорецкий р-н, 1938 г. Песня величальная молодым.
322. *РНПКП*, № 154. Карельское Поморье, Кемский р-н, 1964 г. Песня величальная, пелась на свадебном пиру за «Большим столом» молодым.

323. *Архив ИРЛИ*, ф. РУ, кэлл. 28, п. 14, № 17. г. Кемь. Запись И.В. Карнауховой, 1932 г. Песня величальная, пелась женатой паре за свадебным столом.
324. *РНПКП*, № 142. Карельское Поморье, Лоухтский р-н, 1964 г. Песня величальная тысяцкому за свадебным столом.
325. *ЧС*, № 180. Пермская обл., Красновишерский р-н. Песня величальная тысяцкому.
326. *ЧС*, № 179. Пермская обл., Красновишерский р-н. Песня величальная свахе.
327. *Истомин-Ляпунов*, с. 79, № 15. Вологодская губ. Вологодский у. Припевка корильная свату.
328. *Померанцева*, с. 167. Башкирия. Покровский р-н. Песня величальная дружке.
329. *Шереметева*, с. 55. Калужская губ. Песня величальная целому семейству.
330. *ПСП*, с. 481, № 47. Пермская губ., Красноуфимский у. Запись В.И. Даля. Песня величальная девушке.
331. *ПСП*, с. 472, № 34. Пермская губ., Красноуфимский у. Запись В.И. Даля. Песня величальная холостому парню. *Олень-золотые рога*, — положительный персонаж, добрый помощник, появляющийся перед героем и помогающий ему в волшебных сказках, легендах. Нередко на рогах оленя горят свечи.
332. *РНПКП*, с. 10, № 144. Кемь, 1963 г. Песня величальная «Винограде холостое».
333. *ПСП*, с. 475, № 37. Пермская губ., Красноуфимский р-н. Запись В.И. Даля. Песня величальная жениху или холостому парню.
334. *ФПО*, с. 129. Пензенская обл., Поимский р-н. Песня пелась в конце свадебного пира.
335. *ЧС*, № 215. Пермская обл., Чердынский р-н. Песня пелась на второй день свадьбы.

336. *Колпакова*, № 413. Мурманская обл., Терский р-н, 1932 г. Песня пелась на второй день свадьбы.

Похороны

337. *Барсов*, ч. 1, с. 1 (плачется в сокращении). Плач по покойному мужу. *По подоконью... столыпаться* — ходить «по миру» от дома к дому, прося под окнами милостыню, подавая. *Аль калекой она шла да перехожю* — речь идет о смерти, которая подошла неожиданно, как подходили калики перехожие — нищие, часто слепцы, исполнявшие духовные стихи, былины, питавшиеся подаванием. *Дверная лавочка* — лавка, расположенная у двери (самое непочетное место в избе), на которую вдова просит соседей принять ее сирот. *Со мной на речи... не ставишься* — не желаешь разговаривать. *Во несчастный день во пятницу засеяны... во среду вспорожены* — Среда и пятница считались постными днями, в которые было запрещено супружеское общение. Нарушение этого запрета вело к тому, что будущие дети будут несчастливы. *Мелко рубленные клеточки* — клетки, чуланы, где хранились сундуку с одеждой и утварь. *Шесть... улетных неделюшек* — В народе считалось, что через сорок дней душа покойного окончательно находит свое место на небе и острота горя родных на земле несколько смягчается.
338. *Азадовский*, № 2. Иркутская губ., Верхоленский у., 1915 г. Причет по отцу.
339. *РП*, с. 207. Петроградская губ., Гдовский у. Запись В.И. Чернышева. Причет по матери.
340. *РП*, с. 121. Олонецкая губ. Исп. Н.С. Богданова. Причет вдовы по мужу, погибшему на водопаде Кивач при сплаве леса.
341. *Барсов*, ч. 1, с. 114. Олонецкая губ., Петрозаводский у. Плач по дочери.

Вариант этого плача использован П.И.Мельниковым-Печерским в романе «В лесах» (ч. 2 гл. 2), где плачя Устинья Клещина причитает по Насте Чапуриной. От строк *Я пойду с горя во светлую светелочку* до строки *Да на девочьей на белые на плечики* — описывается свадебный наряд невесты середины XIX в. *Сыто идется* — сытно естся. *На гостиную уречную неделюшку* — зимой в северных деревнях было принято отпускать девушек гостить к родственникам — от одного дня до двух недель — как правило, это приурочивалось к праздникам. *Засмотрели б как спацивы меня дяденьки*. На праздничных беседах, гуляньях обычно присматривали невест. *Умерший венец* — атласная или бумажная полоска с изображением Спасителя, Богоматери или Иоанна Богослова, которую кладут на лоб умершего при отпевании и погребении. *Под праву руку бумагу кладывают*. — Умершему кладут под правую руку написанную на бумаге молитву — «отпуск». *Не жалейте дьямяна да вы ладану* — не жалейте фимиама и ладана.

Проводы рекрутов

342. *РП*, с. 170. Новгородская губ., Череповецкий у. Исп. И.Калиткина. Плач о сыне — холостом рекруте.
343. *РП*, с. 173. Новгородская губ., Череповецкий у. Исп. И.Калиткина. Святозерский плач матери о холостом рекруте. *Годовые празднички* — по церковному календарю, так называемые, двенадцатые: Рождество, Пасха, Троица и др.
344. *Азадовский*, № 6. Иркутская губ., Верхоленский у. Плач матери по рекруту.
345. *Агренева-Славянская*, с. 42. Владимирская губ. Исп. А.Чуева. Плач жены по мужу-новобранцу.
346. *РП*, с. 194. Новгородская губ., Старорусский у. Исп. Е.Денисова. Плач об ушедших в солдаты. *И питья-то не пьют церковного* — не имеют возможности причаститься, пойти в церковь.
347. *Истомин-Ляпунов*, с. 82, № 17. Вологодская губ., Тотемский у. Причет сестры по брату-рекруту.
348. *Лотман*, № 3. Новгородская губ. Причет жены по мужу-рекруту.
349. *Соболевский*, т. 6, № 76. Новгородская губ., Студитский у. Рекрутская песня.
350. *Архив РАН*, ф. 104, оп. 1, № 3446, л. 124. Новгородская губ., Демянский у.
351. *Пропп*, с. 439. Саратовская губ.
352. Публикуется **впервые** по записи из личного архива Н.А.Митрофановой. Архангельская обл., Онежский р-н, 1969 г. Исп. Ф.А.Митрофанова. Песню пели солдаты-новобранцы, идя по улице с вечеринки на вечеринку.
353. Публикуется **впервые** по записи из личного архива Н.А.Митрофановой, Архангельская обл., Онежский р-н, 1969 г. Исп. Ф.А.Митрофанова. Пели новобранцы.
354. *ФРНП*, № 66. Литва, Зарасайский р-н. Рекрутская песня, поется при проводах новобранца из родной деревни.
355. *Архив ИРЛИ*, Р.V. п. 1. № 10, г. Медвежьегорск.
356. *ПСП*, с. 436, № 17. Орловская губ., Малоархангельский у. Запись Н.А.Кострова, 1843 г. Рекрутская песня.
357. *Истомин-Ляпунов*, с. 245, № 40. Вологодская губ., Великий Устюг.
358. *Соболевский*, т. 6, № 70.
359. *Соболевский*, т. 6, № 56.
360. Публикуется **впервые** по записи из личного архива Н.А.Митрофановой. Архангельская обл., Онежский р-н, 1969 г. Исп. Ф.А.Митрофанова. Пели новобранцы при отъезде из родного села.

361. *СНПК*, № 159. Орловская губ., Малоархангельский у. Запись П.И.Якушкина и Н.А.Кострова, 1843 г. Рекрутская песня.
362. *Архив ИРЛИ*. Р.V. п. 1, № 10. Медвежгорск. Песня рекрутская.
363. *Соболевский*, т. 6, № 46. Орловская губ., Малоархангельский у.
364. *ПСЯО*, с. 268, № 62. Ярославль, 1938 г. Рекрутская песня. *Мерочки, медны меры* — приборы для измерения роста рекрута, чтобы определить род войск, куда он будет направлен.
365. *Соболевский*, т. 6, № 41. Вологодская губ.
366. *Соболевский*, т. 6, № 42. Пермская губ.
367. *Соболевский*, т. 6, № 97.
368. *СНПК*, с. 152, № 321. Рекрутская песня.
369. *Соболевский*, т. 6, № 110. *Воробьевы горы* — окраина старой Москвы (ныне Ленинские горы).
370. *Соболевский*, № 147. Вятская губ.
371. *Барсов*, ч. 2, с. 264.
- 372—375. Частушки, № 2977, 5359, 5368. Рекрутские частушки. *Буткевич* — фамилия офицера, принимавшего рекрутов.
- 376—378. *РЧ*, № 135, 55, 57, 4. Рекрутские частушки. Вологодская, Кировская и Ленинградская области.

Календарь основных православных праздников

Зимние Святки: 25 декабря (7 января) — 6 (19) января.

Святые вечера: 25 декабря (7 января) — 1 (14) января.

Страшные вечера: 1 (14) января — 6 (19) января).

Рождество: 25 декабря (7 января).

Васильев день (Новый год): 1 (14) января.

Крещение: 6 (19) января.

Масленица: восьмая неделя до Пасхи в период с начала февраля до середины марта.

Прощеное воскресенье — последний день Масленицы.

Великий пост: семь недель от Масленичной недели (Прощеного воскресенья) до Пасхи.

День Святых сорока мучеников (Сороки): 9 (22) марта.

Благовещение: 25 марта (7 апреля).

Средокрестие: середина четвертой недели Великого поста.

Вербное воскресенье: предшествует Пасхальному воскресенью.

Великий («чистый») четверг: четверг на последней неделе перед Пасхой.

Егорьев (Юрьев) день (Егорий весенний): 23 апреля (6 мая).

Пасха (Велик день, Светлый день, Христово воскресенье): первое воскресенье после первого весеннего полнолуния.

Фомина неделя: первая неделя после Пасхальной.

Фомино воскресенье: первое воскресенье после Пасхального.

Радоница: вторник на Фоминой неделе.

Вознесенье: сороковой день после Пасхи.

Святки летние (Семиковая и Троицкая, недели): седьмая и восьмая недели после Пасхи.

Семик: четверг на седьмой неделе после Пасхи.

Троица (Пятидесятница): воскресенье, пятидесятый день после Пасхи.

Духов день: первый понедельник после Троицы.

Николин день (Никола весенний): 9 (22) мая.

Аграфена Купальница: 23 июня (6 июля).

Иванов день (Иван Купала): 24 июня (7 июля).

Петров день: 29 июня (12 июля).

Ильин день: 20 июля (2 августа).

Воздвижение: 11 (27) сентября.

Покров пресвятой Богородицы: 1 (14) октября.

Егорьев день (Егорий осенний): 26 ноября (9 декабря).

Николин день (Никола зимний): 6 (19) декабря.

Словарь устаревших и народных слов

Аржаница — ржаная солома.

Афонец — монах Афонского монастыря; странник.

Бадог — палка, посох.

Бажоний — дорогой, любимый, желанный.

Баласы (балаины) — точеные столбики под поручни крыльца.

Басить — украшать, наряжать; франтить.

Баско — красиво, нарядно.

Башить — лгать.

Баять — говорить.

Безотный — не имеющий отца.

Безуенный — безутешный.

Беляночка — белый гриб.

Бердчатый (берчатый) — узорный, узорчатый (о тканом нецветном узоре).

Бердо — род гребня, деталь ткацкого станка.

Бильце — кольцо.

Божат — крестный отец.

Божатка — крестная мать; сваха.

Большой барин — старший из ближайших родственников жениха.

Борть — пчелиное дупло.

Борзо — быстро.

Босла — благослови.

Бочкарь — родственник новобрачных, хранящий пиво и другие напитки.

Бояре — товарищи жениха, его окружение.

Боярки — подруги невесты.

Браный — тканый из кудели лучшего качества.

Братина (братынечка) — большой металлический или деревянный сосуд, обычно с носиком, для пива или браги.

Брус — бревно, средняя балка в крестьянской избе, поддерживающая потолок, матица.

Брусчатый (брусячатый) — широкий гладкий (о брусе, доске, лавке и т.п.).

Брюдга (брыдьга) — крестная невесты.

Буява (буйвище) — возвышенность, место, на котором стоит церковь; погост, место внутри церковной ограды.

Валешки — валенки.

Валек — плоская деревянная плашка с рукоятью для стирки белья.

Вальясно — важно, чванливо; красиво, прочно (о резьбе).

Вдругорядь — в другой раз.

Великодная жирушка — веселье, пирушка в Пасху (Великий день).

Веря — столб, на котором укрепляются ворота.

Вергать — бросать; провалиться.

Ветляный — легкий, подвижный.

Вехотка — ветхая тряпка.

Взвоз — въезд в сенной сарай.

Вигать — кричать, визжать.

Виноходный — иноходный (о лошадином аллюре).

- Владычный* — престольный (праздник, в честь которого освящен престол местной церкви).
- Вожатая* — ближайшая подружка невесты.
- Воздух* — небольшое покрывало, закрывающее чашу со святыми дарами.
- Возжуплять* — распевать.
- Возил* (повозник) — кучер невесты.
- Войроман* — полынь.
- Воложенный* — влажный, сырой.
- Волюшка* — то же, что *Красота* (см.).
- Ворово* — быстро.
- Впотай* — тайно.
- Вычура* — прихоть, причуда.
- Вяз* — прут, которым связывают в санях копылья (вертикальные жерди, вставленные в полозья).
- Гаротница* — горемыка.
- Ганок* — крыльцо с навесом и перилами.
- Гвоздарь, гваздариха* — родные и поезжане новобрачных, которые хранят пиво и другие напитки; то же, что *Бочкарь* (см.).
- Говедница* — постница.
- Говины* — пост.
- Гоноток* (гонг) — короткая дранка.
- Гордена* — гордячка.
- Горелка* — водка.
- Гостибище* — место для отдыха.
- Гранетуровый, гарнитуровый* — из гардетура (шелковой ткани).
- Грядка* (гряда) — шест, слегка, жердь, подвешенная в избе от стены к стене; на грядки вешали платье.
- Гряновитая* — грозовая, готовая грянуть громом.
- Губа* — гриб, губы ломать — собирать грибы.
- Гугалеть* — кричать.
- Гузно* — низ чего-либо.
- Гулевая* — праздничная.
- Гульбище* — гулянье.
- Гулярный* — праздничный, выходной.
- Гуня* — ветхая, старая одежда.
- Дайвольйте* — дайте волю.
- Деверь* — брат мужа.
- Дежа* — квашня, кадка, в которой квасили и месили тесто.
- Дежня* — квашеное молоко либо творог с толокном.
- Деньга* — полкопейки, две полушки.
- Держава* (сдержава) — супруг.
- До доводу* — вдоволь.
- Дожинки* (оспожинки) — последний день жатвы.
- Долить* — одолевать.
- Досюльщина* — прошлое, старина.
- Дотыкать* сукно — закончить изготовление сукна.
- Дресвяный* — из крупнозернистого гравия.
- Дрочить* — холить, лелеять, ухаживать.
- Дружка* — распорядитель свадьбы (второй свадебный чин после тысяцкого — см.), знающий весь обряд, бойкий остро слов, говорун и затейник.
- Ду-другу* — друг другу.
- Дядина* — тетка по дяде, жена дяди.
- Е* — есть.
- Ельцы* — украшения из теста на свадебном каравае.
- Емантелевый* — из козьего пуха.
- Ерзовка* — проныра, пройдоха.
- Жемжурить* — болтать без умолку.
- Жемчатый* — быстрый, бойкий.
- Живленье* — жизнь.
- Животы* — все живое, что имеется в хозяйстве.
- Жирушка* — жизнь, жилище, хозяйство.
- Жуковина* — перстень с камнем.

- Жупеть* — петь.
- Заборока* — защита.
- Забусеть* — потемнеть, потерять блеск.
- Заверетье* — вихрь, вьюга.
- Задернить* — покрыть дерном, сорной травой.
- Заднее окошечко* — окошечко для выхода дыма из избы, маленькое обычно заткнутое тряпьем.
- Залякнуться* — захлебнуться.
- Замолотчик* — начинающий молотьбу.
- Замчатый* — снабженный замком.
- Заперстье* — за пазухой.
- Запоручить* (заручить) — проставать, обручить.
- Заседник* — родственник (обычно брат), сидящий рядом с невестой перед отпращиванием к венцу.
- Затреть* — часть водоема, заросшая осокой, тростником.
- Затулить* — закрыть.
- Земская изба* — официальное помещение крестьянской общины.
- Зинуги* — смотреть.
- Золовка* — сестра мужа.
- Зыбиться* — колебаться, колыхаться.
- Зыгать* — призывать.
- Искат-гора* — крутой холм, возвышенность.
- Исполать* — хвала, слава.
- Калитка* — небольшая ржаная ватрушка с картошкой или творогом.
- Камзот* — см. *Камплот*.
- Камчатка* (камка, камча) — шелковая узорчатая китайская ткань.
- Камплот* (камзот) — плотная шерстяная ткань, обычно косога плетения.
- Каравайницы* — подруги невесты, выпекающие и хранящие обрядовый хлеб.
- Кармазинное сукно* — тонкое ярко-алое сукно.
- Кварта* — меры жидкости, восьмая или десятая часть ведра.
- Кика* (кйика) — женский головной убор.
- Килош* — молодой кабан.
- Китайка* — бумажная ткань желтого цвета.
- Кишка* — колбаса.
- Клетник* — охранитель брачных покоев.
- Клец* (кляч) — закрутка для крепления зубов бороны.
- Клуша* — курица, выводящая цыплят.
- Кликати* — кричать, звать.
- Князь* — жених.
- Княгиня* — невеста.
- Коваль* — кузнец.
- Козуля* — пряники, печенье в виде фигурок животных.
- Кокошки* — клохтушки, курицы; хохотушки.
- Кокурка* — булочка с яйцом; свадебная пресная лепешка.
- Комонь* — конь.
- Коновать* — восточная шелковая ткань, которая шла на фаты, покрывала.
- Корец* — ковш.
- Коробейники* — родственники невесты, отвозящие приданое в дом жениха.
- Кортмлeный* — взятый напрокат.
- Корыма* — корма.
- Костровые чулки* — синие женские чулки.
- Косящатый* (косящий, косевчатый) — обрамленный косяками, наличниками.
- Кочерга* — металлический костыль на длинной деревянной ручке для мешания углей в печи.
- Крадчи* — крадучись.
- Красное окно* — большое парадное окно.
- Красота* (волюшка) — символ девической жизни: лента, головной убор, обрядовое деревце (елочка, сосенка, березка); то же, что *Волюшка* (см.).
- Крестовый* — крестный.

- Кросна* — ручной ткацкий стан или домо-
тканый холст, простое полотно, но-
вина.
- Круглолетье* — круглый год.
- Кружало* — кабак, питейный дом.
- Круписчатый* (крупитчатый) — из лучшей
пшеничной муки.
- Куга* — болотное растение, губчатый трос-
тник.
- Кужлявая* — ветвистая.
- Куковль* — сорная трава.
- Кулага* — сырое или пареное тесто, заме-
шанное на кипятке из ржаной муки и со-
лода.
- Кумач* — ярко-красная хлопчатобумажная
ткань.
- Куна* — куница.
- Кус* — тип рыбацкой лодки.
- Кут* (куть) — место за печкой.
- Кутнее окно* — окно в куте за печкой, через
которое выходил дым из избы.
- Кутья* — ритуальная каша без соли из зерен
пшеницы, ячменя, с коринкой, изюмом
и сдобренная сытой — разведенным
водой медом.
- Ладиться* — собираться, направляться.
- Ластовица* — пташка, ласточка.
- Левантеровый* — из шелковой ткани осо-
бого сорта.
- Ле* — возле, около.
- Лопоть* — одежда.
- Лукать* — бросать.
- Люстрин* — шерстяная ткань с лоском
(блеском).
- Межонной* (межинный) — промежуточный.
- Мекальница* — сметливая, хитрая, все под-
мечающая.
- Меньшой барин* — родственник жениха.
- Миткаль* — бумажная ткань без рисунка,
ненабивной ситец.
- Моршень* — женский головной убор.
- Мошочек* — мох.
- Мур* — каменная стена.
- Муравейный* (муравлений) — покрытый
глазурью.
- Мутарсливый* — запутанный.
- Мяконек* — мякиш.
- Мясоед* — период между двумя постами.
- Наб* — надо бы.
- Надь* — надо.
- Навеса* — деталь рыбацкой лодки.
- Надрываться* — издеваться.
- Наемщик* — пошедший внаймы, в работу
или в солдаты.
- Наздынуть* — поднять.
- Наметка* — бабий головной убор, род по-
крывала, фаты.
- Наокол* — возле, около.
- Напрокучить* — надоесть.
- Натакаться* — наткнуться.
- Невестка* — жена сына или брата.
- Невольник* — новобранец, сданный на
службу против воли.
- Непословна* — непослушна.
- Николи* — никогда.
- Ниченка* — ниточка.
- Нужа* — нужда.
- Обжинки* — середина жатвы.
- Обмендерить* — одеть в крестьянское мен-
деристое сукно (синее, кубовое).
- Облокать* — одевать.
- Обострочить* — отсрочить.
- Обстрадаться* — обжиться со страдания-
ми; отстрадаться — покончить страду,
уборку хлеба, покос.
- Одинцовов* — единственное, нет равного.
- Ознобный* — холодный.
- Оларет* — ларец.
- Олябыш* — пышный круглый пирожок кис-
лого теста.

- Опришенный* — отвергнутый.
Основа — продольные нити всякой ткани.
Оспожинки (госпожинки) — см. Дожинки.
Остуда — охлаждение.
Остудник — разлучник.
Отводины — приезд молодых к родителям
 молодухи на второй день после свадьбы.
Отказывать — отвечать, возражать.
Отменитая — отличная, особенная.
Отомнуть — отпереть, отомкнуть.
Отпить — отпеть.
Отрекнуться — отречься.
Отторнуть — отвести, оттолкнуть.
Оттошна — до тошноты.
Отукнуться — отозваться.
Охотнички — новобранцы- добровольцы.
Оцеп — слега или жердь, положенная ры-
 чагом на опору для спуска или подъема
 чего-либо (бадьи в колодце, люльки и
 т.п.).
Очестливый — учтивый, вежливый.
Падара — вьюга, сильный снегопад.
Падун — водопад.
Пашеница — пшено.
Паруша — баня с паром.
Переборка — перегородка в избе.
Переклеть — подмости, крыльцо и перила
 у амбара.
Перекстить — перекрестить.
Перелешник — обольститель.
Перхать — кашлять.
Пестер (пестерь) — большая высокая кор-
 зина, плетеная раструбом из прутняка
 или бересты.
Плетюха — посуда, сплетенная из корней.
Плис — бумажный бархат на льняной осно-
 ве.
Победный — несчастный.
- Победнушка* — несчастная, бесталанная.
Повалуша — общая спальня.
Повойник — женский головной убор.
Поволька — воля.
Повону — снаружи.
Подбоярка — подруга невесты.
Подголосницы — плакальщицы, помогаю-
 щие невесте причитать.
Подклеть — нижнее жилье избы.
Подоброумить — посоветовать.
Подомарь (пономарь) — низший церков-
 ный служитель в православной церкви.
Поезжане — все гости на свадьбе.
Подрочить — потрепать.
Подружье (полудружье) — помощник
 дружки (см.).
Позор-местечко — самое видное место.
Позяблый — похолодевший, застывший.
Покаты — наклоны, склоны.
Покровенный — покрытый.
Покрутка — одежда, наряд.
Полудружье — см. Подружье.
Посыскать — шататься, бродить.
Понутру — внутри.
Поохотеть — захотеть, пожелать.
Пополза — змея.
Порото — очень сильно, крепко.
Поретовать — спасать.
Порушать — разрезать.
Посаг — приданое.
Посиденочки — посиделки, собрание мо-
 лодежи.
Посновать — наткать.
Посрекаться — ошибаться.
Посылка — посыльный.
Посыта — сладкое питье.
Потай — тайно.
Похилить — наклонить, нагнуть.

- Правоплечница* — самая близкая подруга невесты, стоящая справа от нее во время свадебного обряда.
- Пральник* — валеk для стирки белья на речке.
- Прибоенка* — спинка, прибитая доска.
- Привитать* — приютить.
- Прилука* — возлюбленная, любимая.
- Придрокушка* — любимый.
- Присадочка* (присада) — нанос к одному берегу земли или песку.
- Причелинка* — подоконник, верхний или нижний косяк на окнах, дверях и т. п.
- Пришану гь* — пошатнуть, наклонить.
- Пришиголье* — волна.
- Пуня* — сеновал, сарай.
- Пята* — опорная часть двери, вставляемая в основание, гнездо; отворить на пята — распахнуть настежь.
- Радельник* (раденщик) — заботливый человек.
- Радить раду* — совещаться.
- Рады* — мелкий болотный ельник.
- Разболочать* — раздевать.
- Раздиять* — разогнать, развеять горе.
- Разымчивый* — разнимающий в драке.
- Раменье* — глухое место на краю деревни, под лесом; конец пашни, упирающийся в лес.
- Распрокинуть* — распахнуть.
- Раховаться* — пугаться.
- Редовая* — обычная крестьянская работа.
- Рели* — два столба с перекладиной; высокие перила, ограда.
- Репице* — колючее растение.
- Рети-бархати* — из рытого бархата.
- Ручник* — полотенце.
- Рынок* — округлый мыс при слиянии двух рек.
- Рясисто* (рясно) — крупно, обильно.
- Саватиночка* — саван.
- Сват* — тот, кто сватает невесту.
- Сватья* — мать или родственница одного из супругов по отношению к родителям или родственникам другого супруга.
- Сваха* (сватунья) — та, кто сватает невесту.
- Свекор* — отец мужа.
- Свекровь* — мать мужа.
- Свояченица* — сестра жены.
- Свяченный* — освященный.
- Сгибень* — ритуальный свадебный закрытый пирог, который кладется на стол, когда жених с дружкой приезжают за невестой.
- Сдвуродимый* — двоюродный.
- Сдержжава* — см. Держава.
- Семеюшка* — супруг, супруга.
- Середа* — место под печью.
- Сесь* — сей, этот.
- Скаченный* — речной, обкатанный в реке (о жемчуге).
- Сколота* — забота, тревога, беспокойство.
- Скрозенозный* — зловередный, всюду чинящий козни.
- Скрута* — приданое невесты.
- Скрутный поезд* — свадебный поезд, везущий приданое невесты.
- Скулья* — горсть, жменя.
- Скуп* — откуп.
- Скуфья* — бархатная фиолетовая шапочка, знак отличия «белого» духовенства.
- Смегать* — смекать, догадываться.
- Сновать* — ткать.
- Сноха* — жена сына.
- Соломат* (саламата) — жидкая мучная каша.
- Спахнуться* — схватиться, спохватиться.
- Спорядовый* — живущий на одной линии деревни.
- Соханы* — раскидистый.

Сочить — искать, разыскивать.

Спацливый — заботливый, вежливый, обходительный.

Сподбаять — подговорить.

Спорынья — успех, удача, выгода; прибыль; рост.

Став — ткацкий станок.

Стайка — хлев, сарай.

Станица — куча, толпа, стая.

Столесенка (столешенка) — столешница, верхняя доска стола.

Стопец — чарка.

Сторонь — другая сторона.

Стоснуться — соскучиться, стосковаться.

Стрета — встреча.

Стыкаться — встречаться.

Су — сударь.

Судено — деревянная посуда.

Судьба — осуждение; жалоба.

Суетничать — нагонять, догонять.

Сугревное — яркое, жаркое.

Сумен — сума.

Сумет — сугроб, снежный занос.

Суслон — несколько снопов, поставленных на жнивье для просушки стоймя колосьями вверх и накрытых сверху одним снопом.

Сутон — угол под иконами, передний, красный угол.

Сухотовать — печалиться, горевать, сокрушаться.

Сыта — подслащенная медом вода, медовый взвар.

Сявба — сев.

Тальянский — итальянский.

Тамбурка (тамбур) — род вышивки на паялах (петля в петлю).

Танок — хоровод, игровая пляска.

Терьки — смерзшийся навоз.

Тесть — отец жены.

Теща — мать жены.

Ткиюшка — ткачиха.

Тожно — тогда.

Торбасы — мягкие олени сапоги.

Торица — сорная трава.

Тороки — ременная плетенка для поклажи позади седла.

Троеперный — имеющий перья трех цветов.

Тулиться — прятаться, укрываться.

Тын — изгородь из кольев.

Тыновниночка (тынина) — кол, жердь в изгороди.

Тысяцкий (тысячко) — первый свадебный чин, самый почетный гость со стороны жениха (обычно его крестный отец), всегда находящийся рядом с ним.

Уборка — сборка.

Удавать (удать) — сплеховать.

Узначаться — обозначаться.

Укол — возле, около.

Ульлик — улей.

Уная — плохая.

Упадь — неудача.

Упальный — опальный, несчастливый.

Уречный — установленный, определенный, урочный.

Урод — урожай.

Ускрой — раскрой.

Уток — поперечная нить, идущая поперек основы (см.) и перебором образующая ткань.

Ухичаться — прятаться.

Уходить — обиходить.

Ухват — рогац, род железных вил для доставания горшков и чугунков из печи.

Учливый — вежливый.

Фалетор — фореитор, верховой, верховой, сидящий на одной из лошадей, запряженных цугом.

Финифть — эмаль по металлу.
Фойка — хвоя.
Хаз — конец дорогой ткани; позумент.
Хазова повязочка — девичий головной убор из дорогой ткани, украшенной позументом.
Хежовый — из тонкого холста в полоску.
Хоробистый — извилистый.
Хробоско — шумно, громко.
Цеп — орудие для обмолота зерна.
Цепела — косарь; большой нож.
Чаковитый — красивый, хороший.
Чело (челышко) — часть печи над печным отверстием, устьем.
Червый — красный.
Чиненый — приготовленный.
Читье — чтение.
Чомливый — важный.
Чуски (чусы) — серьги, унизанные жемчугом.
Чуть — чують, слышать.
Шайка (шаюшка) — деревянное ведро, ушат.
Шановать — почитать, угождать.
Шаховаться — отступать.
Шепела — злюка.
Шилок — спица.
Ширинка — полотенце.
Шмоничать — шутить, плутовать, насмехаться.
Штукавый — хитрый, шутник, себе на уме.
Шурья (шурин) — брат жены.
Щелок — отвар древесной золы для стирки и мытья.
Щелкатурный — задорно стучащий.
Щепливый — щегольской.
Ю — ее.
Юшка — всякий навар, чаще рыбный.
Ягоница — овца с длинной шерстью.

Ям — почтовая станция.
Ярина — яровая рожь.
Яровчатый (яроватый) — бойкий, быстрый, ретивый.
Ярушка (ярочка) — овечка.
Ярый воск — чистый, белый; расплавленный.
Яхонт — драгоценный камень. Красный рубин, голубой или синий сапфир.

Оглавление

Вступление	7
Календарные праздники и обряды	13
Святки. Рождество. Новый год	15
Весна. Масленица	32
Заклички весны	42
Егорьев день	47
Вербное воскресенье	53
Пасха	56
Зеленые святки	64
Иван Купала	83
Жатва	92
Семейно-бытовые праздники и обряды	105
Крестины	107
Свадьба	109
Похороны	197
Проводы рекрутов	233
Приложения	255
Список библиографических сокращений	258
Комментарии к текстам	262
Календарь основных православных праздников	277
Словарь устаревших и народных слов	278

Галина Григорьевна Шаповалова,
Людмила Сергеевна Лаврентьева

ЖИЛИ-БЫЛИ...

Русская обрядовая поэзия

Издание выпущено при финансовой поддержке
Администрации Санкт-Петербурга

Авторы и издательство
выражают сердечную признательность
княжне Екатерине Голицыной (Париж)
за финансовую поддержку этого издания

Редактор Р.Г.Рабинович
Корректор Н.В.Волохонская
Компьютерный набор Л.Л.Подъячева
Оформление, макет и компьютерная верстка —
художника Д.А.Бюргановского
Фотографии на с. 2, 4 — В.П.Мельникова

Лицензия ЛР № 070937 от 20 апреля 1993 г.

Подписано в печать 20.02.98. Формат 70х90/16. Гарнитура: Time Roman, Pragmatica C.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 20,88. Тираж 3000 экз. Заказ № 3536
Издательство «Русско-Балтийский информационный центр БЛИЦ»
191011, Санкт-Петербург, ул. Думская, 3.
Санкт-Петербургская типография "Наука" РАН.
199034, Санкт-Петербург, В.О., 9-я линия, 12.